

ФОНД «ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ»
по заказу Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив

**«Новое позиционирование Российской Федерации
в глобальном хозяйстве – возможности и перспективы»**

**Москва
сентябрь 2015**

Оглавление

Вступление. «Поворот на Восток» — невозможный и неизбежный	3
Глава I. Перебалансирование глобальной экономики. Что означает быть в мейнстриме?	8
I.1 АТР — новый локомотив роста	9
I.2 Структурные реформы — общий тренд	12
I.3 Международная экономическая координация — российские интересы	20
Глава II. Мировая торговля — вызовы для России	27
II.1 Россия во Всемирной торговой организации — незадействованный ресурс	29
II.2 Межрегиональные торгово-инвестиционные форматы — «новая реальность»?	36
II.3 Развитие глобальных цепочек добавленной стоимости	42
II.4 Структурные барьеры оптимизации внешнеэкономической деятельности	49
Глава III. Реинтеграция в глобальное хозяйство — управление системными рисками	66
III.1 Технологический прогресс и новые рынки	67
III.2 Поворот к Азии — больше рациональности!	79
III.3 Перспективы евразийского интеграционного проекта	97
Глава IV. Укрепление позиций России в мировой экономике — принципы долгосрочной стратегии	111
Вместо заключения	125

Вступление. «Поворот на Восток» — невозможный и неизбежный

Споры о возможности и необходимости «поворота на Восток» для России ведутся давно. Но наши представления как о самом Востоке, так и о природе международного сотрудничества (в первую очередь, экономического) зачастую оказываются поверхностными и устаревшими. А где нет ясного видения, нет и результата — дело ограничивается чередой дружественных жестов. Не определен комплекс реалистичных задач, не выработана стратегия их решения.

События 2014 г. сделали, казалось бы, неизбежной радикальную переориентацию России с прежнего западного вектора в ее поиске политических и экономических партнеров. На недавнем «Балтийском форуме», одной из крупнейших международных площадок для многостороннего экспертного обсуждения этой темы, ряд российских участников прямо говорил о том, что «окно возможностей» для строительства «Большой Европы» наглухо захлопнуто. «...Пути Европы и России расходятся всерьез и надолго — не на месяцы и даже не на годы, но, вероятно, на десятилетия»; континентальный раскол имеет «не только радикальный, но и необратимый характер, ставя крест на одних политических проектах и открывая возможности для других», и отношения с Евросоюзом впредь «не должны быть заложниками политической риторики и романтических ожиданий конца прошлого — начала нынешнего столетия»¹.

Эти тезисы не лишены резона — но только в том случае, если политическая риторика современного неоевразийства и романтические ожидания середины 2010-х гг. имеют под собой действительно прочную почву в общемировой и региональной реальности. Да, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) чем дальше, тем больше становится

¹ И. Иванов. Закат Большой Европы. Выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность», 12 сентября 2015 г., Юрмала, Латвия. http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6564

средоточием новых возможностей для укрепления экономической и геополитической конкурентоспособности. Однако каковы именно данные возможности? Если не иметь о них четкого представления, погоня за фантомными выгодами от смены глобальной ориентации обернется в лучшем случае несколькими потерянными годами, в худшем — десятилетиями на обочине мирового развития.

Наша работа — это попытка определить вероятные пути экономического развития АТР в ближайшей и среднесрочной перспективе, выявить, каким образом Россия может реализовать свой потенциал на этих путях. Ответить на вопрос, насколько вообще останется актуальным деление на «Запад» и «Восток», будет ли состоятельным стратегический выбор, сделанный на его основе. Или укрепление позиций нашей страны в мировой экономике (целостной, связанной глобальными цепями добавленной стоимости и институтами международной координации) возможно лишь при одинаково активной работе по всем географическим векторам?

Но верно и то, что даже если «поворот на Восток» для России невозможен — он неизбежен. Всякий, кто пытается описать те риски, с которыми сталкивается сейчас наша страна в области внешнеэкономического репозиционирования, не может игнорировать факт институциональной инерции. Последний означает, что соответствующие институты власти, как исполнительной, так и законодательной, в современных российских условиях не могут действовать вне заданного политическим Центром вектора: поиск и укрепление новых союзов, минимизация последствий «агрессивной враждебности» Запада. Сколько бы ни звучало призывов к сохранению или восстановлению отношений с ЕС, США и их союзниками ради очевидных выгод, которые это сулит нашему экономическому развитию, вышеупомянутые российские институты обречены будут реализовывать соответствующие инструкции.

В свете сказанного, после июльских саммитов ШОС и БРИКС в Уфе можно утверждать, что поиск решений по укреплению экономической

интеграции с развивающимися незападными (в первую очередь, азиатскими) экономиками прошел своего рода точку невозврата, особенно для высшего эшелона российского чиновничества. Просчитывая сценарии более сбалансированного курса на равноприближенность или «равнонеобходимость» России и для Востока, и для Запада это надо учитывать — и прилагать соответствующие интеллектуальные усилия — тем группам просвещенных патриотов, которые по-прежнему предполагают возможность диалога с западными партнерами. Напрочь отбросить идею «поворота на Восток» только исходя из того, что эта линия усиленно продвигается консерваторами, а зачастую и реакционерами, было бы контрпродуктивно.

У выхода России из «восьмерки» и перехода ее тем самым из высшей лиги мировой политики и экономики в первую есть и своя положительная сторона. Более 100 лет назад премьер-министр С. Ю. Витте в связи с печально завершившейся для нас японской войной писал главнокомандующему русской армией А. Н. Куропаткину, что России целесообразно войти во второй ряд мировых держав, укрепляя порядок внутри страны и поднимая национальную экономику, а не пытаться играть роль мирового лидера, бездумно расходуя на это ресурсы. «Нужно... начать новую, деятельную жизнь разумного строительства. Нужно лет на 20—25 заняться только самими собою и успокоиться во внешних отношениях»², настаивал Витте.

Это же чуть позже повторил в газетном интервью следующий российский премьер, П. А. Столыпин: «дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России».

В один голос с российскими реформаторами говорили и беспристрастные западные историки. «Для России не было жизненно важным пытаться сравняться с Западом в качестве современной

² Переписка Витте с Куропаткиным в 1904—1905 гг. — «Красный архив». 1926. Т. 6 (19). С. 80.

индустриальной державы, ей следовало выйти из международного соревнования на одно или два поколения для культивации своего огромного и почти что девственного сада» (Т. Ржига. Чтения по истории русской цивилизации. Чикаго, 1969). Через полсотни лет ему вторит Ю. Румер, ныне исследователь Фонда Карнеги, а в недавнем прошлом сотрудник американского Национального разведывательного совета. Нынешние исходные условия он характеризует так: «Экономика России буксует, ее военный потенциал не сравним с возможностями США и их союзников, а действия Москвы во многом кажутся продиктованными преувеличенными представлениями о существующих угрозах и чувством собственной уязвимости как на внутривосточной, так и на международной арене»³.

Возвращаясь к новой реальности во взаимоотношениях Восток-Запад и российскому месту в них, нам надо понимать, что наш руководящий класс, пребывая в вышеописанной институциональной инерции, уже необратимо «повелся» на броский постулат китайского лидера Си Цзиньпина. Председатель КНР сформулировал его в Уфе следующим образом: в Евразии формируется «сообщество с коллективной судьбой». Вряд ли люди, сколь-нибудь посвященные в отношения Китая с внешним миром, признают «коллективизм» китайского мироощущения аксиомой. Но за неимением других альянсов мы начинаем верить (или делать вид, что верим) в эту мантру. И устами довольно авторитетных российских мыслителей повторять антимантру: «Век старого Запада на закате».

Эти мыслители знают, что ВВП России — 2 трлн долл., а «Большого Запада» — 30 трлн долл., что в России в 2013 г. была зарегистрирована 31 тыс. патентов, а в США — почти 278 тыс., что в мировых академических рейтингах лучший отечественный вуз, МГУ, занимает места от 84-го до 196-го, но всё равно, «они на закате». Ставший под конец жизни таким же скептиком Ф. М. Достоевский от лица Ивана Карамазова описывал

³ Ю. Румер. Россия — угроза иного порядка. — Московский центр Карнеги, 6 августа 2015 г. <http://carnegie.ru/2015/08/06/ru-60956/iedl>

современную ему Европу как кладбище, пускай и «самое дорогое кладбище» («...дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что всё это давно уже кладбище, и никак не более»).

Прошедшие с тех пор 135 лет европейской истории, кажется, не вполне подтвердили правоту героев Достоевского. Разумеется, витальную силу современного «не-Запада» тоже невозможно отрицать. Но для нынешнего мира вопрос о том, кто кого похоронит — вообще вопрос пустой и бессмысленный. Путь развития в конкуренции и сотрудничестве открыт для всех, готовых по нему двигаться.

Глава I. Перебалансирование глобальной экономики. Что означает быть в мейнстриме?

Кризис 2008—2009 гг., нередко называемый «Великой рецессией», положил начало переходу глобального хозяйства в иное качественное состояние, которое будет отличаться новыми структурными характеристиками — балансами общемировых предложения и спроса, соотношением финансовых секторов и производства товаров и услуг, распределением экономической мощи (долей в ВВП мира, объемах финансовых рынков, прямых иностранных инвестиций и т. п.).

Процесс не быстрый. По оценкам, новому облику *raх есоnотіса* предстоит складываться еще 10—15 лет⁴. За это время будет радикально меняться содержание каждого процента темпов экономического роста, которое станет зависеть от способности отвечать на демографические вызовы (одновременно и рост, и старение населения Земли⁵), на глубокие коллизии, связанные с изменениями климата, на появление новых форм социального неравенства (доступ в цифровой мир и к услугам здравоохранения, образования и т. п.). На этом же временном горизонте распространение нового (шестого по счету) технологического уклада⁶, последствия которого для экономики и общества пока еще малоразличимы и трудно предсказуемы, но уже требуют самых активных мер, содействующих накоплению человеческого капитала.

⁴ В ряде исследовательских работ этот процесс определяется как «системный кризис», аналогичный событиям 1930-х и 1970-х гг. При всей уникальности каждого такого кризиса у них есть и общие черты: тесное переплетение циклических и структурных факторов; наложение на них существенных потрясений в финансовых системах практически всех национальных экономик; переход к новым моделям экономического роста; «переформатирование» балансов сил в геоэкономике и геополитике; смена моделей госрегулирования социально-экономических процессов; постановка вопроса о радикальных сдвигах в мировой финансовой архитектуре; формирование новой доминирующей экономической доктрины (по аналогии с кейнсианством и неолиберализмом в XX в.). См., например, В. Мау, А. Улюкаев. Глобальный кризис и тенденции экономического развития. — «Вопросы экономики», 2014, № 11.

⁵ По оценкам ООН, число жителей Земли старше 65 лет к 2030 г. удвоится до 1 млрд человек, общая же численность мирового населения достигнет 8,3 млрд человек.

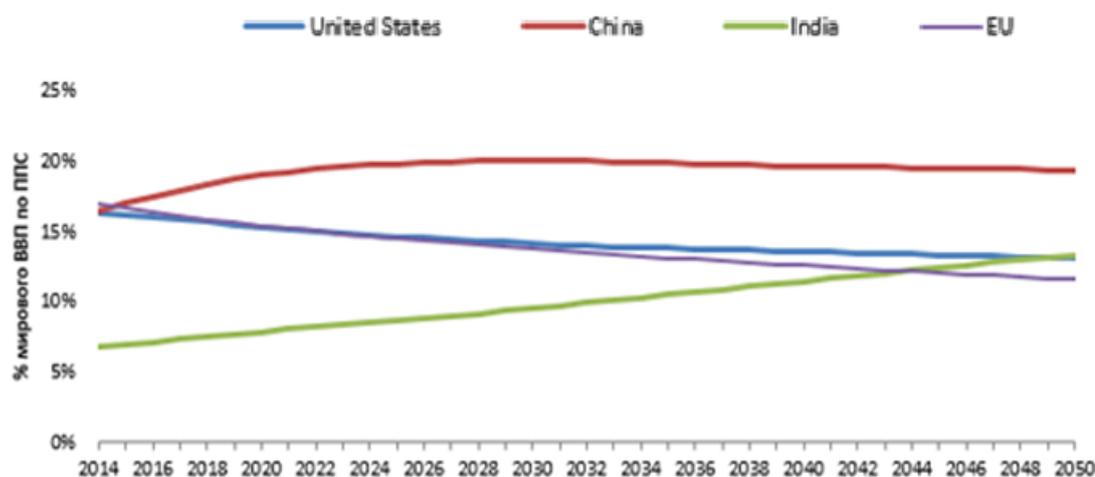
⁶ См. подробнее раздел 2 главы III настоящего доклада.

В целом же начальная фаза транзита глобального хозяйства к новой структуре уже обнаружила для всех его участников необходимость адаптации к «продвинутой взаимозависимости», когда целостный экономический мир все более выступает основанием перемен в его национальных составляющих. Усвоение логики этих процессов чем дальше, тем больше будет определять нескоротечную устойчивость результатов и российской экономической политики.

I.1 АТР — новый локомотив роста

Согласно прогнозам, общемировой ВВП может удвоиться к 2037 г. и утроиться к 2050 г. Доля Китая в середине 2020-х гг. стабилизируется на уровне 20% в результате снижения темпов роста до среднемировых. Доля США сократится с 17% до 14%, Индии — вырастет с 7% до 14%, стран ЕС понизится с 17,5% до 12%. При этом средний доход на душу населения в Китае составит лишь 40%, а в Индии — 20% от американского уровня.

Изменение в расстановке сил в глобальной экономике: прогнозируемые доли стран в мировом ВВП по ППС

Источник: PwC, IMF

Главный «нервный узел» нового мирохозяйственного устройства неуклонно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион — «большая

тройка» лидеров (Китай, США и Индия) «прописана» именно здесь. Да и другие страны с постоянным местом регистрации в регионе (Япония, Индонезия) прочно обосновались на ближайшие десятилетия в десятке ведущих экономик. В их числе также Россия, а в перспективе и Мексика.

**Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП,
рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС)
в постоянных ценах 2014 г., выраженных в долларах США**

		2014		2030		2050	
Место по ППС	Страна	ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (долл. США за 2014 г.)	
1	Китай	17 632	Китай	36 112	Китай	61 079	
2	США	17 416	США	25 451	Индия	42 205	
3	Индия	7 277	Индия	17 138	США	41 384	
4	Япония	4 788	Япония	6 006	Индонезия	12 210	
5	Германия	3 621	Индонезия	5 486	Бразилия	9 164	
6	Россия	3 559	Бразилия	4 996	Мексика	8 014	
7	Бразилия	3 073	Россия	4 854	Япония	7 914	
8	Франция	2 587	Германия	4 590	Россия	7 575	
9	Индонезия	2 554	Мексика	3 985	Нигерия	7 345	
10	Великобритания	2 435	Великобритания	3 586	Германия	6 338	

Источник: PwC, IMF

Приведенный прогноз — это лишь одна из возможных версий «глубокой исторической перспективы». Картина может существенно поменяться под влиянием новой технологической волны, распространение которой в тех или иных экономиках будет прямо зависеть от реализации структурных повесток, то есть, перехода к новым моделям развития и трансформаций институтов и регулятивных практик. На этом пути, однако, практически всем развивающимся странам предстоит миновать «ловушку

средних доходов»⁷. Риски которых могут усиливаться невысоким качеством институционально-регулятивной среды — своего рода «минным полем» ожидаемой экономической динамики⁸.

Тем не менее, общий вектор просматривается уже вполне четко. Для многих в России АТР — это прежде всего географические координаты новых рынков. По сути же — «плавильный котел» нового облика глобальной экономики. Концентрация в АТР факторов общемирового роста чем дальше, тем сильнее будет влиять на структурные трансформации во всех ведущих экономиках мира. Россия — не исключение. Для того, чтобы через 20—30 лет остаться в лидирующей десятке, нужно глубокое погружение в экономику этого мегарегиона, который ко всему прочему надолго сохранит роль драйвера перебалансированного глобального спроса (к 2025 г., согласно оценке McKinsey Global Institute, в АТР будут жить не менее трех четвертей из 3 млрд человек, которые на этом временном отрезке присоединятся к мировому среднему классу).

Если вернуться к вышеприведенному прогнозу, то перемещение России с 6-го на 8-е место в мировой таблице о рангах, на первый взгляд, выглядит не критично. На деле же «первая тройка» резко уходит вперед, и российское отставание существенно усиливается. При среднегодовых темпах России в

⁷ «Ловушка средних доходов» (Eichengreen's middle income trap) — закономерность, описанная американским экономистом Б. Эйхенгрином и состоящая в том, что по мере роста доходов населения экономика той или иной страны теряет конкурентное преимущество в цене рабочей силы, что сопровождается замедлением темпов увеличения ВВП. Эмпирически выявлено по меньшей мере две зоны риска, когда ВВП на душу населения в год достигает 10—12 тыс. долл. и 16—18 тыс. долл.

⁸ На то, что российские риски уже реализуются указывает неудовлетворительная динамика рейтингов конкурентоспособности. Всемирный экономический форум (ВЭФ) в 2015 г. поставил Россию на 64-е место (подняв на три позиции), но зафиксировал откат с «рубешей» по качеству институтов, уровню развития бизнеса и финансовой системы (с отставанием по этим параметрам от Китая). В рейтинге Международного института управленческого развития (IMD) (61 страна) Россия в текущем году, напротив, сместилась с 38-го на 45-е место, в «Индексе экономической свободы» Heritage Foundation она заняла 143-е место из 178, в рейтинге наиболее перспективных развивающихся рынков Bloomberg Markets перешла с 14-го места на 22-е. В 2014 г. впервые за десять лет Россия выбыла из списка «топ-25» стран, наиболее популярных у иностранных инвесторов (публикуется в июне консалтинговой компанией A.T.Kearney для так называемых консервативных инвесторов, прежде всего, пенсионных фондов, и составляется на основе опросов 300 мировых компаний с годовой выручкой не менее 1 млрд долл., обеспечивающих 75% глобального потока прямых инвестиций). Возвращения-2015 не случилось.

2,1% (против 3% по миру в целом) отрыв по объемам ВВП от лидеров углубляется с 2—5 до 5,5—8,5 раз⁹.

Это серьезный вызов, отвечать на который предстоит реализацией антикризисной повестки структурных реформ и в экономике, и в социальных секторах, и в госуправлении в целом. Без этого непрочность позиций в глобальном хозяйстве будет только усиливаться (в некоторых сценариях уход из «топ-10» вероятен уже в 2020—2025 гг.). О том, что действующая экономическая модель выработала ресурс, свидетельствует, например, такой факт: при поступлениях в 2010—2014 гг. за счет экспорта почти 2,5 трлн долл. (по ходу мощного нефтяного бума) объем ВВП-2014 в сравнении с 2008 г. прибавил лишь 6%. От общемирового этот темп отстал ровно вдвое.

В 2014 г. доля России в мировом ВВП по паритету покупательной способности насчитывала 3,1% (оценка МВФ в июле 2015 г.). При пересчете ВВП на душу населения 6-е место по общему объему трансформируется в 51-е. К 2020 г. позиции могут ухудшиться: подушевой ВВП (по ППС), по прогнозу МВФ, вырастет с 24,1 тыс. до 27,7 тыс. долл. (для сравнения — в Латвии, Польше и Греции он к этому сроку составит 33,0—34,6 тыс. долл.), а доля ВВП в мире в целом снизится до 2,66%. Объективно востребованной реинтеграции в глобальное хозяйство, таким образом, стартовать предстоит в условиях экономической стагнации.

1.2 Структурные реформы — общий тренд

Еще в начале 2015 г. ожидания в отношении ближайших перспектив глобального роста описывались в МВФ словами «слишком медленный, слишком непрочный и слишком нестабильный». В июле прогноз был пересмотрен в сторону снижения.

⁹ Средние темпы роста реального ВВП в 2015—2050 гг. составят: в Индии 4,9%, в Китае 3,4%, в США 2,4%, в том числе на душу населения 4,2%, 3,4% и 1,8% соответственно.

Прогнозы МВФ, изменения в %

	Прогнозы				Отличие от прогнозов ПРМЭ за апрель 2015 года ¹	
	2013	2014	2015	2016	2015	2016
Мировой объем производства	3,4	3,4	3,3	3,8	-0,2	0,0
Страны с развитой экономикой	1,4	1,8	2,1	2,4	-0,3	0,0
США	2,2	2,4	2,5	3,0	-0,6	-0,1
Зона евро	-0,4	0,8	1,5	1,7	0,0	0,1
Германия	0,2	1,6	1,6	1,7	0,0	0,0
Франция	0,7	0,2	1,2	1,5	0,0	0,0
Италия	-1,7	-0,4	0,7	1,2	0,2	0,1
Испания	-1,2	1,4	3,1	2,5	0,6	0,5
Япония	1,6	-0,1	0,8	1,2	-0,2	0,0
Соединенное Королевство	1,7	2,9	2,4	2,2	-0,3	-0,1
Канада	2,0	2,4	1,5	2,1	-0,7	0,1
Другие страны с развитой экономикой	2,2	2,8	2,7	3,1	-0,1	0,0
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны	5,0	4,6	4,2	4,7	-0,1	0,0
Содружество Независимых Государств	2,2	1,0	-2,2	1,2	0,4	0,9
Россия	1,3	0,6	-3,4	0,2	0,4	1,3
Страны кроме России	4,2	1,9	0,7	3,3	0,3	0,1
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Азии	7,0	6,8	6,6	6,4	0,0	0,0
Китай	7,7	7,4	6,8	6,3	0,0	0,0
Индия	6,9	7,3	7,5	7,5	0,0	0,0
АСЕАН-5 ²	5,1	4,6	4,7	5,1	-0,5	-0,2
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны Европы	2,9	2,8	2,9	2,9	0,0	-0,3
Латинская Америка и Карибский бассейн	2,9	1,3	0,5	1,7	-0,4	-0,3
Бразилия	2,7	0,1	-1,5	0,7	-0,5	-0,3
Мексика	1,4	2,1	2,4	3,0	-0,6	-0,3
Ближний Восток, Северная Африка, Афганистан и Пакистан	2,4	2,7	2,6	3,8	-0,3	0,0
Саудовская Аравия	2,7	3,5	2,8	2,4	-0,2	-0,3
Страны Африки к югу от Сахары	5,2	5,0	4,4	5,1	-0,1	0,0
Нигерия	5,4	6,3	4,5	5,0	-0,3	0,0
Южная Африка	2,2	1,5	2,0	2,1	0,0	0,0
Развивающиеся страны с низкими доходами	6,1	6,0	5,1	6,2	-0,4	0,2

¹ На основе округленных цифр

² Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины

Источник: МВФ, «Перспективы развития мировой экономики», июль 2015 г.

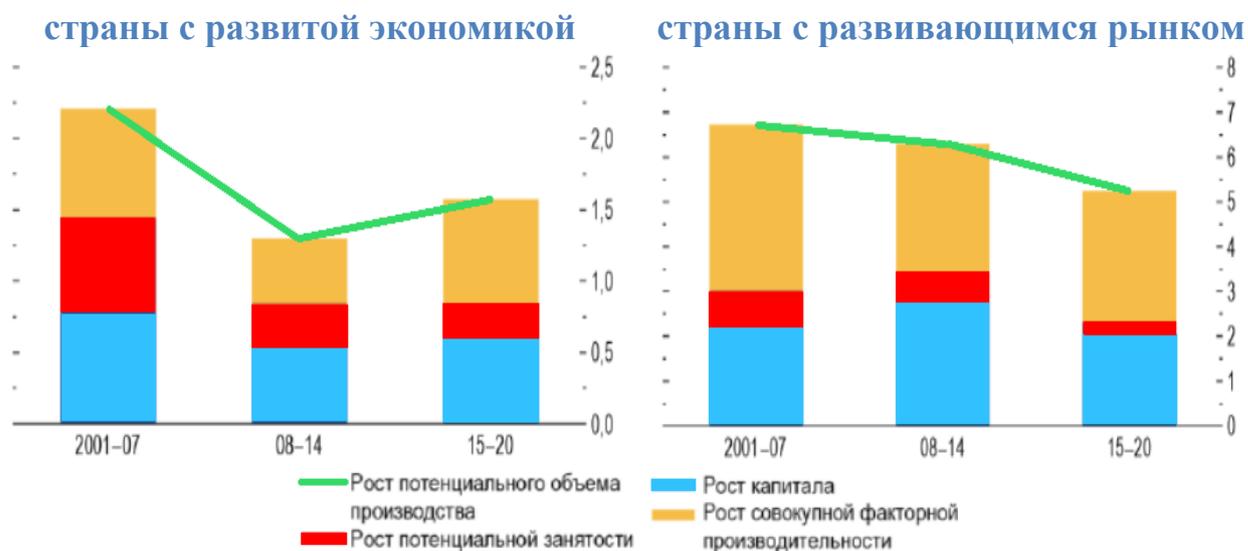
К осени торможение опять усилилось, и прогнозы вновь поставлены на пересмотр, теперь уже на 2016—2017 гг. (новая версия будет опубликована в октябре 2015 г.). Основные причины — более слабое, чем ожидалось, восстановление в развитых странах (прежде всего, в еврозоне и Японии) и продолжение замедления в развивающихся экономиках, особенно в Латинской Америке (Бразилия и вовсе оказалась в рецессии). При этом Азия по-прежнему остается локомотивом глобального роста, но и она демонстрирует более низкие темпы с тенденцией к еще большему

ослаблению (главный «потерпевший» — Китай) в условиях всплеска волатильности на финансовых рынках и оттока капитала (бегство от риска).

Ситуация непосредственно сказывается и на динамике мировой торговли, темпы которой в 2015-м и, по-видимому, в 2016 г. окажутся ниже предполагаемых ранее. Сезонно очищенный экспорт стран «Группы 7» и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), по оценке ОЭСР, во втором квартале 2015 г. в сравнении с первым сократился на 1,2%, импорт — на 0,9%.

Снижение потенциальных темпов роста, затронувшее по сути весь мир, уже может расцениваться, по меньшей мере, как среднесрочная тенденция. В 2014—2020 гг., по ожиданиям МВФ, эти показатели будут ниже докризисных (до 2008—2009 гг.) как в развитых — 1,6% против 2,3%, так и в развивающихся странах — 5,2% против 6,5%.

Динамика роста потенциального объема производства и его составляющих, в %

Источник: МВФ

Следует, однако, иметь в виду, что в таком «низкоскоростном режиме» могут происходить качественно новые процессы, не улавливаемые традиционной статистикой. Компании вкладывают в настоящее время столько же, если не больше, в капитал, основанный на знаниях (программное обеспечение, обработку данных, включая облачные технологии, системы организации управления производством — то есть, так называемые нематериальные активы), чем в машины, оборудование и производственные

сооружения. Таким образом, классические инвестиции в основной капитал отстают под напором информационных технологий (если, например, использовать «облака», то можно сократить потребность в собственных серверах и датацентрах).

Вместе с тем, динамика инвестиций может быть поддержана вложениями в инфраструктуру, общемировая потребность в которых (объем вложений в заявленные и разрабатываемые проекты) оценивается в настоящее время более чем в 7 трлн долл. Эффект может быть немалым. По расчетам персонала МВФ, в выборке стран с развитой экономикой увеличение инвестиционных расходов на инфраструктуру на 1 п.п. ВВП повышает объем производства примерно на 0,4% в том же году и на 1,5% через четыре года. Речь идет, прежде всего, о госрасходах, финансируемых за счет выпуска специализированных долговых инструментов. Понятно, что условием реализации такой возможности является существенное повышение эффективности госинвестиций за счет совершенствования оценки проектов, их отбора, реализации и тщательного анализа затрат и выгод (с проведением на каждой из этих стадий независимой экспертизы). Это особенно актуально для Китая и Индии, равно как и России. Одновременно возрастает запрос на эффективные институты государственно-частного инвестиционного партнерства.

Ухудшение перспектив роста, естественно, формирует новые вызовы перед экономической политикой. «Классика» налогово-бюджетных консолидаций (в которой многие развитые страны так и застряли на полпути¹⁰) и нетрадиционные «количественные смягчения» в сфере денежно-кредитной политики (ДКП), позволяя правительствам и денежным властям маневрировать на относительно коротких временных треках (2—3 года), теряют свою «энергетику» на более длинных горизонтах. Отсюда и

¹⁰ В апрельском докладе МВФ «Бюджетный вестник» (Budget monitor) выделяются «три направления действий для обоснованной налогово-бюджетной политики»: (1) гибкое использование ее возможностей для поддержки роста при одновременном снижении рисков среднесрочной устойчивости госдолга на основе перебалансировки расходов и реформирования бюджетных секторов; (2) учет эффектов, создаваемых падением цен на нефть (сокращение доходов у экспортеров в среднем на 4% ВВП в 2015 г. и экономия бюджетных средств у импортеров примерно на 1% ВВП) путем сокращения или отмены энергетических субсидий (в потребляющих странах), снижения расходов и проведения реформ налогов на энергоресурсы (в странах-производителях)); (3) укрепление институциональных основ налогово-бюджетной политики (усиление ее контрциклического характера за счет повышения эффективности автоматических стабилизаторов — «бюджетных правил» и т. п.).

востребованность структурных реформ и связанных с ними инвестиций в производственную, транспортную и социальную инфраструктуру¹¹.

В итоге логика поддержки экономического восстановления после кризиса 2008—2009 гг. усилиями правительств и денежных властей по всему миру привела к формированию своего рода *«регулятивного мэйнстрима»*:

- постепенной нормализации ДКП (сильный импульс чему должно придать, как ожидается, повышение базовой ставки ФРС США);
- повышению роли налогово-бюджетной политики в усилении деловой активности и прежде всего, в ускорении структурных трансформаций (за счет умеренности в госрасходах и повышения их эффективности, сокращения объемов госдолга) в наиболее затратных секторах для госфинансов¹²;
- собственно структурным реформам, учитывающим, в первую очередь формирование новых рыночных институтов и модернизацию регулятивных норм и правил в сферах, где существуют наибольшие риски для макроэкономической стабильности и устойчивости финансовых систем, а также накоплены наиболее жесткие ограничения росту совокупной факторной производительности труда.

Растущая потребность в структурных трансформациях сложившихся национальных и даже макрорегиональных (как в ЕС-18 и ЕС-28) *экономических моделей — это уже тоже общемировой тренд*. Его можно наблюдать в усилиях по преодолению остающихся последствий

¹¹ В коммюнике XXXI совещания МВФ (18 апреля) по этому поводу сказано следующее: «Структурные реформы критически важны для укрепления доверия предпринимателей, стимулирования инвестиций и создания рабочих мест, особенно для молодежи, и достижения устойчивости роста, охватывающего более широкие слои населения, в основном за счет повышения совокупной факторной производительности, усиления роли женщин в экономике и совершенствования образования и подготовки кадров. В числе первоочередных задач — реформы рынков продукции и труда, углубление финансовых рынков, повышение качества трудовых ресурсов и занятости, совершенствование управления, борьба с коррупцией и преодоление неравенства». При этом особо подчеркивается, что реформирование международной торговли призвано дополнять и усиливать все другие направления структурных трансформаций.

¹² Мощный фактор, заставляющий двигаться в этом направлении, — старение мирового населения. По прогнозу МВФ, если средняя продолжительность жизни повысится в 2050 г. на 3 года сверх текущих ожиданий, то финансовые издержки в мире в целом, связанные с адаптацией к этому вызову для пенсионных систем и прочих видов социального страхования, вырастут еще на 50%.

кризиса еврозоны (например, в создании банковского союза и начале нового этапа финансовой интеграции), а также в последовательных, хотя и неоднозначных по своим промежуточным итогам, шагах Японии в реализации программы «абэномики». Захватывает он и США, уже столкнувшихся с рисками замедления роста, а также промышленной и кредитной стагнации во многом вследствие роста доллара и падающих нефтяных цен. При этом назревшие и провозглашенные реформы в ряде социальных секторов (например, здравоохранении) не разворачиваются в полной мере, в том числе из-за отсутствия убедительного плана среднесрочной финансовой консолидации.

В еще большей мере структурные факторы будут сказываться на экономической динамике в развивающихся странах. Политические лидеры Китая уже не раз заявляли о «критической важности активизации структурных реформ». Премьер Госсовета Ли Кэцян в марте 2015 г., выступая перед Всекитайским собранием народных представителей, сравнил их проведение с «вонзанием ножа в собственную плоть». Болевые шоки оказались острыми — фондовый кризис, грозящий перерасти в долговую, и неоднозначная по своим причинам и последствиям девальвация юаня, хотя и вывели на первый план реформирование финансовой системы, но привели к замедлению и отсрочке действий на других направлениях. Происходящее в настоящее время балансирование между двумя необходимостями — структурными реформами и дополнительными мерами стимулирования экономики — усиливает неопределенность в понимании скорости движения по заявленным маршрутам перехода к новой модели экономического развития, ориентированного на рост внутреннего потребления. Внутренние проблемы Китая уже несут в себе глобальные последствия.

Свои риски и у быстрорастущей Индии. Заметно продвинувшись в финансовой части своей структурной повестки (Резервный банк проводит политику гибкого таргетирования, Базель III в полном объеме включен в проект нового Финансового кодекса и т. п.), в ближайшие годы страна будет иметь дело с несбалансированностью высокодинамичных урбанизации и индустриализации со структурой занятости. В 2011 г. жители городов составляли 35% населения (около 400 млн человек). К 2030 г. численность горожан увеличится до 600 млн человек. Между тем, почти 80%

экономически активного населения работает за пределами городов и агломераций, а соотношение формальной и неформальной занятости — примерно 30:70. С 1980-х гг. промышленность в основном сосредотачивалась вне городов. В настоящее время в точках ее аллокации повсеместно констатируется крайний дефицит социальной инфраструктуры. В то же время доходы почти 75% жителей городов насчитывают менее 2 долл. в день.

Отсюда и системный вызов индийской структурной повестке — возвращение занятости в города, то есть своего рода неоиндустриализация урбанизации, но уже на новой технологической и экологически комфортной основе с особым упором на развитие человеческого капитала и повышение качества жизни.

Известная своими метафорами глава МВФ К. Лагард назвала наблюдаемую ныне ситуацию «новой посредственностью» темпов и условий роста, которая имеет высокие шансы закрепиться в виде «новой реальности» для всего мира. Чтобы этого не случилось, меры макроэкономической и финансовой политики, направленные на укрепление доверия и инвестиций, должны сопровождаться структурными реформами. Но именно с ними (даже на уровне формулирования и замыслов, и, тем более, политических целей) в большинстве стран наблюдается явное отставание. Все последние доклады, касающиеся проблем роста — ОЭСР, Всемирного экономического форума, МВФ, Всемирного банка и многих других авторитетных организаций — говорят именно об этом.

Тем не менее, в ближайшее время как минимум два обстоятельства могут существенным образом повысить актуальность структурных повесток. Первое — усиление социального неравенства. Последние исследования МВФ и ОЭСР показывают, что за последние два десятилетия (1990—2012 гг.) происходит постепенное выравнивание показателей неравенства по доходам на глобальном уровне. Средние уровни чистого индекса Джини¹³ (по состоянию на 2012 г.) насчитывают: для Азии 42,44 (Индии 49,7, Китая 47,3), Европы 30,63 стран Латинской Америки и Карибского бассейна 44,22 (в том числе Бразилии 46,2), Ближнего Востока и Северной Африки 42,22, Африки к

¹³ Чем ближе значение к нулю, тем более распределение доходов тяготеет к равномерному. Чем ближе коэффициент к единице, тем больше дохода концентрируется самой богатой группой граждан. Заметим, что оценки, альтернативные МВФ, для Китая составляют более 0,6, для России выше 0,4.

югу от Сахары 42,66, США 37,2, России 37,2. При этом в национальных границах картина обратная — неравенство доходов усиливается практически повсеместно¹⁴.

Расчеты обнаруживают примечательную закономерность: повышение благосостояния богатых на 1 п.п. ведет к тому, что за следующие пять лет темпы роста ВВП в «усредненной» стране снижаются на 0,08 п.п., аналогичный же подъем уровня доходов бедных и среднего класса может привести к ускорению ВВП на 0,38 п.п. И это, считают аналитики Фонда, по-прежнему остается естественным драйвером экономического роста, «завести» который без структурных реформ практически невозможно.

Второе — избыток ликвидности на финансовых рынках и, как следствие, их сверхволатильность (в особенности сказывающаяся на курсах валют развивающихся стран и капитализации их экономик), что ведет к перекосам в распределении доходов, денежных потоков и отрыву показателей оборота ценных бумаг и их производных от деловой активности в реальных секторах. Системные риски регулярного повторения витков турбулентности на рынках усугубляются неравномерностью их развития, что характерно прежде всего для АТР. При этом недостаточная емкость и относительная закрытость финансовых рынков развивающейся Азии сдерживают перестройку международной валютной системы (в том числе обретение юанем статуса резервной валюты).

Нынешняя, пока еще невыразительная, скорость структурных реформ, тем не менее, не умаляет их нарастающей востребованности. Как отмечает президент Всемирного экономического форума (ВЭФ) К. Шваб: «Мир должен прекратить смотреть назад... Политика, основанная на ошибочном предположении, что проблемы посткризисного мира — всего лишь временное явление, принесли лишь анемичное восстановление... Посткризисная эра миновала, перед нами «постпосткризисный мир». Это время для принятия нового набора реалистических решений». Их смысл,

¹⁴ В странах с развитой экономикой на богатейший 1% населения приходится 10% общих доходов и треть совокупных чистых активов. По оценке Oxfam, в 2016 г. доходы и активы богатейшего 1% населения мира превысят долю остальных 99% населения. В развивающихся странах экстремальное неравенство доходов складывается, главным образом, вследствие ограничений доступа к образованию, здравоохранению и финансовым услугам. Так, по данным МВФ: в странах Африки южнее Сахары почти 60% беднейшей молодежи имеют образование менее 4 классов, в целом в emerging markets около 70% малоимущих во время родов не имеют доступа к медицинской помощи, у более 80% нет банковских счетов и т. п.

полагает глава ВЭФ, «в неизбежных структурных ломках в целях адаптации к новым существенно более жестким условиям конкуренции».

Для каждой экономики складывается собственная структурная повестка. Но у всех у них есть общая направленность — поиск новых источников роста, стимулов к увеличению производительности и инвестиций и созданию амортизаторов тяжелеющей социальной нагрузки на финансовые системы. Все более актуальными становятся и меры, направленные на повышение качества и накопление человеческого капитала. Помимо национального уровня чрезвычайно важно и международное измерение, часто называемое глобальным управлением (global governance), ориентированное, прежде всего, на универсализацию и стандартизацию регулятивных и деловых практик в целях повышения открытости экономик и обеспечения равных возможностей в конкурентной борьбе.

1.3 Международная экономическая координация — российские интересы

Самое краткое и в то же время многозначное определение глобализации сложилось на рубеже веков в среде практикующих банкиров и финансистов, принимающих решения о перемещениях потоков капитала поверх национальных границ на основе регуляторного арбитража — разности комфортностей правовых, надзорных, контрольных режимов, налоговых систем, административных ограничений и т. п., существующих в различных странах и составляющих содержание понятия «деловой» или «инвестиционный климат».

С точки зрения такого «приземленного» подхода глобализация — это международная конкуренция рыночных и государственных институтов¹⁵. Как постоянный процесс, протекающий в режиме реального времени, она выступает в единстве двух фундаментальных тенденций. Во-первых, налицо

¹⁵ Это определение было дано в 1999 г. в докладе президента Бундесбанка Х. Титмаейра «финансовой семерке» о расширении международного сотрудничества и координации в области надзора за финансовыми рынками. Там же были сформулированы предложения о создании «финансовой двадцатки» и формировании «Форума финансовой стабильности» (Financial Stability Forum) — предшественника современного Совета по финансовой стабильности (Financial Stability Board), существующего с 2009 г.

разрастание институционального разнообразия, основанием чего оказывается взрывной рост социокультурной многосоставности современного мира и поисков национальной, государственной и т. п. идентичности, когда решения нередко принимаются с учетом ценностей, выходящих за пределы сугубо экономической рациональности (в ее традиционном западном понимании).

Во-вторых, не менее очевидно резкое и ускоряющееся усиление потребности в универсализации и стандартизации регулятивных практик. Усложняющемуся пространству международной конкуренции необходимо постоянное формирование и обновление упорядочивающих правил с последующим закреплением их в деятельности и наднациональных, и национальных институтов (через введение новых рекомендуемых норм в регулятивную и правовую среду).

Удовлетворение этой потребности экономического мира силами разнообразных формальных (с четким уставом, правами и обязанностями членов и т. п.) международных организаций и неформальных межгосударственных объединений (при координации их деятельности и формировании «коалиций» под конкретные задачи) — и есть в строгом смысле предмет глобального управления, которое в современной экономической теории уже рассматривается как *public good* (общественное благо) особого рода.

Элементы глобального управления (нередко в качестве синонима употребляется понятие «международная экономическая координация») накапливались с конца XX в. (например, в рамках подходов к новой международной финансовой архитектуре). Великая рецессия 2008—2009 гг. придала формированию институтов международной экономической координации новые скорости и содержание.

Возникла «Группа двадцати» на уровне лидеров ведущих государств мира. Наиболее острые на первых порах вопросы финансовой повестки на постоянной и регулярной основе стали предметом деятельности Совета по финансовой стабильности (СФС). По сути, второе дыхание получил МВФ с процедурами взаимной оценки (*mutual assessment* и др.). Налицо серьезное продвижение (на основе одобренного «двадцаткой» плана «противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли») в вопросах деофшоризации, включая автоматический обмен налоговой информацией

и т. п. Сделаны и первые шаги в координации экономических стратегий и планов структурных изменений между странами-участниками «Группы двадцати».

Координация реформ финансовых секторов

СФС, действующий как самостоятельная международная организация, выступает как «системный интегратор» процессов разработки инноваций для систем финансового регулирования и их последовательного и согласованного внедрения странами-участницами. Среди основных направлений текущей деятельности:

- повышение устойчивости финансовых институтов (аналоги стандартов Базель III, уже активно применяемых центробанками многих стран, создаются и для других сегментов рынка);
- рекомендации по регулированию глобально значимых банков, страховых компаний;
- определение других глобальных системно значимых небанковских финансовых институтов;
- выравнивание национальных подходов к трансграничному признанию действий по урегулированию несостоятельности;
- оценка последствий структурных мер для финансовой стабильности;
- снижение рисков параллельной банковской деятельности;
- реформирование рынка внебиржевых деривативов;
- снижение зависимости от оценок рейтинговых агентств;
- реформирование финансовых индикаторов;
- создание глобальной системы Единого кода юридических лиц;
- подготовка первого глобального кодекса поведения участников валютного рынка (трейдеров, управляющих активами, торговых платформ*).

* СФС курирует работу профильного комитета Банка международных расчетов, результаты планируется опубликовать для обсуждения в мае 2016 г., сам кодекс должен начать действовать с мая 2017 г.

В то же время, повестка «Группы двадцати» оказалась слишком широкой, «зона ответственности» довольно размытой, а процессы имплементации принимаемых решений и рекомендаций в национальные регулятивные практики и юрисдикции громоздкими и малоэффективными. Тем не менее, альтернативы «двадцатке» пока нет (та же БРИКС во многом

берет свою «энергетику» из необходимости иметь в этом неформальном «клубе» консолидированную позицию и адаптировать к своим собственным национальным потребностям результаты деятельности главного института международной экономической координации). Именно поэтому трансформация ее повестки и на основе этого перезагрузка разделения труда среди разного рода международных организаций имеют существенное значение. На страны «двадцатки» в настоящее время приходится 85% мирового ВВП, 64% населения мира и 61% его территории. Как говорится, размер немаловажен. Но много важнее другие мотивации.

Во-первых, «Группа двадцати» — это широкое пространство для формулирования и отстаивания собственных интересов (прежде всего, средне- и долгосрочных) по ходу определения и установления правил и стандартов разнообразных конкурентных деловых практик, либо уже сложившихся, либо только формирующихся в современном экономическом мире.

Во-вторых, это «постоянная прописка» в глобальном контексте принятия экономико-политических решений, что позволяет практически в режиме реального времени учитывать мировой опыт регуляторов в ситуациях, сходных с имеющими место в национальном хозяйстве.

Отсюда и третья мотивация. Участие в «двадцатке» — необходимое условие соответствия глобальной экономической повестке (регулятивному мейнстриму), позволяющее взвешенно и адекватно оценивать качество и «узкие места» отечественных рыночных институтов и инструментов госрегулирования для проведения структурных реформ.

В-четвертых, нахождение России в мейнстриме требований к конкурентоспособности институтов принципиально для всех ее партнеров по глобальному хозяйству с точки зрения понимания ими логики решений и действий в российской экономической политике.

Совершенно очевидно, что перепозиционирование нашей страны в глобальном хозяйстве (реинтеграция в него на основе глубоких трансформаций экономической структуры) невозможно без участия в формировании новых правил международной конкуренции и стандартов деловых практик, универсальных для Востока и Запада. Процесс этот, однако, должен быть оптимизирован. В интересах России:

- формирование в «Группе двадцати» механизма регулярной оценки реализации решений саммитов и выполнения странами-участницами взятых на себя обязательств;
- уточнение «зоны ответственности» главного института международной экономической координации в продвижении к новым «целям устойчивого развития», принятым на Генассамблее ООН осенью 2015 г.;
- выработка более широкого подхода к реформированию Бреттон-Вудских институтов с учетом интересов развивающихся стран (их доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности уже более 50%, к 2023 г., по прогнозам МВФ и Всемирного банка, увеличится до 64%), опыта БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС);
- проведение независимой экспертизы эффективности деятельности формальных и неформальных институтов глобального управления;
- установление новых форматов координации в решении особо значимых проблем мировой экономики — например, по типу глобальной инфраструктурной инициативы, принятой саммитом «группы двадцати» в Брисбене (Австралия) в 2014 г., дополнением которой становится Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС;
- большая формализация определения текущих и зарождающихся глобальных рисков (пока этим по большей части занимается ВЭФ и ряд других экспертных центров);
- ускорение странами «Группы двадцати» реформ финансовых и валютных рынков;
- коллективные меры по снижению волатильности финансовых и сырьевых рынков (в том числе аграрного сырья)¹⁶;
- адаптация к изменениям в содержании международной торговли, открытие рынков для товаров, услуг и инвестиций;

¹⁶ Здесь заслуживают внимания предложения участников рынков, чтобы центробанки таргетировали не только рост цен, но и темпы «инфляции активов».

- формирование (по ходу создания условий) новых глобальных и региональных организаций и институтов со специализацией на решении отдельных проблем (например, миграционного кризиса в Европе);
- использование возможностей институтов глобального управления в целях развития евразийского интеграционного проекта.

В стандартизации деловых практик и правил международного конкурентного общежития традиционная грань между Востоком и Западом стирается. Вместе с тем, многие институты на Востоке еще только формируются, что в принципе расширяет возможности их «заточенности» на расширение торгово-инвестиционного взаимодействия с Россией. Уровень комфортности восточной институционально-регулятивной среды (инвестклимата и т. п.) для российского бизнеса, между тем, непосредственно зависит от присутствия России в механизмах принятия соответствующих решений в рамках институтов многосторонней экономической координации. При этом интенсивность работы на западном треке (то есть, с развитыми экономиками) позволяет держать «планку» запросов к деловому климату в развивающихся странах.

* * *

Глобальная экономика вступила в относительно длительный переходный период к новому качественному состоянию на основе перебалансирования общемирового спроса и глубоких сдвигов в структуре предложения товаров и услуг. Чтобы будущее место российского хозяйства в новом целостном и взаимозависимом экономическом мире не оказалось около обочины развивающихся процессов, надо находиться в их мейнстриме.

Локомотивом мирового роста практически на десятилетия вперед стал АТР. России предстоит добиться достойного экономического присутствия в этом макрорегионе. В этих обстоятельствах выбирать между Востоком и Западом — посылка, хотя и навязчивая, но заведомо ложная. Но выбор иного порядка делать необходимо. Он — либо в реальном переходе к новой модели развития через многотрудные структурные реформы (а по этому путеводителю, хотя и с разной скоростью, движутся все главные экономики мира), либо в перемещении во «вторую лигу»

глобального хозяйства на позицию «наблюдателя на углеводородах» за всем происходящим.

Лидеры (Китай, США и Индия), судя по прогнозам, на дистанции уже ближайших 10—15 лет резко уходят в отрыв. Но это рабочая гипотеза, а не «физическая константа». В этой истории нет фатальной предопределенности, поскольку все ее участники на деле сталкиваются со сходными ограничениями и общими вызовами.

Глобальная экономика ценами мировых товарных рынков и котировками финансовых площадок, трансфертом технологий и потоками капитала, а главное — усиливающейся конкуренцией, чем дальше, тем жестче будет предъявлять «критерий соответствия» своим национальным составляющим. При этом позиции национальных экономик на обозримом как минимум полуторадесятилетнем горизонте уже существенным образом зависят от:

- выравнивания глобального дисбаланса между финансовыми и прочими инвестициями;*
- преодоления инфраструктурного дефицита;*
- форсированного накопления человеческого капитала;*
- увеличения трудовой активности стареющего населения;*
- готовности к встрече с новыми технологическими революциями, способными радикально изменить содержание производства и потребления, облик общества и политических систем.*

Для России синергия этих (да и многих других) вызовов потребует ответа адекватными изменениями институционально-регулятивной среды с учетом норм и стандартов, продвигаемых в рамках международной экономической координации. Работу на этом треке, впрочем, тоже предстоит основательно активизировать, внося и отстаивая собственные предложения. Важнейший инструментарий для этого предоставляет наше участие в «Группе двадцати».

Глава II. Мировая торговля — вызовы для России

Согласно Докладу Всемирной торговой организации (ВТО) о мировой торговле по итогам 2014 г., мировой экспорт товаров в 2013 г. составил 18,8 трлн долл. По физическому объему, то есть без учета изменения цен, мировой товарооборот увеличился на 2,2% против 2,3% в 2012 г. Динамика мировой торговли существенно замедлилась, в отличие от предшествовавшего кризису 2008—2009 гг. двадцатилетия со среднегодовыми темпами роста в 6%¹⁷.

В 2014—2015 гг. также не наблюдается опережающего роста торговли по сравнению с мировым ВВП, тогда как начиная с 1990-х гг. она развивалась как минимум вдвое быстрее, чем мировая экономика. По мнению экспертов ВТО, долговременная тенденция прервалась не только под действием конъюнктурных факторов, но и вследствие структурных сдвигов в мировой экономике, изменений в товарной структуре торговли и распространения скрытого протекционизма. Прогнозы-2015 поставлены на пересмотр в сторону снижения — не выше 3%.

В последние 10—15 лет для мировой торговли и развития характерны несколько главных тенденций. *Первая* — это опережающий рост экономики и внешней торговли развивающихся стран по сравнению с развитыми экономиками. В результате сейчас на развивающиеся экономики (включая Китай) приходится около половины мирового производства и торговли.

Вторая тенденция заключается в быстром распространении цепей добавленной стоимости (ЦДС), в рамках которых товары, перемещаясь между странами, проходят сложный путь через полуфабрикаты от сырья до готовых изделий. Активное распространение ЦДС во многом обусловлено прогрессом в области транспорта, связи и информационных технологий (ИТ). Участие в ЦДС позволяет странам уйти от необходимости создания полного цикла производства вплоть до готовых изделий, налаживая вместо него более

¹⁷ Мировой экспорт коммерческих услуг по темпам роста опережал товарный экспорт, увеличившись в 2013 г. на 6% — до 4,6 трлн долл. При этом следует иметь в виду, что традиционный статистический учет мировой торговли по номинальной, а не по добавленной стоимости существенно занижает роль услуг в международных экономических связях. Из отдельных видов коммерческих услуг темпами ниже средних развивался международный транспорт (2%), а мировой экспорт строительных и страховых услуг даже сократился на 2%. В то же время в 2013 г. значительно ускорился рост мирового экспорта туристических услуг — до 7%, коммуникационных и финансовых услуг — до 9%, компьютерных и информационных — до 10%.

доступный им выпуск компонентов или выполняя отдельные производственные операции. Это существенно расширяет возможности увеличения экспорта, освоения новейших технологий, привлечения иностранных инвестиций. Такое явление в международном разделении труда нашло отражение в новом понятии: «from Trade-in-Goods to Trade-in-Tasks» (от торговли товарами к торговле задачами/операциями).

Распространение ЦДС потребовало более высокой степени интеграции торговых партнеров и дало толчок появлению преференциальных торговых соглашений (ПТС) нового типа, охватывающих не только торговлю, но и стандарты, инвестиции, охрану интеллектуальной собственности, конкурентную политику. Это, в свою очередь, обострило сравнительно новую проблему гармонизации ПТС и многосторонней торговой системы (то есть, ВТО) — во избежание конкуренции между ними и во благо их взаимного дополнения.

Третья тенденция связана с новой ролью сырьевых товаров в стратегиях развития. В 2003—2008 гг. мировые цены металлов, минералов и энергоносителей в целом выросли более чем в два раза, а цены сельскохозяйственной продукции — почти в два. И хотя в последующие годы цены несколько снизились, по многим позициям (кроме энергоносителей) они остаются на сравнительно высоком уровне.

Особенно благоприятные условия ожидаются для производителей сельскохозяйственных товаров и, прежде всего, продовольствия. Согласно прогнозу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), к 2050 г. мировое производство продовольствия должно будет увеличиться на 70% с тем, чтобы прокормить растущее население и решить проблему голода и недоедания в целом ряде стран. Вывод экспертов — при эффективном использовании экспортной выручки продажа сырья и продовольствия может и должна стать важным средством устойчивого развития.

Четвертая тенденция — возрастание синхронизации и глобализации макроэкономических шоков. Как правило, развивающиеся страны оказываются наиболее уязвимыми в период потрясений и кризисов, передаваемых через внешнеэкономические связи. В качестве одного из средств минимизации негативных последствий макроэкономических шоков предлагается дальнейшее усиление координации и сотрудничества в рамках международных организаций, включая ВТО.

II.1 Россия во Всемирной торговой организации — незадействованный ресурс

Современная многосторонняя торговая система, функционировавшая с 1947 г. в виде ГАТТ, а с 1995-го в виде ВТО, приобрела значительный авторитет. Свидетельством тому — число членов Организации, перевалившее в 2015 г. за 160 (при этом ни одна страна не вышла из нее). На страны-члены приходится не менее 97% мировой торговли. ВТО остается одним из немногих реально действующих механизмов глобального управления со «специализацией» в предотвращении торговых войн и сдерживании протекционизма.

Вместе с тем, ВТО переживает глубокие системные проблемы, связанные, в частности, с чрезвычайной сложностью принятия решений при использовании традиционного механизма консенсуса, а видение ее задач и приоритетов среди стран-членов заметно различается. Очевидно, в среднесрочной перспективе ВТО ждет реформирование, однако дорога к нему представляется весьма ухабистой.

Переговорный кризис был изначально присущ ГАТТ, поэтому в данном смысле принципиально нового сегодня не происходит. Другое дело, что нынешний кризис стал рекордным по продолжительности с учетом того, что переговоры в рамках нынешнего Дохийского раунда идут с конца 2001 г. Их предмет — либерализация торговли аграрной продукцией, в том числе за счет снижения тарифов и отмены субсидий, финансовые услуги и защита интеллектуальной собственности.

Несмотря на определенный прорыв на Министерской конференции на о. Бали в декабре 2013 г., дальнейший прогресс этого раунда неочевиден. В общем, при всех своих очевидных преимуществах под усиливающимся давлением в реформировании ВТО переживает нелегкие времена.

Россия зависит от мировой торговли больше, чем США и ЕС, что является логичным следствием экспортной ориентации при относительно низком внутреннем спросе. Но для получения высоких доходов от торговли в экономике XXI века страна должна быть открытой, ориентируясь на глобальные рынки.

Россия сравнительно недавно стала членом ВТО (22 августа 2012 г.) и пока не обрела в силу объективных и субъективных причин ощутимых выгод от членства в Организации, если не считать снятия действовавших до присоединения к ВТО ограничений на ряде внешних рынков (ЕС, США, Китай, СНГ). Существенная выгода может быть получена прежде всего в результате значительного расширения российского экспорта и освоения новых рынков. А это подразумевает кардинальное изменение структуры экспорта с увеличением доли товаров с высокой степенью добавленной стоимости и современных услуг. Однако подобного изменения можно добиться лишь при модернизационном сценарии развития. Без глубоких экономических реформ и модернизации экономики членство в ВТО минимизирует отдачу.

Несмотря на рекордно продолжительный процесс переговоров о присоединении (18 лет), нельзя сказать, что Россия смогла своевременно и в должной мере подготовиться к членству в ВТО. В частности, не были подготовлены в достаточном количестве кадры в сфере торговой политики и права ВТО, не был реформирован соответствующим образом внешнеэкономический блок правительства (хотя такие намерения существовали еще в 1999 г.), что лишило российскую сторону эффективного механизма принятия и реализации решений в сфере торговой политики и торговых переговоров.

Характерными примерами последствий отсутствия такого механизма являются, в частности, решение об ускорении строительства Таможенного союза в июне 2009 г. и приоритетности региональной интеграции, что затормозило финальный этап переговоров о присоединении к ВТО на 1—1,5 года, а также введение утилизационного сбора с легковых автомобилей осенью 2012 г., что обернулось жалобой со стороны ЕС при поддержке других стран и заранее проигранным спором в рамках ВТО.

Сложившаяся структура госуправления в сфере торговой политики и международных торговых переговоров, к сожалению, не способствует обеспечению высокого качества и оперативности решений. Общая причина

видится в непоследовательном отношении российского руководства к членству в ВТО с самого начала переговоров о присоединении. До сих пор далеко не все в государственном аппарате смогли понять, что участие в ВТО сложнее, чем процесс присоединения к этой организации.

Для повышения качества, координации и оперативности решений в сфере международной торговли и с учетом лучшего зарубежного опыта представлялось бы целесообразным ввести пост Специального представителя Президента Российской Федерации на торговых переговорах (на уровне до вице-преьера).

Свидетельством недостаточной подготовленности России к членству в ВТО можно также считать оценку Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Как было отмечено в ее докладе о состоянии экономики России (январь 2014 г.), большинство российских регионов не адаптировалось к присоединению страны к ВТО. «На федеральном уровне не проводится мониторинг соответствия регионов, и в большинстве субъектов Российской Федерации отсутствуют механизмы управления, позволяющие регулировать экономическую активность в соответствии с требованиями ВТО». Специалисты ОЭСР рекомендовали использовать все административные возможности для организации мониторинга за соответствием регионов требованиям ВТО, что позволило бы заметно увеличить позитивную отдачу от членства в ВТО за счет повышения конкурентоспособности и выхода на новые внешние рынки национальных производителей.

Отдельный важный вопрос — кадровое и экспертное обеспечение участия Российской Федерации в ВТО. К моменту присоединения Россия подошла с явным дефицитом специалистов в сфере торговой политики и права данной организации. Задачу следовало решать заблаговременно в период переговоров по присоединению, направляя российских студентов на обучение за рубеж (как поступал, к примеру, Китай), однако этого сделано не было. В настоящее время качественная подготовка профильных специалистов фактически ведется лишь в четырех университетах Москвы и

Санкт-Петербурга, чего явно недостаточно. Актуальной остается и потребность в обучении и стажировке специалистов за рубежом.

Крайне востребовано формирование национальной экспертизы в сфере торговой политики и права ВТО. Речь идет, в частности, о создании структур, подобных западным адвокатским бюро, работающим на этих треках. В отсутствие таковых российская сторона при разрешении торговых споров в рамках ВТО до сих пор вынуждена обращаться к иностранным юристам, услуги которых в данной сфере весьма дороги. Для решения задачи по созданию собственной экспертной базы в октябре 2014 г., в соответствии с постановлением правительства от декабря 2013 г., была создана АНО «Центр экспертизы по вопросам ВТО», учредителями которой выступили Российская Федерация, НИУ «Высшая школа экономики» и ОАО «Сбербанк России». За короткое время молодые эксперты Центра смогли зарекомендовать себя грамотными специалистами в области торговой политики и права ВТО, включились в работу по юридическому сопровождению торговых споров в рамках ВТО с участием России. К лету 2015 г. наша страна участвовала в семи таких спорах в качестве ответчика и истца и еще в 19 — в качестве третьей стороны. Нет сомнения, что в будущем число споров в рамках ВТО, в которых придется участвовать России, будет увеличиваться (такая закономерность подтверждена опытом Китая и многих других стран) и, следовательно, востребованность экспертизы Центра тоже будет расти. Однако из-за недостатка финансирования уже к августу 2015 г. Центр оказался перед необходимостью сворачивания значительной доли своей деятельности.

После присоединения к ВТО Россия существенно снизила свои тарифные барьеры, но не прекратила использовать нетарифные, а в ряде случаев даже их увеличила. Следует признать, что с началом мирового экономического кризиса (2008 г.) тенденция к протекционизму в мире, в том числе в АТР, не ослабевает. С ноября 2008 г. по июнь 2015-го в мире ежедневно принималось в среднем по две меры, ограничивающих торговлю.

Структура торговых ограничений в мире и странах АТР, %

Источник: ВТО

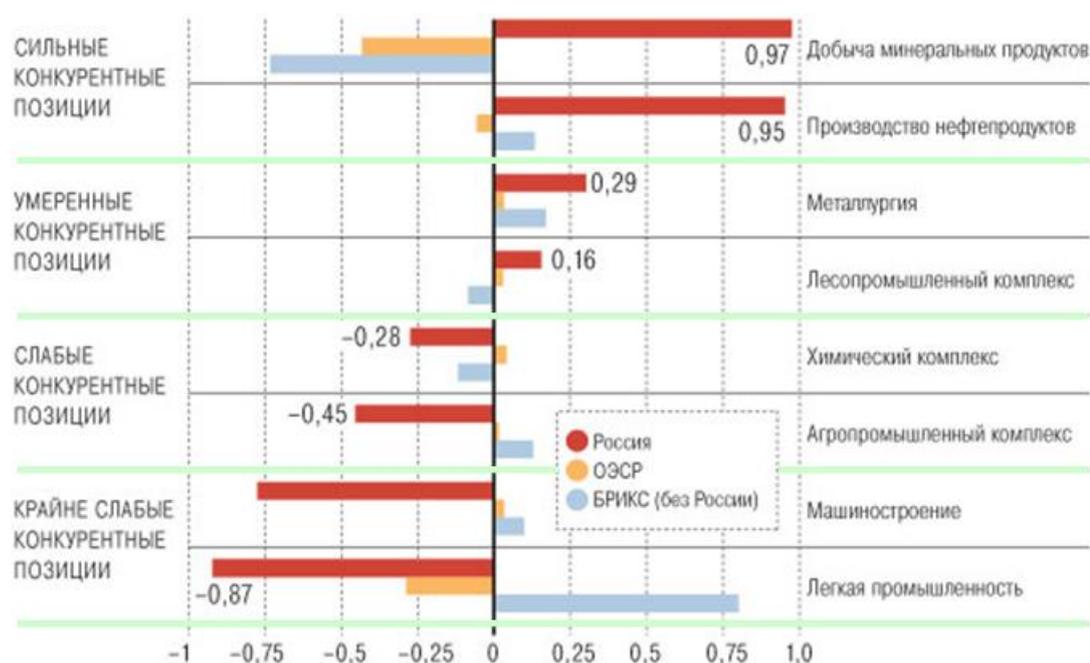
Примечательно, что по данным авторитетного мониторинга ГТА (Global Trade Alert) почти треть всех протекционистских мер с 2008 г. были приняты странами БРИКС, среди которых лидерами стали Индия и Россия.

Тенденция к росту числа нетарифных барьеров, а также к принятию новых законодательных мер в поддержку импортозамещения неизбежно вступает в противоречие с рядом обязательств, принятых Россией при присоединении к ВТО. Проблема требует принципиального системного решения с учетом нынешнего сложного экономического положения в стране и развития курса на импортозамещение. Нарастивание барьеров в торговле дает лишь кажущийся временный положительный эффект, однако в дальнейшем отнюдь не будет способствовать повышению конкурентоспособности отечественных товаров и услуг. Не стоит забывать, что протекционистские предпочтения как правило оборачиваются снижением качества внутренней конкурентной среды. Так, по мнению Всемирного банка, в целом ряде отраслей российское государство, делая упор на защиту уже действующих предприятий, тем самым не позволяет выйти на рынок новым компаниям и тормозит оздоровление экономической ситуации.

В 2018 г. заканчивается действие большинства согласованных с ВТО защитных мер «переходного периода». Не исключено, что ряд отраслей и предприятий окажутся не вполне готовы к снятию последних мер защиты и переходу к условиям свободной конкуренции.

Коэффициент разбалансированности торговли

(относительно к обороту торговли, 2013 год)

Источник: Центр международной торговли

Позиции России в ВТО пока нельзя назвать сильными. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, достаточно скромной долей в мировой торговле — чуть более 2% (и то главным образом за счет углеводородов).

Во-вторых, Россия в ВТО пока не отличается активным поведением — от нас практически не поступает инициатив. В этой связи ей пока затруднительно вступать в какие-либо неформальные переговорные альянсы внутри ВТО, что повышало бы эффективность работы внутри организации.

В-третьих, деятельность российской торговой дипломатии осложняется отсутствием у нас формализованных экономических приоритетов.

В-четвертых, ставка на поддержку в ВТО со стороны членов БРИКС оказалась несостоятельной: вес и влияние в ВТО Китая, Индии и даже Бразилии несравнимо выше влияния России, вследствие чего эти страны преследуют свои собственные интересы, которые не совпадают с российскими (кстати, в ВТО вместо БРИКС в большей степени распространена аббревиатура БИК, что подчеркивает степень влияния указанных трех стран).

Если вернуться к переговорам Дохийского раунда, то даже в случае принятия решений о дальнейшей значительной либерализации торговли товарами и услугами Россия, согласно имеющимся договоренностям, не будет брать обязательств по доступу на рынки товаров и услуг. Это уже проявилось в неприсоединении к обновленному варианту соглашения ВТО об информационных технологиях. Что касается принятия новых правил по итогам раунда, то они в полной мере коснутся России.

Россия в целом заинтересована в успешном завершении Дохийского раунда и в укреплении ВТО, где у нее в перспективе все-таки есть шанс стать более влиятельным игроком. Она могла бы также занять активную позицию в институциональном реформировании организации, но пока этот вопрос остается предметом неформальных дискуссий и не стоит в повестке переговоров в рамках ВТО.

* * *

Всемирная торговая организация является одним из немногих реально функционирующих институтов глобального управления. ВТО противодействует нарастающей тенденции протекционизма и предотвращает торговые войны. Центральный элемент системы ВТО, обеспечивающий ее устойчивость — механизм разрешения споров.

Россия зависит от мировой торговли больше, чем США и Евросоюз. Однако, чтобы получать высокие доходы от торговли в экономике XXI века, страна должна быть открытой, ориентируясь на глобальные рынки.

Три года, прошедшие после присоединения России к ВТО еще не дают возможности судить о последствиях членства в этой организации. Существенная выгода от участия в ВТО может быть получена лишь в результате значительного расширения российского экспорта и освоения новых рынков. Добиться этого возможно только через изменение структуры экспорта в направлении увеличения доли товаров с высокой степенью добавленной стоимости и современных услуг.

Сложившаяся к настоящему времени в России структура госуправления в сфере торговой политики и международных торговых

переговоров, к сожалению, не способствует обеспечению высокого качества и оперативности решений. В целях повышения качества, координации и оперативности решений в сфере международной торговли и с учетом лучшего зарубежного опыта представлялось бы целесообразным ввести пост Специального представителя Президента России на торговых переговорах.

Перед Россией также стоит задача овладения искусством использования механизма разрешения споров внутри ВТО. С учетом того, что в перспективе Россия неизбежно продолжит участвовать в торговых спорах, необходимо формирование национальной экспертизы в сфере торговой политики и права ВТО.

II.2 Межрегиональные торгово-инвестиционные форматы — «новая реальность»?

С 2008 по 2015 гг. число нотифицированных ВТО торговых соглашений и зон свободной торговли выросло со 167 до 407. Из них 31% — это соглашения по услугам, 4% — таможенные союзы, 57% — зоны свободной торговли. Такое интенсивное продвижение по пути либерализации преимущественно двусторонних отношений (особенно на фоне «пробуксовки» переговоров в рамках Дохийского раунда ВТО) способствовало появлению крупных проектов перезагрузки международного торгового пространства на региональной (преференциальной) основе. Речь идет, прежде всего, о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП), то есть, зоны свободной торговли между США и ЕС, Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП) для АТР, а также об альтернативном последнему Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП)¹⁸. Если из переговоров по ТПП пока исключен Китай, то Россия не приглашена ни в ТПП, ни в РВЭП.

¹⁸ Подробнее об этих вопросах см. С. Кулик, Н. Масленников. Трансатлантический «торговый мост» — «вдоль или поперек»? — «Аналитический бюллетень Института современного развития», вып. 5 (12), май 2013; С. Кулик. Наведение трансатлантического «торгового моста» и перспективы дохийского раунда ВТО. — «Аналитический бюллетень Института современного развития», вып. 7 (14), июль 2013; С. Кулик. О межрегиональных

Потенциал каждого из этих возможных образований впечатляющ. Успех любого из начинаний неизбежно приведет к весьма заметным изменениям в правилах международной торговли, что скажется на интересах и позициях в ней России.

	Доля в мировом ВВП (%)	Доля в мировом экспорте (%)	Доля в мировом импорте (%)
ТТИП	45,09	40,28	44,42
ТТП	38,4	31,4	39,86
РВЭП	38,46	30	29

Источник: CUTS International

Начавшиеся в 2011 г. переговоры по ТПП между 12 государствами охватывают широкий круг направлений — от снижения технических барьеров в торговле до институциональных вопросов. В отличие от различных действующих в регионе форматов, «изюминка» Партнерства — особое внимание к т. н. «горизонтальному измерению» — совместимости регулятивных практик, повышению конкурентоспособности, развитию малого и среднего бизнеса.

К началу августа 2015 г. было согласовано порядка 90% всех вопросов, (хотя остающиеся наиболее сложны для согласования). Не исключено, что подписание финального соглашения в рамках ТТП может состояться в период с декабря 2015 по февраль 2016 г.

Что касается ТТИП, последний, десятый раунд переговоров между США и ЕС завершился в июле 2015 г., а осень ожидается их продолжение. Перед Вашингтоном и Брюсселем изначально стояла весьма сложная и многоплановая задача по преодолению существующих торговых противоречий, в частности, в сферах сельского хозяйства, гражданского авиапрома, норм регулирования и т. п. Это в значительной мере обусловило практически закрытый характер переговоров. Вероятнее всего, все существующие противоречия преодолеть не удастся, следствием чего станет ряд изъятий из режима будущей зоны свободной торговли.

интеграционных объединениях. — «Аналитический бюллетень Института современного развития», вып. 10 (29), октябрь 2014.

Создание ТТИП с Евросоюзом является частью американского плана удвоения экспорта и ускорения восстановления экономики после кризиса. Согласно предварительным расчетам, экспорт США и ЕС должен возрасти соответственно на 4,58% и 3,17%, импорт — на 3,11% и 2,02%. ВВП США увеличится на 0,37%, ЕС — на 0,28%. При этом с 2014 г. в странах Евросоюза и в самих США нарастают опасения негативного воздействия ТТИП на интересы местных производителей, на занятость и др.

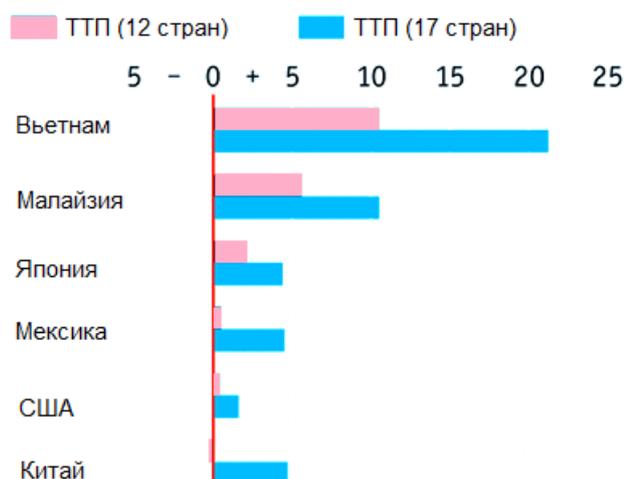
Учитывая, что страны БРИКС имеют развитые торгово-экономические отношения с США и ЕС, создание ТТИП окажет воздействие и на них. Вероятно, значительная часть экспорта стран БРИКС в США и ЕС пострадает. В то же время, агрегированные показатели ВВП и экспорта этих стран испытают ограниченное воздействие. Исключением станет экономика Бразилии — ее агрегированный ВВП и экспорт выиграют от ТТИП. Эффект замещения торговли в США и ЕС в результате начала действия ЗСТ, а также косвенные эффекты ТТИП будут содействовать двусторонней торговле между странами БРИКС. В итоге, в зависимости от величины и степени воздействия прямых и косвенных последствий ТТИП (снижения нетарифных барьеров в США и ЕС и сопутствующих этому результатов) общий эффект для стран БРИКС все же может оказаться позитивным.

В этой связи стоит отметить, что в США и ЕС уже серьезно изучают перспективы сотрудничества с производителями из третьих стран в новых условиях после создания Партнерства. По прогнозам Евросоюза, к этим условиям будет легче адаптироваться компаниям из НАФТА (помимо США, Канады и Мексики), Норвегии, Швейцарии и Турции. В силу существующего уровня регулирования в сфере производства в США и ЕС, эти страны впереди других ведущих экспортеров готовой продукции (Бразилии, Китая, Индии, Индонезии, Японии, Южной Кореи и Южной Африки). В этих расчетах игнорируется Россия, которая, по тамошнему разумению, не экспортирует товары обрабатывающей промышленности в крупных объемах. Пока внимание обращено к сглаживанию вероятных трений прежде всего с производителями указанной семерки стран.

В ТПП Вашингтон открыто настаивает на своей ведущей роли, указывая на продвинутый характер Партнерства, основанного на высочайших современных стандартах и, без сомнения, отвечающего

интересам бизнеса. Выгода, которую получают страны, вошедшие в ТТП, должна быть реализована в результате снятия торговых барьеров.

Ожидаемые изменения ВВП отдельных стран в 2025 году при разных конфигурациях ТТП, %

Источник: Институт мировой экономики Петерсона

Что касается России, то она пока до конца не сформировала свою позицию в отношении ТТИП и ТТП. Четко выражена, пожалуй, лишь озабоченность рисками сегментации мировой торговли в случае реализации этих мегарегиональных соглашений, стремлением некоторых держав, в первую очередь США, решать вопросы не в ВТО, а за ее рамками. Действительно, подобные риски существуют, и тем полезнее активно готовиться в той или иной форме к взаимодействию с формирующимися новообразованиями.

Ни один региональный торгово-экономический формат, в котором участвует Россия, включая БРИКС (участники которой, кстати, инициировали в основном друг против друга 40% дискриминационных мер, принятых в мире после 2008—2009 гг.), не может сравниться по основным параметрам с ТТП и ТТИП. Учитывая, что в случае успеха эти образования вероятно окажут значительное воздействие на международную торговлю, уже сейчас было бы целесообразно иметь концепцию взаимодействия с каждым из них¹⁹.

¹⁹ При этом следует учитывать неоднозначность оценок отдачи этих возможных объединений для их участников: прирост ВВП ТТП-12 на 0,9% (или на 235 млрд долл., в

Если ТТИП изначально представляет собой группировку лишь двух участников — США и ЕС, то путь в ТТП для России формально не закрыт. Иное дело ее готовность соответствовать новым жестким правилам и стандартам, формируемым в ТТП. Если же такая готовность обозначится, надо понимать, что вступить в этот формат не получится без «одобрения» со стороны Вашингтона (то есть, предварительных переговоров с США) с учетом его лидирующей позиции в ТТП. Понятно, что в условиях жесткого противостояния с Западом такая перспектива пока носит больше гипотетический характер.

Создание ТТП неизбежно окажет влияние на интересы и планы России в АТР. В частности, оно повлияет на партнерство с Вьетнамом, с которым Россия в 2015 г. подписала соглашение о зоне свободной торговли. В то же время Вьетнам участвует в переговорах по ТТП, а его торговый оборот с США в 10 раз больше, чем с Россией.

В конце 2012 г. руководители 10 стран АСЕАН договорились с шестью другими государствами-партнерами (Китай, Япония, Индия, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия) начать переговоры по РВЭП. Будущее соглашение призвано регулировать торговлю товарами и услугами, инвестиции, защиту прав интеллектуальной собственности, процедуры разрешения споров и др. В отличие от ТТП, этот формат не будет таким конкретным и обязывающим и скорее ориентируется на страны, не готовые к дальнейшей либерализации торговых режимов. Не удивительно, что за этой инициативой стоит Китай.

Однако многие из упомянутых государств одновременно участвуют в переговорах по ТПП, ориентируясь на более либеральные режимы. К тому же определенные трения заметны между Дели и Пекином. Поэтому пока динамика образования ТТП заметно выше перспектив соглашения о РВЭП.

В целом же нужно иметь в виду, что мегарегиональные торгово-инвестиционные форматы, предлагаемые для АТР, это по большей части проекты, являющиеся не только следствием пересечения геополитических

том числе у США на 77 млрд долл.) к 2025 г. в версии East-West Centre оспаривается канадским C.D.Howe Institute, полагающим, что общий прирост ВВП не превысит 74 млрд долл., и то лишь к 2035 г., что всего лишь на 0,21% выше базового сценария (т. е., без ТТП).

амбиций США и Китая, но и выражением конкуренции открытой экономики с модернизируемым госкапитализмом. При этом сама вероятность возникновения ТТП чем дальше, тем сильнее заставляет Поднебесную ускорять либерализацию экономики и финансовых рынков.

В этой связи не следует исключать вероятность договоренности Вашингтона с Пекином об участии в ТТП на определенных условиях. Что, в свою очередь, чревато еще большим воздействием этого формата на интересы и позиции России в регионе.

Наконец, воспользовавшись своим председательством в АТЭС, на саммите в ноябре 2014 г. Китай предложил вернуть на стол переговоров возникшую еще в 1994 г. идею создания зоны свободной торговли всего АТР. Пока речь идет больше о договоренностях по проведению необходимых экспертных работ для выявления препон в торговле и инвестициях. Но в принятой в Пекине декларации делается оговорка, что такая ЗСТ должна опираться на один или два формата — ТТП и РВЭП. Поэтому данную эту инициативу не стоит оценивать (подобно некоторым экспертам) в качестве альтернативы ТТП. Что касается «китайского ответа» на ТТП в виде РВЭП, здесь требуется повышенная осторожность, поскольку оно строится под не слишком очевидные (не проявившиеся в полной мере) стратегические цели.

* * *

Рост региональных (преференциальных) торгово-инвестиционных соглашений — устойчивая тенденция последних лет. Современные соглашения такого рода не противоречат принципам ВТО.

Важнейшим явлением внутри указанной тенденции стало формирование так называемых «мегарегиональных соглашений», крупнейшими из которых могут стать формирующиеся Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство между США и Евросоюзом и Транстихоокеанское торговое партнерство. В обоих ведущая роль принадлежит США. Важнейшая задача ТТП, которую преследуют США при поддержке Японии, — не допустить доминирования Китая в определении правил торговли в регионе.

Создание ТТП и ТТИП окажет воздействие на международную торговлю. Оба формата смогут задавать нормы в правилах торговли, так как на них будет приходиться соответственно не менее 30% и не менее 40% мировой торговли. Следовательно, возможны коллизии с нормами ВТО.

В складывающихся обстоятельствах Россия заинтересована в укреплении ВТО, но одновременно должна сформировать позицию в отношении ТТП и ТТИП.

II.3 Развитие глобальных цепочек добавленной стоимости

В последние 25—30 лет заметно бурное развитие *глобальных цепочек добавленной стоимости* (ЦДС, Global value chains). Став новым драйвером мировой торговли и инвестиций, ЦДС спровоцировали резкий рост торговых потоков промежуточных товаров, которые составляют более половины товаров, импортируемых странами-членами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), и почти три четверти импорта крупных развивающихся стран, таких как Китай и Бразилия²⁰.

Участие в ЦДС несет в себе существенные выгоды для международной торговли, экономического роста стран и их развития в целом. Прибыль от торговых потоков в рамках ЦДС в среднем увеличилась вдвое за последние 15 лет. Например, в Китае она возросла в 6 раз, в Индии в 5 раз, в Бразилии в 3 раза. Рост прибыли означает увеличение занятости населения и дополнительные возможности для реализации целей устойчивого развития.

²⁰ При этом существует проблема «двойного счета» промежуточной добавленной стоимости (по оценкам, ее доля составляет до 30% общего объема международной торговли). Для ее решения бывший глава ВТО Паскаль Лами предложил рассчитывать глобальный межотраслевой баланс. В японском министерстве внешней торговли и промышленности уже есть опыт построения такой матрицы для Юго-Восточной Азии. Результаты оказались отличающимися от многих традиционных представлений: в центре сбытовых цепочек уверено «разместился» сектор услуг (информационные технологии, факторинг, маркетинг, логистика, предпродажное обслуживание и т. п.). При этом доминирующее регулятивное воздействие на развитие ЦДС оказывают не таможенные тарифы и антидемпинговые пошлины, а технические стандарты и требования к безопасности товаров.

Опыт малых экономик

Показательный пример позитивного воздействия ЦДС на развитие национальной экономики дала Коста-Рика. 15 лет назад компания Intel создала в стране завод по сборке микрочипов. Сегодня завод также занимается исследованиями и разработками, являясь важным источником новых технических решений. Присутствие в стране компании Intel привело к появлению нового поколения инженеров, что позитивно сказалось на всей экономике. В результате на рынок вошли новые инвесторы, такие как Hewlett Packard, вызвав еще большее увеличение спроса на местных инженеров в сфере облачных технологий. Костариканский пример также иллюстрирует, как правительства могут сотрудничать с транснациональными корпорациями (ТНК) в подготовке новых квалифицированных кадров. Учебный центр IBM в Сан-Хосе анализирует университетские программы, чтобы убедиться, что они соответствуют будущим потребностям отрасли, думая как об экспорте, так и о внутреннем рынке. Пример Коста-Рики демонстрирует, как потенциал ЦДС может быть использован для развития, начиная с нижнего этажа цепочки добавленной стоимости и продвигаясь вверх в сторону совершенствования компетенций и инноваций.

Движущими силами создания ЦДС по всему миру являются инвестиционные решения ТНК, связанные с привлечением независимых подрядчиков и оффшорными операциями²¹. В основе функционирования ЦДС — смена рыночного поведения фирм. В современной мировой экономике действуют мощные стимулы, побуждающие участников рынков к «девертикализации» их деятельности. Этот процесс в корне изменил природу конкуренции. Главной мотивацией в сегодняшнем мире является снижение стоимости операций и рисков в контексте интернационализованного и глобализованного производства.

ЦДС могут эффективно функционировать только если деловая и торговая среда, в которую они попадают, предоставляет такую возможность. Это *первое* ключевое условие успеха участия страны в ЦДС. *Вторым* условием является продуманная долгосрочная стратегия привлечения иностранных инвестиций. Транспортные расходы и эффективные операции в пограничных районах также играют важнейшую роль.

²¹ Благодаря деятельности ТНК формируется 80% оборота международной торговли — 33% непосредственно внутрикорпоративными поставками, еще 47% — компаниями-партнерами в рамках ЦДС.

Как показывает опыт, участие в ЦДС заметно увеличивает общеэкономическую эффективность внешней торговли. Кроме того, именно здесь формируются главные импульсы к усложнению ее содержания на основе новых форм международного разделения труда, производственно-технологической кооперации, пооперационной специализации и т. п. Здесь же складываются и новые переговорные повестки «глобального управления» по изменению и согласованию норм и процедур госрегулирования, созданию мегарегиональных торгово-инвестиционных форматов, взаимному обмену прямыми инвестициями, доступу к финансовым рынкам и т. п. Участие в ЦДС — это также надежная общемировая практика выхода на внешние рынки малого и среднего бизнеса.

О значении «цепей» для глобальной экономики говорит и тот факт, что их развитие сказывается на снижении стимулирующих эффектов от девальвации национальных валют. Согласно недавнему исследованию Всемирного банка (на опыте 46 стран), эластичность реального эффективного курса к экспорту с 1990-х гг. по конец 2000-х понизилась с 1,1 до 0,6 — «премия» на финальных продуктах существенно гасится подорожанием промежуточного импорта²². В связи с этим можно ожидать, что наблюдаемая в последнее время сверхволатильность валютных курсов и финансовых рынков станет серьезным стимулом для изменения конфигурации ЦДС. Этому будут также способствовать усиливающиеся конкуренция юрисдикций в сфере защиты интеллектуальной собственности и инвестиций, влияние регулятивных мер на полную стоимость «цепочек», тенденция к «решорингу» в развитых экономиках и возможное сокращение промежуточного импорта Китаем (он уже способен производить немалую часть такой продукции самостоятельно).

Перемена состава участников в ряде ЦДС, тем не менее, похоже, лишь повысит устойчивость их общемировой архитектуры, включающей макрорегиональные «суперфабрики» и «супермаркеты услуг» Северной Америки (в том числе в рамках НАФТА) и Европы, а также глобальные цепи, берущие начало в западном крыле АТР (Восточная и Юго-Восточная Азия) и

²² См. S. Ahmed, M. Appendino and M. Ruta. Depreciations without Exports? Global value chains and the Exchange Rate Elasticity of Exports. — World Bank Research, August 2015.

имеющие значительное число «этажей» в ЕС и США. Что касается России, ей еще предстоит встраиваться в этот новый глубоко взаимосвязанный и взаимозависимый мир.

Текущие показатели включенности российского бизнеса в ЦДС не отвечают потенциалу национальной экономики. Расчеты на основе Global Trade Analysis Project матриц затраты-выпуск по России показывают, что ее общий суммарный индекс участия в ЦДС составляет 48,06%. В том числе: 9,36% — участие компонентами (backward participation, т. е. долей импортных компонентов для производства экспорта); 38,7% — участие продукцией (forward participation, долей экспортируемых национальных компонентов, используемых в производстве в других странах). По данному индексу Россия отстает не только от ведущих мировых производителей, но и, к примеру, от Белоруссии, где этот показатель составляет 68,96%²³. Наиболее слабые позиции — в машиностроении. Вес России в глобальном экспорте частей и комплектующих составляет не более 0,2% (в 2014 г. — 3,4 млрд долл.), в импорте — едва дотягивает до 1,9% (в 2014 г. — 25,8 млрд долл.)²⁴.

В России к отраслям, вовлеченным в ЦДС, помимо нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, можно отнести химическую промышленность, цветную и черную металлургию, автопром и авиапром.

Участие страны в ЦДС характеризуется также протяженностью отраслевых цепочек добавленной стоимости. Наиболее короткими они являются в добывающей промышленности, где как раз участие России в глобальных ЦДС наиболее заметно. К отраслям с наибольшей степенью фрагментации (то есть, с максимальной длиной ЦДС) относятся: производство телекоммуникационного оборудования, автомобильная и авиационная промышленность, металлургия, легкая и электротехническая промышленность. Именно по этим отраслям следует судить о степени вовлеченности национальной экономики в современные ЦДС. Таким образом, в наибольшей степени российский бизнес вовлечен в современные

²³ П. Кадочников. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости. — «Российский внешнеэкономический вестник», 2015, №2, стр. 9.

²⁴ Оценка ВНИКИ.

ЦДС в сферах автомобилестроения, авиапрома. Вместе с тем, в автомобильной промышленности Россия отстает практически от всех стран с такой индустрией, имея показатель протяженности 2,2 (против 3,5 у Китая).

Кроме того, существует четкое разграничение между цепочками, выстраиваемыми производителями и покупателями. ЦДС, инициированные производителями, как правило, сосредоточены в наукоемких отраслях, таких как электронная промышленность, фармацевтика. Поскольку эти отрасли отличаются использованием новейших технологий и большими объемами затрат на НИОКР, ведущие компании этих отраслей занимают высшие этажи в цепочках и способны контролировать процесс проектирования и большую часть производственных операций, разбросанных в различных странах мира.

Если говорить о перспективах наращивания участия российского бизнеса в ЦДС, то они имеются в следующих сферах:

- нефтегазохимия с выходом в химический комплекс и фармацевтическую промышленность;
- создание новых материалов и использующих их производств;
- агросектор (по всем направлениям, в том числе по переработке биоресурсов моря);
- металлургия и деревообработка;
- легкая и текстильная промышленность.

Ограниченный потенциал участия в ЦДС (с учетом последствий украинского кризиса) сохраняется и в сфере военно-технического сотрудничества.

Встраивание в ЦДС — важнейшее условие диверсификации экспорта и усиления притока в экономику добавленной стоимости. По сути, речь должна идти о своего рода матрице структурных сдвигов в реальном секторе экономики с подстройкой к ним действий банков и участников финансовых рынков. Участие в ЦДС обеспечивает реальную интеграцию бизнес-структур

Востока и Запада, позволяющую российским компаниям действовать «по всем азимутам» глобального хозяйства²⁵.

Решение задачи расширения такого рода кооперационных отношений, однако, может в определенной степени вступить в противоречие с курсом на импортозамещение. Проблема в том, что старт ему был дан в условиях резкого обострения отношений с Западом в связи с украинскими событиями. Вследствие этого курс обрел некое оборонительное содержание и его стратегической целью в понимании многих стало достижение самообеспечения. Подобный подход способен нанести немалый вред экономике, крайне ограничивая степень маневра в стимулировании ее структурной трансформации. К примеру, если поставить перед российскими предприятиями сложнейшую и долговременную задачу производить все комплектующие для «СуперДжет-100», то даже в случае ее решения Россия не смогла бы более поставлять эти гражданские самолеты на европейский рынок в связи с проблемами сертификации (т. е., весь проект в целом утратил бы смысл).

В действительности импортозамещение — один из вариантов внешнеэкономической политики государства. Он использовался разными странами как с позитивным результатом, так и с отсутствием такового. В любом случае политика импортозамещения должна быть рассчитана на определенный период, чтобы провести конкретные реформы и модернизацию отраслей, имея конечной целью последующее более успешное встраивание национальной экономики в международное разделение труда, в ЦДС, наращивание экспортного потенциала. Пока же, судя по опросам руководителей российских предприятий, 60—80% (в зависимости от отрасли) либо не могут найти отечественные аналоги импортной продукции, либо испытывают устойчивые проблемы с их низким качеством.

²⁵ Поворот российского бизнеса к встраиванию в ЦДС диктует новые подходы к поддержке этого процесса инструментами государственной политики. В этом плане существует международный опыт, которым можно воспользоваться. Так, на одном из правительственных сайтов Канады размещено объявление, адресованное главным образом малому и среднему бизнесу: «Служба Торгового комиссара может оказать вам помощь в подключении к ЦДС с тем, чтобы вы смогли повысить свою конкурентоспособность, прибыльность и устойчивость в долгосрочной перспективе».

* * *

В последние десятилетия бурное развитие получили глобальные цепочки добавленной стоимости, которые стали новым драйвером мировой торговли и инвестиций и спровоцировали резкий рост торговых потоков.

Двумя ключевыми условиями успешного развития ЦДС в стране являются благоприятная деловая среда и долговременная стратегия привлечения иностранных инвестиций.

По общему суммарному индексу участия в ЦДС (48,06%) Россия отстает не только от ведущих мировых производителей, но от Белоруссии.

Если говорить о наиболее современных ЦДС (имеющих наибольшую протяженность), то российский бизнес в наибольшей степени вовлечен в ЦДС в сферах автомобилестроения и авиапрома, а также в нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, химической промышленности, цветной и черной металлургии.

Перспективы наращивания участия российского бизнеса в ЦДС имеются в нефтегазохимии, в создании новых материалов и использующих их производств, в аграрном секторе, в металлургии и деревообработке, в легкой и текстильной промышленности.

Участие в ЦДС обеспечивает реальную интеграцию бизнес-структур Востока и Запада, позволяющую российским компаниям значительно расширить проникновение на новые рынки и освоить новые технологии. Вместе с тем решение задач расширения кооперационных связей в рамках участия в ЦДС может в той или иной степени вступать в противоречие с курсом на импортозамещение (что потребует определенной корректировки этого курса).

II.4 Структурные барьеры оптимизации внешнеэкономической деятельности

Адекватные ответы на вышеобозначенные вызовы российской экономике со стороны меняющегося содержания международной торговли упираются в комплекс структурных барьеров, «высота» которых находится уже на критической «планке». Как известно, Россия глубоко интегрирована в глобальное хозяйство. Коэффициент сравнительной интенсивности участия в международном разделении труда (отношение доли в мировом экспорте товаров и услуг к удельному весу в глобальном ВВП по паритету покупательной способности) составлял в 2014 г. 73²⁶. Внешнеторговая квота в ВВП достигала в первой половине «нулевых» годов 54—55% в текущих ценах, снизившись в начале «десятих» до 51—53%. По ППС эта доля в настоящее время насчитывает около 30%²⁷.

Между тем, занимаемые позиции сильно уязвимы, так как существенным образом зависят от конъюнктуры прежде всего сырьевых рынков, волатильность которых в последнее время значительно усилилась. Экспорт по-прежнему сконцентрирован в «нижних этажах» цепочек добавленной стоимости преимущественно через межотраслевой обмен.

В 2015 г. синергетический эффект рецессии в российской экономике, завершения суперцикла сырьевых цен и введения Западом санкций заметно снизил объемы внешнеторгового оборота России. В первом полугодии он, по оценке (по методологии платежного баланса) составил 276,5 млрд долл., уменьшившись на 32,3% относительно января—июня 2014 г. При этом экспорт снизился на 28,5%, импорт — на 38,6%. В общем объеме

²⁶ Для сравнения: значение данного показателя составляет у Мексики — 90, Японии — 84, Китая — 64, США — 62, Бразилии — 37, Италии — 31. В ряде многих стран Европы, Восточной и Юго-Восточной Азии внешнеторговый оборот превышает национальный ВВП (оценки персонала МВФ).

²⁷ Прикладные последствия этих цифр весьма значимы. В 2014 г. доходы от внешнеэкономической деятельности насчитывали 49,3% от общих доходов федерального бюджета. При этом доля импорта в товарных ресурсах розничной торговли (в фактически действовавших ценах) достигала 42%, в том числе 34% по продовольственным товарам (оценка ВНИКИ).

товарооборота в январе—июне 2015 г. на долю экспорта приходилось 66%, импорта — 34%. Динамика экспорта и импорта обусловила уменьшение положительного внешнеторгового сальдо, которое по сравнению с соответствующим периодом прошлого года снизилось на 13,4% до 88,5 млрд долл.

Ухудшилось и состояние счета текущих операций (СТО). Прогноз его профицита-2015 Банк России уже снизил на треть до 65—70 млрд долл., причем ожидая по второму полугодю 15—20 млрд долл.

Условия торговли (в годовом выражении) ухудшились с 98% (май 2014 г.) до 78,2% (май 2015 г.). Коэффициент товарной диверсификации экспорта (ТДЭ) за январь—май 2015 г. составил 2,3 (за аналогичный период прошлого года — 1,9), прибавив в основном за счет падения нефтецен, но оставаясь при этом в непосредственной близости от предельного минимального значения в 1 (что соответствует гипотетическому случаю, когда экспортируется одна товарная группа). До максимально возможного значения коэффициента — 96 (весь экспорт равномерно распределен по товарным группам) — как до Луны²⁸. Коэффициент несбалансированности внешней торговли (отношение сальдо к обороту) с начала года вырос до 36,1% по сравнению с 29,3% в январе—мае 2014 г. Структурные характеристики экспорта и импорта ухудшились.

При этом надо иметь в виду, что по ряду традиционных (прежде всего, сырьевых) направлений экспорт, по сути, достиг уже физических пределов. К концу первого полугодия 2015 г. из России экспортировалось: 90% производимых удобрений и никеля, 75% пиломатериалов, свыше 70% алюминия и газетной бумаги, почти 65% нефтепродуктов, 58,9% клееной фанеры и 50,1% каменного угля, 48,1% сырой нефти и 45% стали (в форме полуфабрикатов и проката), почти 32% природного газа.

²⁸ В мировой таблице о рангах Россия по коэффициенту ТДЭ делит 129—130 места. Ближайшие соседи — Норвегия (2,0), Мавритания (2,2) Гренландия и Оман (по 1,8). Лидеры далеко в отрыве: 1—2 места у Турции (22,3) и Португалии (22,2). У европейских стран — от 15 до 19, у США (20-е место) — 15,6 (оценки ВНИКИ). Следует отметить явную тенденцию к росту в общем российском экспорте доли трех основных позиций (нефти, нефтепродуктов и природного газа): 1995 г. — 38%, 2000-й — 51%, 2010-й — 65%, 2014-й — 67%.

Товарная структура экспорта Российской Федерации в страны дальнего зарубежья

Товарная структура импорта Российской Федерации из стран дальнего зарубежья

по данным таможенной статистики, в %

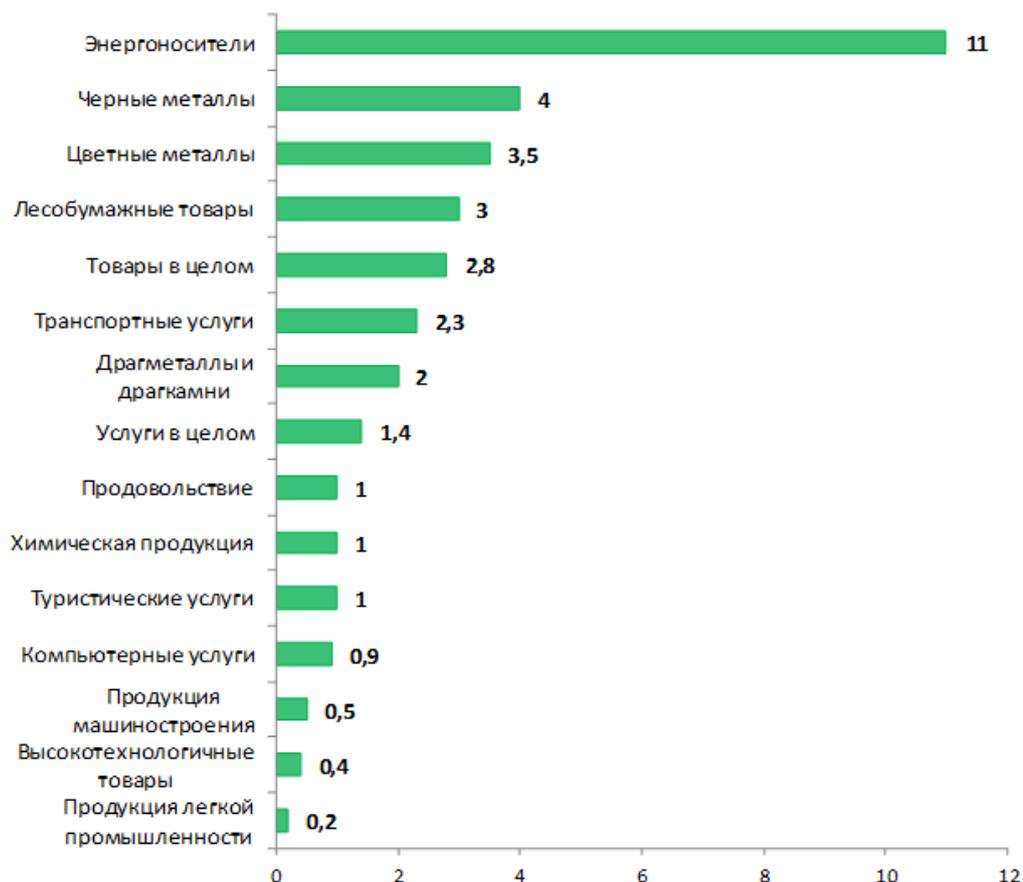

Источник: Минэкономразвития России

Сложившаяся экспортная специализация (на энергоносители, минералы, металлы и драгоценные камни, лесобумажные товары приходилось в 2014 г. 86,8%, на промышленную продукцию высокой степени обработки — 5%, прочие товары — 8,2%) содержит немалые риски — уязвимость к колебаниям цен; «разоряющий» рост, когда физические объемы растут, а доходы значительно падают; утяжеление структуры промышленности и переток ресурсов из обрабатывающих отраслей; усиление межрегиональной социально-экономической дифференциации; повышение экологической нагрузки.

Кроме того, позиции по другим товарным группам, по которым в мире, как правило оценивают уровень экономического развития страны, выглядят откровенно слабо.

Доля России на мировом рынке в начале 2010-х гг.
в % к мировому экспорту

Источник: расчеты ВНИКИ

Представительство отраслей даже со средним уровнем добавленной стоимости, а тем более «продуктовых линеек», генерируемых экономикой знаний, находится на уровнях, мало отличимых от статистической погрешности.

В настоящее время около 94% общего и свыше 87% несырьевого экспорта России приходится на 13 секторов:

- топливно-энергетический комплекс — 62% общего экспорта, 34,5% несырьевого;
- металлургия — 7,5% общего экспорта, 12% несырьевого;
- агропромышленный комплекс* — 4,5% и 8%;

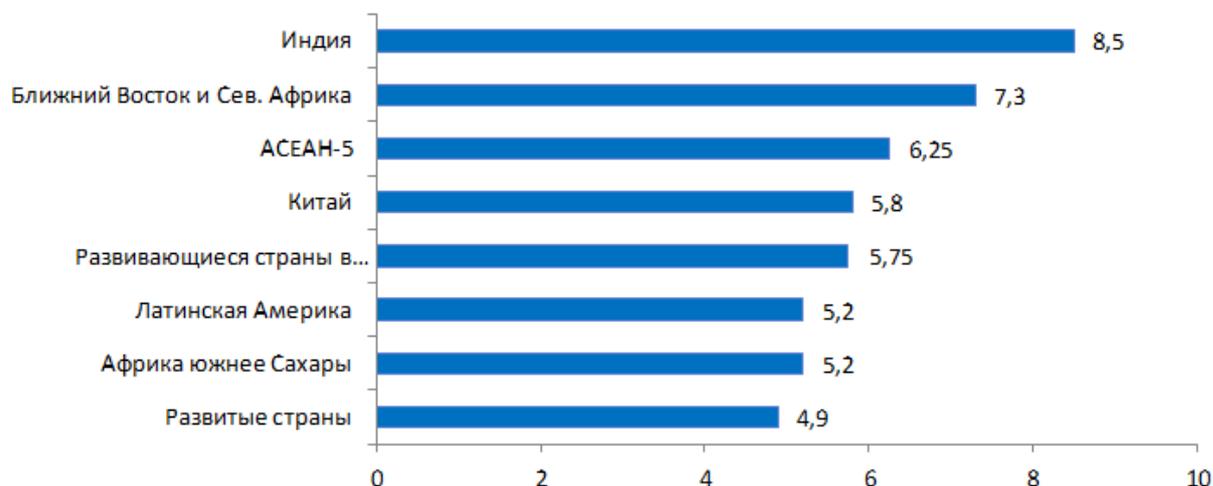
- транспорт* (включая международные транзитные коридоры, услуги аэрокосмического комплекса, авиаперевозку крупногабаритных грузов, ледокольное плавание и т. п.) — 3,5% и 6,5%;
- производство и обработка драгоценных металлов и камней — свыше 2,5% общего экспорта и 3,5% несырьевого;
- оборонно-промышленный комплекс — 2,5% и 4,5%;
- нефте- и газохимия* — 2% и 4%;
- туристическая сфера* — 2% и 4%;
- транспортное машиностроение, включая производство комплектующих* — 1,5% и 3%;
- лесопромышленный комплекс — около 2% и свыше 2,5%;
- атомный комплекс*, от добычи урана до производства оборудования для АЭС и услуг по их эксплуатации — свыше 1,5% и более 2%;
- информационно-коммуникационная сфера, включая производство соответствующего оборудования — 1% и 2%;
- неатомное энергомашиностроение*, в том числе услуги по строительству и эксплуатации объектов электроэнергетики — 0,3% и 0,6% (оценка Минэкономразвития России).

Примечание: * отмечены секторы, где, по мнению авторов доклада, в течение 5-7 лет в принципе (при соответствующих трансформациях российской экономической структуры) возможно увеличение «экспортного вклада» не менее чем в 1,5—2 раза.

Целевые ориентиры экспортной стратегии-2030 в версии МЭР выглядят достаточно скромно. К 2030 г. (относительно уровня 2013 г.) стоимостной объем экспорта товаров и услуг должен увеличиться в 2,4—2,9 раза. Этого предстоит добиться за счет опережающей динамики несырьевого экспорта, который, как ожидается, вырастет в 1,25—1,33 раза (при годовом темпе 7,6—8,0%). В результате доля России в мировом экспорте высокотехнологичных товаров может удвоиться, а доля услуг в общем экспорте будет соответствовать современному среднемировому значению данного показателя (20%). Доля же наукоемких и интеллектуальных услуг в структуре их экспорта достигнет 25%. При этом число организаций-экспортеров повысится в 3—4 раза.

По замыслу разработчиков, сбываемость прогноза решающим образом будет зависеть от выхода России на новые географические рынки. Определенный потенциал здесь действительно есть.

Перспективы глобального импортного спроса (среднегодовые темпы прироста физических объемов импорта в 2015—2020 гг., %)

Источник: IMF Database

Даже при существующей структуре экспорта определенные перспективы могут открыться на востоке и юге Азии.

Географические ориентиры развития экспорта в страны АТР

Восточная Азия

Возможный прирост экспорта к 2020 г. оценивается в 20,5 млрд долл. Значительным экспортным потенциалом обладают нефтепродукты (+6 млрд долл.), драгоценные металлы и камни (+2 млрд долл.), рыба и морепродукты, транспортные услуги, туристические услуги (по +1 млрд долл.), удобрения, никель (по +0,6 млрд долл.), пиломатериалы (+0,55 млрд долл.), алюминий, нефтехимическое сырье, пластмассы (по +0,5 млрд долл.), сталь, зерно (по +0,4 млрд долл.), маслосемена и корма, электроэнергия (по +0,25 млрд долл.). Среди прочих перспективных товаров и услуг следует отметить товары и услуги атомного комплекса, авиатехнику и комплектующие, суда и плавсредства, целлюлозу. Наиболее перспективным торговым партнером выступают КНР, а также Республика Корея и Япония.

Юго-Восточная Азия

Возможный прирост экспорта к 2020 г. оценивается в 9,7 млрд долл. Значительным экспортным потенциалом обладают нефтепродукты (+4 млрд долл.), сталь (+1,2 млрд долл.), удобрения (+0,8 млрд долл.), зерно (+0,4 млрд долл.), транспортные услуги (+0,3 млрд долл.), драгоценные металлы и камни, алюминий, никель, туристические услуги (по +0,1 млрд долл.). Среди прочих перспективных товаров и услуг следует отметить продукцию оборонно-промышленного комплекса, товары и услуги атомного комплекса, целлюлозно-бумажную продукцию. Наиболее перспективными торговыми партнерами выступают Вьетнам, Индонезия и Таиланд, а также Сингапур и Малайзия.

Южная Азия

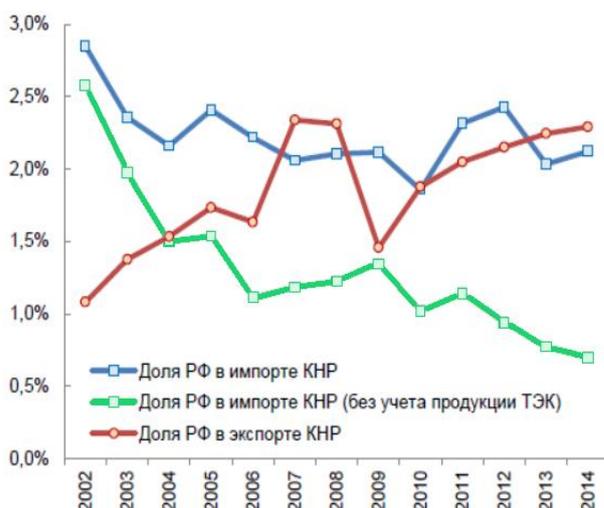
Возможный прирост экспорта к 2020 г. оценивается в 8,1 млрд долл. Значительным экспортным потенциалом обладают удобрения (+0,8 млрд долл.), драгоценные металлы и камни (+0,6 млрд долл.), сталь (+0,4 млрд долл.), зерно (+0,3 млрд долл.), никель (+0,2 млрд долл.), каучук и резинотехнические изделия (+0,15 млрд долл.), медь, масложировая продукция (по +0,1 млрд долл.). Среди прочих перспективных товаров и услуг следует отметить продукцию оборонно-промышленного комплекса, товары и услуги атомного комплекса, авиатехнику и комплектующие. Наиболее перспективным торговым партнером выступает Индия.

Источник: Минэкономразвития России

Важно подчеркнуть, что эти оценки (сделанные в канун санкций и до начала российской рецессии) требуют основательной корректировки. Повод к тому — снижение торгового оборота со странами Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) (27,8% всей внешней торговли) с начала текущего года на 26,8% (в том числе экспорта — на 20,2%, импорта — на 33,6%). Следует также иметь в виду, что его нынешняя структура, уже не конкурентоспособная даже с точки зрения поддержания позиций в глобальном хозяйстве, чем дальше, тем больше будет сдерживать прорыв российского бизнеса в АТР.

Крайне низкий уровень диверсификации сохраняется в торговле России с КНР²⁹.

Динамика доли России во внешней торговле КНР

Основные товары экспорта и импорта КНР во внешней торговле с Россией в 2014 г.

Источник: Главное таможенное управление КНР, UN Comtrade, МВФ, ВТО

Подобная структура закономерно привела к тому, что по итогам января-июля объем двустороннего товарооборота составил 37,7 млрд долл., что на 28,9% меньше, чем в аналогичном периоде прошлого года (при этом экспорт из Китая из-за ослабления рубля и снижения спроса упал на 36%).

Падение объемов торговли произошло в стоимостном выражении из-за снижения цен на энергоресурсы. Физические объемы не сократились, а по ряду позиций даже увеличились. Тем не менее, по сообщениям зарубежных деловых СМИ (со ссылками на китайских «инсайдеров»), в 2015 г. Россия покинула «топ-15» торговых партнеров Китая впервые за более чем пять лет.

Выход из этого структурного тупика может быть найден на пути создания новой модели двусторонних отношений — от традиционного

²⁹ На поставки из России минерального топлива, нефти и нефтепродуктов приходится 71,6% всего экспорта. Почти 7% — доля древесины и изделий из нее, около 4% — цветные металлы. Далее по убывающей — рыба и морепродукты, руда, химическая продукция, удобрения, бумажная масса и целлюлоза, драгоценные и полудрагоценные камни, машины и оборудование.

товарообмена к «торговле проектами» и масштабному инвестиционному сотрудничеству (в настоящее время в разной степени готовности находятся порядка 60 бизнес-планов такого рода³⁰).

Прокладывание подобных «маршрутов» требуется и к рынкам других стран. При этом принципиально важен тщательный учет вероятных структурных сдвигов в экономиках Востока и Запада. Поверхностный подход к этим вопросам, к сожалению, по-прежнему остается «ахиллесовой пятой» стратегического планирования ВЭД в России.

Недостаточно учитывается, например, набирающая силу тенденция к «решорингу», то есть, «возвращению» высокотехнологичных производств из развивающихся в развитые экономики (так, корпорации США прогнозируют, что к 2020 г. половина соответствующих производственных мощностей будет сосредоточена собственно в Штатах). Помимо роста технологической импортной зависимости от стран Запада многих других экономик, российским ответственным за стратегию ВЭД следует иметь в виду, что такого рода концентрация станет индустриальным «трамплином» для распространения шестого технологического уклада, пик которого ожидается к середине следующего десятилетия.

Китай и Индия (собирается создать свой аналог Кремниевой долины) также не намерены довольствоваться ролью реципиентов новых технологий, активно используя потенциал ЦДС. Конфигурация последних указывает на то, что итогом ближайших 10—15 лет может стать формирование «глобальных суперфабрик» и «супермаркетов по торговле услугами» в Евроатлантике и Большой Азии (с тесным участием США, Японии и Австралии), ориентированных на продвинутое потребление результатов экономики знаний.

Следует также предвидеть, что структурные сдвиги в мировом производстве товаров и услуг чем дальше, тем больше будут испытывать давление меняющихся стандартов потребления (урбанизация в развивающихся странах, общее старение населения, рост численности

³⁰ На конец 2014 г. китайские инвесторы вложили в российскую экономику 4 млрд долл. Ожидается, что в ближайшие пять лет этот показатель возрастет до 10 млрд долл.

средних классов и т. п.). К сожалению, все эти перемены пока практически не учитываются в стратегических выкладках по поводу перепозиционирования России в глобальном хозяйстве. Равно как и разворачивающийся в Азии (пожалуй, лишь за исключением Китая) инфраструктурный бум.

В научной дисциплине «теория сопротивления материалов», как известно, есть понятие «усталость металла», когда нарастающая неустойчивость опор рано или поздно приведет к обрушению всей конструкции. Эта аналогия работает и применительно к составу российских экспортных потоков — общеэкономическая отдача от поставки за рубеж энергоресурсов начала основательно сокращаться.

За «нулевые» годы Россия от экспорта жидких углеводородов заработала более чем в 10 раз больше, чем в 1990-е. Затем объем выручки начал устойчиво снижаться. Падение в 2014—2015 гг. нефтецен вдвое³¹ — сигнал, что сырьевой суперцикл, видимо, закончился (снижение цен в 1985—1986 гг. на 67% затем отыгрывалось рынком в течение 10 лет). Баланс спроса и предложения восстановится не ранее III—IV кварталов 2016 г. Последующая динамика цен обещает быть довольно умеренной. Сильный фактор — среднесрочное торможение темпов роста в Китае³². К тому же внутренняя добыча нефти даже в оптимистическом варианте будет стагнировать³³. Не лучше обстоит дело и с газом — стратегии развития его

³¹ В августе 2015 г. баррель Urals стоил 45,6 долл. (минимум за последние шесть лет). Средняя цена в январе-августе составила 55,4 долл. за баррель, за тот же период прошлого года — 106,3 долл. за баррель. При этом корреляция курса рубля с динамикой нефтецен достигла 0,82, что является максимумом с 2003 г.

³² По оценке МВФ, перебалансировка китайской экономики будет снижать потребность в импорте полезных ископаемых и ресурсов. Давление Китая на цены на этих рынках способно привести к их ежегодному сокращению на 3—4%.

³³ В консервативном сценарии проекта Генеральной схемы развития нефтяной отрасли России до 2035 г. добыча нефти на действующих разрабатываемых месторождениях может сократиться на 125 млн тонн (34,5%) до 237 млн тонн. Целевой сценарий предполагает удержание добычи на уровне 523—527 млн тонн. Принципиальные условия — переход в отрасли к налогам на добавленный доход и финансовый результат и рост нефтецен до 70 долл. за баррель к 2020 г. и 97,7 долл. за баррель к 2035 г. Кроме того, придется, по-видимому, менять подходы к приоритетности проектов. При резком удорожании добычи на арктическом шельфе, по мнению экспертов, целесообразнее освоение открытых традиционных запасов, работа с более глубокими горизонтами в Западной Сибири, а также стимулирование высокотехнологичных МСП в отрасли, способных за счет повышения КИН с выгодой эксплуатировать «брошенные» и малобюджетные площадки.

внутреннего рынка до сих пор нет, экспорт начал сокращаться, а вслед за ним и добыча (по прогнозу-2015, на 7—9%).

Потребность в инвестициях в нефтегазовый сектор до 2030 г. более 2 трлн долл. При этом нарастают бюджетные риски изменений в налоговых режимах. Непростые времена наступают и для бизнеса — при цене менее 60 долл. за баррель эффективность налогового маневра становится неочевидной и требует дополнительных расчетов. Вместе с тем, существенное сокращение нефтегазовых доходов уже привело к необходимости «временного» отказа от бюджетной трехлетки.

По оценкам международных экспертов, около 64% мирового прироста спроса на энергоносители к 2035 г. будут обеспечивать страны АТР. До 2025 г. драйвер — Китай, затем — Индия. При этом сам спрос будет качественно меняться вследствие перехода к моделям ресурсоэкономного и энергосберегающего роста, «декарбонизации» экономической деятельности в широком смысле слова (прежде всего, на транспорте, в промышленности и в коммунальном хозяйстве)³⁴, использования возобновляемых источников энергии, развития многоступенчатой высокотехнологичной переработки нефти и газа (в том числе для производства более экономичных и экологичных видов моторного топлива). Тренд на повышение технологичности спроса — это уже уверенная перспектива ближайших десятилетий. Риск же отставания российского ТЭКа от темпа перемен по меньшей мере не снижается.

Ощутимо меняется и структура мирового рынка нефти, который уже стал рынком потребителя (спрос чем дальше, тем все ощутимее будет определяться технологическим прогрессом в сфере использования энергоресурсов). На подходе формирование новых сверхкрупных игроков (вероятное слияние Petro China и Sinopec может дать структуру с капитализацией вдвое большей, чем у ExxonMobil), что еще более актуализирует вопрос о новом транспарентном и действенном глобальном

³⁴ См. подробнее: P. Stevens, G. Lahn and Y. Kooroshy. The Resource Curse Revisited. — Chatham House Research Paper, August 2015.

механизме ценообразования и сглаживания сверхволатильности рынка (ОПЕК эту роль выполнять уже не может).

России еще предстоит сформировать свои позиции в этом вопросе. Отправными точками могли бы стать предложения³⁵:

- о контроле за влиянием финансовых игроков на ценообразование, повышении в нем роли реальных производителей и потребителей;
- о повышении доли физических объемов нефти в ценообразовании до 10—15% общего объема денежных потоков (сейчас более 95% — оборот по фьючерсам);
- о развитии региональных площадок торговли нефти с учетом особенностей соответствующих рынков и преимущественных сортов нефти на них;
- о мерах по повышению прозрачности биржевых площадок (в инфраструктуре должны быть представлены напрямую и производители, и конечные потребители) и ценовых агентств;
- о повышении оперативности и качества рыночной информации (об объемах производства, потребления, запасов, о ценообразовании, об условиях стратегических контрактов на нефть, о регистрации внебиржевых сделок и т. п.).

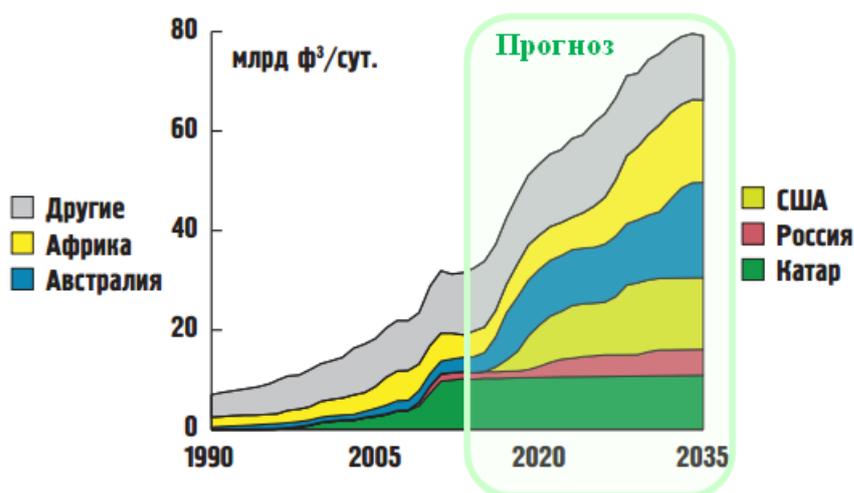
Кроме того, в новых правилах нуждаются координация торговой политики компаний, обмен активами, участие потребителей в разработке месторождений и т. п. Следует, впрочем, учитывать, что вес России в переговорных процессах будет определяться ее долей рынка, терять которую нельзя, но и удерживать становится все труднее.

Существенные перемены ожидаются на главных мировых рынках газа (США, ЕС и Азия). По прогнозам, к 2035 г. доминирующей формой газа в международной торговле станет сжиженный природный газ (СПГ). Согласно оценке ВР, его производство в ближайшие двадцать лет будет увеличиваться

³⁵ См., например, И. Сечин. Курс и перспектива развития нефтяного рынка. — «Эксперт», 16—22 февраля 2015 г., №8, стр. 28—32.

на 4,3% в год — вдвое быстрее добычи природного газа. Россия сталкивается с серьезным риском не вписаться в этот тренд³⁶.

Динамика мировых поставок СПГ, млрд м³

Источник: *Energy Outlook 2035*, BP, Международное энергетическое агентство

Сформируется ли к этому времени единый глобальный рынок СПГ — вопрос не бесспорный (в «Газпроме» продолжают, например, считать, что его мировое предложение будет вдвое меньше «трубного» газа). Однако, во-первых, у СПГ гораздо большее «поле применения» — это продукт с более высокой добавленной стоимостью. И, во-вторых, следует иметь в виду тенденцию к выравниванию цен на главных рынках. Транстихоокеанское торговое партнерство (ТТП) может ускорить этот процесс, если США начнут стабильный экспорт, например, в Японию. Критический порог — 10 долл. за 1 млн британских термальных единиц (сейчас 14—16 долл.). Если за пять лет он будет достигнут (аналитики и участники рынка считают это реальным), то СПГ на азиатских рынках начнет теснить нефть и «трубный» газ. Сходный эффект вероятен (в случае успешного продвижения в создании Трансатлантического партнерства в торговле и инвестициях) и на еврогазовом направлении. При этом всем без исключения экспортерам

³⁶ У СПГ есть и технологическая поддержка — растет эффективность добычи сланцевого газа как одной из его «природных основ». Кроме того, впереди так называемая «газогидратная революция» (Япония, США) с потенциальным освоением запасов в 5 тыс. трлн м³.

придется учитывать начавшийся процесс формирования Энергетического союза в ЕС³⁷.

Энергосоюз ЕС

После одобрения в 2014 г. «Европейской стратегии по энергетической безопасности» в феврале 2015 г. в ЕС была принята «Рамочная стратегия по созданию энергетического союза с перспективной политикой по изменению климата». В числе приоритетных задач определены: повышение энергоэффективности — на 30% к 2020 г.; создание интегрированного энергетического рынка и единой электроэнергетической системы; реформирование энергосубсидий (на эти цели тратятся ежегодно порядка 120 млрд евро); декарбонизация; диверсификация поставщиков газа; расширение присутствия компаний ЕС в сфере высоких энерготехнологий на рынках третьих стран.

К документу приложен план из 15 тематических пунктов. В их числе: разработка новой схемы рынка электроэнергии и ее правовое закрепление в 2016 г.; формирование законодательной базы о безопасности поставок на этом рынке; аудит мер по повышению энергоэффективности в странах ЕС и их дальнейшая правовая и административная поддержка; продвижение программы Южного газового коридора (транзит газа из Южного Кавказа и Центральной Азии); широкое использование потенциала поставок энергоресурсов из Восточного Средиземноморья и из Ближнего и Среднего Востока; импорт энергоносителей, прежде всего из Северной Америки, Африки и Австралии. Что касается России, то «если позволят условия, ЕС может подумать о переформатировании энергетических отношений на основе соответствия параметрам открытости рынков, справедливой конкуренции, защиты окружающей среды и безопасности».

Путь к Энергосоюзу тернист и не близок. Немалые сложности вызовет, к примеру, правка Лиссабонского договора, 194-я статья которого закрепляет право правительств стран-членов ЕС «определять условия использования энергетических ресурсов, выбора их источников, а также общей структуры поставок». Тем не менее, начавшийся процесс будет чувствителен для России, на которую приходится 31% газа, 26% угля и 32% сырой нефти, импортируемых Евросоюзом.

Зависимость от евторынка — это, бесспорно, тоже серьезный структурный барьер. Однако по ходу диверсификации экспорта российского

³⁷ По оценкам, только в течение ближайших десяти лет действия в этом направлении потребуют более 2,5 трлн евро инвестиций (к настоящему времени уже реализуются более 280 инфраструктурных проектов «общего интереса», определенных Еврокомиссией в качестве приоритетных).

газа возникают новые риски. Неизбежный по многим обстоятельствам (в том числе и геополитического характера) разворот на Восток с сугубо экономической точки зрения пока далеко не оптимален. Экспортерам, помимо общих потерь в ценах, связанных с резким снижением нефтекотировок (во втором квартале 2015 г., например, у «Газпрома» средняя цена для дальнего зарубежья опустилась на 30% до 251 долл. за 1 тыс. м³ против 346 долл. в 2014 г.), приходится еще идти на дополнительные скидки.

Неочевиден внутренний макроэкономический эффект от трубопроводных проектов. Вклад в ВВП от «Силы Сибири», по расчетам Центра развития НИУ ВШЭ, заметен лишь в 2014—2015 гг. (0,16 п.п. и 0,21 п.п. соответственно), далее итог нулевой или отрицательный. Вопросы вызывает стабильность источников их финансирования, а стало быть, и сроки ввода в действие. Можно предположить, что они будут сняты запланированными правительством дополнительными мерами господдержки этих проектов. Однако с учетом того, что расчетная окупаемость основывалась на ценах в 370—400 долл. за 1 тыс. м³, очевидно потребуются корректировка первоначальных планов.

Следует иметь в виду и прогнозные оценки о возможной перенасыщенности рынка газа в Китае с соответствующим давлением на цены, а также долгосрочную стратегию КНР по использованию возобновляемых энергоресурсов³⁸. Не способна Поднебесная и в полной мере

³⁸ В консалтинговой компании Wood Mackenzie полагают, что предложение газа будет превышать спрос на 18 млрд м³ в год в 2015—2017 гг. Аналитики снизили собственный прогноз спроса на газ в Поднебесной в 2020 г. с 420 млрд м³ в год до 380 млрд м³ в год, в 2030-м — с 640 млрд до 560 млрд м³ в год. Сходные выводы о вероятной перенасыщенности рынка газа в Китае и стабилизации объемов закупок за границей «трубного» газа с 2020 г. содержатся в прогнозе ВР, расчетах Оксфордского института энергетических исследований, китайской нефтегазовой корпорации CNPC. Что же касается альтернативных энергоресурсов, то китайский государственный Energy Research Institute совместно с Energy Foundation China подготовил и опубликовал исследование «Китай-2050 — сценарий высокого распространения возобновляемой энергетики: дорожная карта», в котором подтверждается технологическая и экономическая возможность обеспечивать 85% потребления и более 60% первичной энергии за счет возобновляемых источников энергии к 2050 г.

компенсировать технологическую зависимость российских компаний от западных рынков.

Кроме того, полезно принять во внимание консенсус-оценку независимых экспертов: Китай в ходе переговоров, как правило, выжидает момент, когда не вполне продуманные действия заводят российские госкомпании в тупик, из которого не выбраться без посторонней финансовой помощи (такие эпизоды регулярно повторяются в отношениях с «Роснефтью» и «Газпромом»).

В оптимизации энергосырьевого экспорта Россия сталкивается с двумя массивами рисков. Первый — слабая готовность вписаться в изменения структуры мировой энергетики. Поэтому срочно нужна новая стратегия по газу с приоритетом СПГ. Второй — невысокая экономическая эффективность действий на восточном треке (цены с дисконтом, инвестиции в обмен на еще большие скидки). Правда, уже есть попытка преодолеть «китаецентризм» — «Роснефть» заключила контракт на поставку в течение 10 лет 100 млн тонн нефти индийской Essar. Следующий шаг — инвестиции в индийскую нефтепереработку.

Управление рисками снижения эффективности экспорта первичных энергоресурсов может быть обеспечено в рамках серьезного структурного маневра в нефтегазовом секторе. Потребность в либерализации экспорта газа требует масштабной реструктуризации «Газпрома». Дополнительные объемы нефтедобычи способны обеспечить ускорение развития малых и средних компаний. В целом же сектор через экспорт должен заработать на собственную модернизацию, то есть на выстраивание цепей добавленной стоимости от добычи до, как минимум, нефтегазохимии, что позволит существенно повысить поступления от «нового» нефтегазового экспорта. В таком контексте, например, вероятная перенасыщенность внутреннего рынка газа в Китае может оказаться не критичной. Если пойти по пути развития совместной переработки с выходом на рынки «третьих» стран, что в принципе способно оказаться одной из опор формирующегося двустороннего «стратегического энергетического альянса».

* * *

Структурные барьеры, о которых речь шла выше — общие для несырьевого и ресурсного экспорта, по сути одни и те же как на западном, так и на восточном направлениях. Для их ослабления и последующего эффективного преодоления необходима продуманная и последовательная экспортоориентированная структурная политика.

Одной только господдержки внешнеэкономической деятельности в традиционных ее формах, хорошо известных из мировой практики (экспортные кредиты, гарантии, страхование рисков и т. п.) недостаточно, хотя ее объемы еще только предстоит вывести на «проектную мощность», отвечающую запросам бизнеса.

Девальвация рубля открыла окно возможностей для включения в цепи добавленной стоимости и форсирования продаж за рубеж (в том числе с производств под иностранными брендами, локализуемыми в России), но одновременно и ужесточила сроки для принятия необходимых решений.

Наряду с этим переоценки требуют многие представления об импортозамещении. У него есть бесспорные приоритеты — кооперационные поставки в сфере ОПК, энергетики и оборудования для ТЭК, продовольственный рынок.

Во всем остальном при сохранении курса на замещение потребительского импорта обрывать связи по поставкам инвестиционного назначения противопоказано. Такой импорт необходим для диверсификации экспорта, в том числе через встраивание в цепи добавленной стоимости. Тем более, что конкурентоспособный экспортер всегда может найти собственную нишу и на внутреннем рынке.

*Однако и такое «умное» замещение импорта способно представить *ut ibi et orbi* лишь отдельные «кейсы» без выращивания институционально-регулятивной среды, стимулирующей к подобным, но уже массовым мотивациям и действиям. А это вопрос структурных реформ, «втаскивающих» российскую экономику в новую модель ее развития.*

Глава III. Реинтеграция в глобальное хозяйство — управление системными рисками

Из сказанного выше ясно: перепозиционирование России в мировой экономике безальтернативно. Напор меняющихся не в лучшую сторону внешних условий и жестких внутренних ограничений устойчивому развитию не оставляет других вариантов. Качество конечного результата, однако, не гарантировано. «Маршрут» изрядно обставлен рисками, немалая часть из которых не опознана. По другим же, по меньшей мере формально зафиксированным оговорками в разного рода официальных оценках и прогнозах, подходы к учету в госуправленческой практике, призванной снижать вероятность их реализации, еще только складываются.

При этом на недооценку фундаментальных тенденций трансформации глобальной экономики, содержание которых во многом определяется беспрецедентным ускорением развития науки и техники, накладываются завышенные ожидания от «тактических ходов» в рамках не вполне ясных «стратегий» (например, в так называемом «повороте на Восток»). В то же время, погружение в детали казалось бы уже вполне выверенных долгосрочных планов нередко сбивает их «настройку», требуя новых решений, способных поменять логику уже разворачивающихся процессов (свидетельство тому — евразийский интеграционный проект).

Все это, по большому счету — признаки «стратегического недостроя», который может привести уже не просто к отдельно взятым частным неудачам, а к фронтальному сжатию конкурентной способности экономической системы в целом. Вместе с тем, они как раз и указывают на те сферы, где обозначившиеся вызовы имеют шансы встретиться с ответами, поскольку количество рисков требует перехода в новое качество управления.

III.1 Технологический прогресс и новые рынки

На обретении глобальным хозяйством его новой структуры в ближайшие 10—15 лет самым существенным образом будет сказываться предстоящий фронтальный переход к новому, шестому технологическому укладу. Его содержание вызывает немалые споры среди исследователей. Тем не менее, в целом сложился определенный консенсус в понимании его основных признаков, а также главных последствий для производства товаров и услуг, организации их рынков, качественных перемен в потреблении и т. п.

Принципиально важно иметь в виду и возможную при этом взаимосвязанность сдвигов в структурах экономики, общества и государства³⁹. Что же касается собственно технологического развития, то полезно за «точку отсчета» взять выводы из исследования McKinsey Global Institute, где определены направления прорывных решений, способных привести к радикальным изменениям в бизнесе и мировой экономике⁴⁰.

³⁹ В центре макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) в качестве основных факторов формирования шестого технологического уклада выделяют:

- формирование его технологического ядра вокруг информационно-коммуникационных технологий, биомедицинских технологий, нового материаловедения и новой энергетики, всепроникающих инфраструктур, нового образования;
- изменения форматов бизнеса, связанные с упрощением доступа к глобальному аутсорсингу; существенное усиление рыночной власти корпораций, контролирующих инфраструктуры и общепринятые «стандарты де-факто» в ИКТ, материаловедении, фармакологии;
- рост межстранового и внутривостранового социального неравенства с риском его закрепления через неравенство доступа к биомедицинским технологиям;
- кардинальная смена модели жизненного цикла (от «учеба-работа-пенсия» к «учеба-предпринимательство-учеба») и последующее значительное снижение социальной инерции в распространении технологий;
- резкий рост зависимости индивида от функционирования глобальных инфраструктур, включая информационные, и возникновение в связи с этим проблемы сохранения суверенитета государств и обществ.

См. Д. Белоусов, А. Апокин, Е. Пенухина, Е. Сабельникова, И. Фролов. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества. М., 2015, стр. 144.

⁴⁰ См. «Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy», McKinsey Global Institute, May 2013.

Скорость, масштабы и потенциальный эффект 12 передовых технологий

	Примеры темпов совершенствования технологий и их проникновения	Примеры групп, продуктов и ресурсов, которые могут быть затронуты	Показательные сегменты экономики, которые могут быть затронуты ¹
Мобильный интернет	<p>5 млн долл. против 400 долл.² Цена самого быстрого суперкомпьютера в 1975 г. против iPhone 4 сегодня, равных в производительности (MFLOPS)</p> <p>Шестикратный рост продаж смартфонов и планшетов с момента запуска в 2007 г.</p>	<p>4,3 млрд человек еще должны быть подключены к Интернету, возможно через мобильный Интернет</p> <p>1 млрд транзакций и взаимодействия работников, около 40% мировой рабочей силы</p>	<p>1.7 трлн долл. ВВП связаны с Интернетом</p> <p>25 трлн долл. Взаимодействие и перемещение трудовых затрат, 70% глобальных расходов на оплату труда</p>
Автоматизация умственного труда	<p>Стократное увеличение вычислительной мощности от компании Deep Blue IBM (чемпион мира по шахматам в 1997 г.) до Watson (победителя в 2011 г.)</p> <p>400+ млн Увеличение числа пользователей интеллектуальных цифровых помощников (таких, как Siri и Google Now) в последние 5 лет</p>	<p>230+ млн. Работников знаний, 9% глобальной рабочей силы</p> <p>1,1 млрд пользователей смартфонов с потенциалом для использования автоматизированных цифровых приложений-помощников</p>	<p>\$9+ трлн. трудовых затрат на работников знаний, 27% глобальных расходов на оплату труда</p>
Интернет вещей	<p>300% Увеличение числа подключенных «машина-в-машину» устройств за последние 5 лет</p>	<p>1 трлн вещей, которые могут быть подключены к Интернету в различных отраслях промышленности, таких как обрабатывающая, здравоохранение, добыча полезных ископаемых</p>	<p>36 трлн долл. Эксплуатационные затраты основных отраслей (обрабатывающие, здравоохранение, добыча полезных ископаемых)</p>

	Снижение цен в МЭМС (микроэлектромеханических системах) в последние 5 лет на 80—90%	100 млн глобальных межмашинных коммуникаций (M2M) соединений устройств между секторами (такими как транспорт, обеспечение безопасности, медицинское обслуживание и коммунальные услуги)	
Облачные технологии	18 месяцев Время удвоения производительности сервера на 1 доллар Ежемесячная стоимость владения сервером в три раза выше аренды облака	2 млрд глобальных пользователей облачных сервисов электронной почты, таких как Gmail, Yahoo и Hotmail 80% североамериканских институтов держат или планируют размещение критически важных приложений в облаке	1,7 трлн долл. ВВП, связанных с Интернетом 3 трлн долл. Затраты предприятий на Интернет
Передовые робототехники	Более низкая цена на Baxter ³ , чем на типичный промышленный робот Рост продаж промышленных роботов в 2009—2011 гг. на 170%	320 млн работников производственной сферы, 12% глобальной рабочей силы 250 млн основных операций ежегодно	6 трлн долл. трудовых затрат, 19% глобальных расходов на оплату труда 2—3 трлн долл. Стоимость основных операций
Самоуправляемые и полусамоуправляемые транспортные средства	7 пробегов, выполненных автомобилями без водителя DARPA Grand Challenge в 2004 г. по 150-мильному маршруту	1 млрд автомобилей и грузовиков в мире	4 трлн долл. Выручка автомобильной промышленности

	1540 миль пробега в соревнованиях на автомобилях в 2005 г. 300000+ миль пробега самоуправляемых автомобилей Google только с 1 ДТП (которое произошло по вине человека)	450000 гражданских, военных самолетов и авиации общего назначения в мире	155 млрд долл. Выручка от реализации самолетов авиации общего назначения, гражданской и военной
Геномика нового поколения	10 месяцев Время удвоения скорости секвенирования за 1 доллар Стократное увеличение посевных площадей генетически модифицированных культур в 1996—2012 гг.	26 млн ежегодных случаев смерти от рака, сердечнососудистых заболеваний или сахарного диабета 2-го типа 2,5 млрд людей, занятых в сельском хозяйстве	6,7 трлн долл. Глобальные расходы на здравоохранение 1,1 трлн долл. мировой стоимости пшеницы, риса, кукурузы, сои и ячменя
Накопление и хранение энергии	40% Снижение цен на литий-ионный аккумулятор в автомобиле с 2009 г.	1 млрд автомобилей и грузовиков в мире 1,2 млрд человек без доступа к электричеству	2,5 трлн долл. Доходы от мирового потребления бензина и дизеля 100 млрд долл. Оценочная стоимость электроэнергии для домохозяйств, остающихся в настоящее время без доступа к нему
3D печать	Цена за домашний 3D-принтер на 90% ниже, чем 4 года назад Четырехкратное увеличение совокупных доходов производства в последние 10 лет	320 млн работников производственной сферы, 12% рабочей силы в мире 8 млрд игрушек в год изготавливается в мире	11 трлн долл. Глобальное производство ВВП 85 млрд долл. Выручка от глобальных продаж игрушек

Современные материалы	1000 долл. против 50 долл. Разница в цене 1 грамма нанотрубок более чем за 10 лет 115-кратное соотношение прочности к весу углеродных нанотрубок против стальных	7,6 млрд тонн Ежегодное глобальное потребление кремния 45000 метрических тонн Ежегодное глобальное потребление углеродного волокна	1,2 трлн долл. Выручка от глобальных продаж полупроводников 4 млрд долл. Выручка от глобальных продаж углеродного волокна
Современные методы поиска и добычи нефти и газа	Трехкратное повышение эффективности газовых скважин в США в 2007—2011 гг. Двукратное повышение эффективности нефтяных скважин в США в 2007—2011 гг.	22 млрд баррелей нефтяного эквивалента природного газа, добываемого в мире 30 млрд баррелей сырой нефти, добываемой в мире	800 млрд долл. Выручка от продажи на мировом рынке природного газа 3,4 трлн долл. Выручка от продажи на мировом рынке сырой нефти
Возобновляемая энергия	Ниже цена за ватт солнечной (на фотоэлементах) энергии по сравнению с 2000 г. на 85% Девятнадцатикратный рост солнечной фотоэлектрической и ветровой генерирующих мощностей с 2000 г.	21000 кВт ч Ежегодное глобальное потребление электроэнергии 13 млрд тонн Годовые выбросы CO ₂ от генерации электроэнергии, больше чем от всех автомобилей, грузовиков и самолетов	Объем глобального потребления электроэнергии 80 млрд долл. Стоимость сделок на глобальном углеродном рынке

¹Неполная картина всех групп, продуктов и ресурсов.

² Для компьютера CDC-7600 в расчет берется период развития рынка быстрых компьютеров с 1969 по 1975 гг.; что в долларах 2013 г. эквивалентно 32 млн при средней инфляции в 4,3% в год с момента запуска этого суперкомпьютера в 1969 г.

³ Baxter — универсальный базовый промышленный робот, разработан компанией «Rethink Robotics»

Источник: McKinsey Global Institute analysis «Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy», May 2013.

Приведенные оценки отдачи двенадцати прорывных технологий для глобального хозяйства, конечно, носят приблизительный характер. Тем не менее, уже сам порядок цифр предварительного расчетного экономического эффекта их применения — от 14 трлн до 33 трлн долл. к 2025 г. — заставляет признать, что впереди новая реальность — *terra technologia incognita*, к встрече с которой готовиться надо было еще вчера.

Возможности, впрочем, не упущены. Технологии «шестого уклада» для разработки и внедрения требуют весьма значительных затрат времени и финансовых ресурсов. Поэтому ближайшее десятилетие, скорее всего, пройдет под знаком «межукладного перехода», в рамках которого будут происходить: масштабные инновации⁴¹ на основе новых конструкционных и композитных материалов, создаваемых с помощью нанотехнологий; формирование продвинутого ядра информационных технологий (драйверы — социальные сети, решения с использованием мобильных устройств, «облачные вычисления» и обработка «больших данных»); развитие 3D-печати⁴² и «Интернета вещей». Кроме того, ожидается существенное продвижение в создании «новых поколений» лекарственных средств и методов диагностики и лечения заболеваний, а также прогресс в альтернативной энергетике. Возникающие в связи с этим продуктовые линейки вызовут усиление конкуренции на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг.

По мнению многих исследователей, характерной чертой «межукладного перехода» будет являться глобализация индивидуального потребления, поддерживаемая:

- развитием ИКТ-технологий, позволяющих существенно расширить возможности индивидуального прямого on-line выхода на мировой рынок как предпринимателей, так и потребителей;

⁴¹ См. Д. Белоусов и др. Цит. соч., стр. 121—122.

⁴² По мере распространения этой технологии ожидается переход к ее новой стадии так называемой 4D-печати, когда речь идет о перепрограммировании (пересборке) уже произведенного продукта для последующего изменения формы и предназначения по мере запросов потребителей.

- персонализацией предоставления медицинских и образовательных услуг;
- широким доступом к глобальным информационным ресурсам;
- ускорением динамики сервисной экономики (товар как вещь в классическом понимании становится носителем будущих услуг; типичный пример здесь — регулярное обновление программного обеспечения сложной сельскохозяйственной и строительной техники);
- расширением возможностей использовать человеческий капитал как рыночный актив.

Перемены на стороне глобального спроса будут сопровождаться глубокой трансформацией организации производств и рынков. Во-первых, речь идет о тенденции к кастомизации выпуска (направленности на индивидуальных потребителей или их узкие группы).

Сравнительная характеристика типов производств

	Массовые	Кастомизированные
Конкурентные преимущества	Разнообразие продуктов, возможность снижать цены за счет больших объемов	Ориентация на конкретного конечного потребителя
Включение в ЦДС	Последовательный технологический цикл среди распределенных производителей с жестко закрепленными функциями и ответственностью	Нелинейное локализованное взаимодействие с партнерами с меняющимися ролями и «зонами ответственности»
Конкуренты и цены	Хорошо известные производители на структурированном рынке, которые примерно выдерживают сложившийся ценовой диапазон	Постоянно меняющийся состав участников рынка при высокой волатильности цен
Дистрибуция и дизайн продукта	Маркетинговые стратегии, ориентированные на значительный масштаб сбыта, стандартизированный дизайн	Прямое взаимодействие между локальным потребителем/клиентом и производителем, комплексный и уникальный дизайн

Кастомизация — естественная ниша для малого и среднего бизнеса. Вместе с тем, многие крупные компании также предпринимают усилия в этом направлении, создавая гибкие технологические платформы, позволяющие индивидуализировать свойства товаров и качество услуг в соответствии с запросами smart-demand.

Во-вторых, характерной чертой «межукладного перехода» становится усиление тенденции к трансформации рынков в «сетевые» и «вертикальные» с возникновением соответствующих ниш в международной торговле. Причем поддержка этого тренда уже обеспечивается ростом «цифрового потребления» в структуре затрат домохозяйств, расширением продаж не товаров и услуг, а лицензий на пользование ими (например, с гарантиями обновления программного обеспечения, послепродажного обслуживания и т. п.), преобладанием так называемых «инноваций, масштабируемых на продвижении новых рыночных стандартов», широким распространением гибких форм занятости (дистанционной и т. п.).

При этом усиливается конкуренция за новые стандарты, в которую все более втягиваются и национальные юрисдикции, их закрепляющие. Очевидно, что ужесточение борьбы за «технологические ренты» в самом близком времени потребует выработки и установления международно признанных правил ее регулирования.

Наблюдаемые перемены в системах организации и управления производством уже сказываются на содержании цепей добавленной стоимости. Возможность интегрировать в реальном времени (с опорой на «облачные» вычисления, моделирующее ПО, интернет вещей, межмашинное взаимодействие и т. п.) массивы информации, касающиеся проектирования, конструирования и производства продукта, логистики, эксплуатации (с сервисами, повышающими ее эффективность) позволяет включать в ЦДС сам процесс решения задач по разработке новых «линеек» товаров и услуг — он становится глобальным, со своим разделением труда и жесткой конкуренцией за место в цепочке.

В ряде развитых экономик уже реализуются программы, задача которых «подстроить» структуру промышленности и организацию управления производством под тренды «межукладного перехода». В США речь идет об инициативах Smart Manufacturing и Manufacturing Cloud, в ЕС и особенно в Германии — о программе «Промышленность 4.0». Не отстают и другие, с 2013 г., например, реализуется стратегия «Новая индустриальная Франция». Общее во всех этих начинаниях — формирование условий для развития производств, драйверами которых являются преимущественно высокотехнологичные средние компании.

Господдержка таких программ в Соединенных Штатах ограничивается в основном потребностями по линии министерств обороны и энергетики. Большая же часть мер направлена на «прокладку ориентиров» для бизнеса и обеспечение качественной институционально-регулятивной среды, поддерживающей мотивации к инновациям. В Великобритании в этих целях подготовили семь дорожных карт («катапульт») по приоритетам британского бизнеса в технологическом развитии обрабатывающей промышленности (в особенности аэрокосмической, автомобилестроении, энергетике и транспорте) с прицелом на мировое лидерство в соответствующих разработках при потенциальном объеме рынка не менее 1 млрд фунтов стерлингов в год.

Упор на формирование новой бизнес-среды, «втаскивающей» в процессы глобализации новые отряды национальных бизнесов, характерен и для ведущих развивающихся экономик в АТР.

В Индии с 2014 г. реализуется амбициозная программа «Make in India». Цель — нарастить к 2022 г. долю промышленности в ВВП с 16% до 25% и создать 100 млн рабочих мест. Средства — технопарки, производственные кластеры, развитие высокотехнологичных услуг (софтверного и бизнес-аутсорсинга, а также инжиниринга) и фармацевтики. При этом особый упор делается на подготовку кадров.

В мае 2015 г. в Пекине объявлено о плане «Made in China 2025», дополняющем традиционное пятилетнее планирование и ориентированном

на поддержку 10 приоритетных отраслей⁴³. В числе задач — довести долю промежуточных компонентов и материалов национального производства до 40% к 2020 г. и 70% — к 2025 г., а также создать 15 инновационных центров в обрабатывающей промышленности к 2020 г. и 40 — к сроку завершения плана. Специальные его разделы касаются защиты интеллектуальной собственности, стимулирования компаний к формированию собственных технических стандартов и поощрения инноваций в традиционных отраслях.

Национальные программы промышленно-технологической модернизации становятся, таким образом, «полем» международной конкуренции за будущие рынки, которым еще предстоит сложиться на основе нового предложения товаров и услуг.

При этом полезно учитывать нынешние стартовые позиции ведущих государств. По последним расчетам, которые пока ограничиваются 2012 г., на промышленность, основанную на знаниях и интенсивном применении технологий (knowledge- and technology intensive industries), приходилось 27% мирового ВВП, в США — 40%, в других развитых странах (Евросоюз, Канада, Япония и Южная Корея) — в среднем около 30%. Доля этой группы государств выросла с 1997 по 2012 г. с 29% до 32%. Рост в развивающихся экономиках в основном достигается за счет Китая: его высокотехнологичное производство увеличилось в пять раз с 2003 по 2012 г.

В целом же лидирующим поставщиком высокотехнологических товаров остаются Соединенные Штаты (27% от общемирового объема). Это относится и к услугам, связанным с этими товарами: на США приходится 32%, на ЕС — 23%, на Китай — 8%.

Россия отсутствует в списке лидеров развития новых производственных технологий. Среди основных вызовов — дефицит конкурентоспособных заделов, в том числе в станкостроении и производстве автоматизированного оборудования, неблагоприятный инвестиционный климат для инновационного бизнеса, относительная узость внутреннего

⁴³ В их числе: «новые продвинутое информационные технологии»; «автоматика и робототехника»; аэрокосмическая отрасль и авиация; оборудование для высокотехнологичных судостроения и транспорта; двигатели на новых источниках энергии; энергосберегающее оборудование; сельскохозяйственная техника; новые материалы; биофармацевтика.

рынка, где многие крупные компании ориентируются на импорт готовых продуктов и решений.

России необходимо существенно прибавить в скорости «межукладного перехода»⁴⁴. Интенсивность распространения новых технологий в современной экономике — производная качества институционально-регулятивной среды и бизнес-климата. Соседи по глобальному хозяйству на Западе и Востоке заняты именно этим. Определение же приоритетов технологического развития сверху в отрыве от усилий по формированию нового поколения малых и средних бизнесов, «живущих» созданием новых рынков, будет малоэффективным.

Отчасти это уже видно в некоем «провисании» российской Национальной технологической инициативы: размытость и одновременно амбициозность критериев господдержки инноваций (рынок объемом 100 млрд долл. к 2035 г. — нижняя граница); неясность в вопросах установления стандартов для новых рынков (встроенность в ЦДС предполагает немалую толику участия в этом зарубежных партнеров, в том числе из БРИКС); немало вопросов к самому выбору «маршрутов» предлагаемых дорожных карт (в которые, например, пока не попали робототехника и Интернет вещей)⁴⁵.

Понятно, что эти «шероховатости» можно сглаживать до бесконечности. Но это, само по себе важное и нужное занятие, только подчеркивает необходимость формирования бизнес-среды, открытой для

⁴⁴ Высокотехнологичный экспорт из России составляет примерно 5—7 млрд долл. в год. В Бразилии 8—9 млрд долл., в Индии 10—13 млрд долл., в Китае 400—500 млрд долл. При этом по численности персонала, занятого по формальным показателям в НИОКР на 10 тыс. населения Россия — один из мировых лидеров.

⁴⁵ Национальная технологическая инициатива (НТИ) России запускается только сейчас. Руководство страны видит три стратегических приоритета в поддержке инноваций: генерация спроса со стороны крупного бизнеса и госкомпаний; встраивание в мировые цепочки добавленной стоимости; стимулирование экспортной активности инновационного бизнеса. Один из ключевых критериев в отборе проектов — отсутствие общепринятых технологических стандартов, за создание которых Россия и должна бороться. К настоящему времени сформированы три «исследовательских фронта»: нейротехнологии, 3D-печать, квантовые технологии и фотоника. Определены также 9 направлений «новых рынков»: распределенная энергетика; системы персонального производства и доставки еды и воды; персонифицированные системы безопасности; индивидуальные медицинские услуги; беспилотные летательные аппараты; морской транспорт без экипажа; распределенные сети управления автотранспортом без водителя; децентрализованные финансовые системы и валюты; искусственный интеллект.

общемировых трендов, обозначенных выше. Этому, к примеру, могло бы помочь прогностическое моделирование изменений глобального спроса и программы «преобразующих инвестиций» (impact investing). Суть последних, как известно, — в продвижении ИКТ и других технологий «межукладного перехода» в сферы, где они не получили заметного распространения. Мировой рынок таких инвестиций быстро растет — объем уже начатых проектов (главным образом в развивающихся странах) со сроком завершения в ближайшие 3—5 лет оценивается примерно в 1,5 трлн долл.

* * *

Ближайшее десятилетие станет временем перехода к шестому технологическому укладу, связанного с внедрением масштабных и нноваций и усилением конкуренции на глобальных рынках высокотехнологичных товаров и услуг. В развитых экономиках уже реализуются программы, направленные на структурную перестройку промышленности и организации управления производством в соответствии с этими трендами. Идет работа над формированием условий для развития производств, драйверами которых становятся преимущественно высокотехнологичные компании среднего бизнеса. Разворачивается международная конкуренция за будущие рынки, которым еще предстоит сложиться на основе нового предложения товаров и услуг.

На трассе этого «межукладного перехода» Россия пока в числе отстающих. Национальная технологическая инициатива недостаточно ориентирована на формирование бизнес-среды, соответствующей описанным глобальным тенденциям.

Органическая взаимосвязь технологического прогресса в мире и становления новых рынков, как представляется, требует расстановки новых акцентов в российской политике поддержки инноваций. Без этого затруднительно ожидать устойчивых результатов как от разворота на Восток, так и в целом от действий, направленных на несырьевую реинтеграцию российской экономики в глобальное хозяйство.

III.2 Поворот к Азии — больше рациональности!

Для начала XXI века представление о том, что это столетие будет «веком Азии», стало интеллектуальным мейнстримом. Пережив разрушительный финансовый кризис 1998 г., страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в 2000-е продолжили бурный рост. По данным МВФ, если в 2000 г. страны Азии⁴⁶ составляли менее 30% глобального ВВП, то уже к 2014 г. их доля превышала 40%. По итогам 2014 г. Азия внесла лишь немногим меньше 2/3 в прирост глобального ВВП⁴⁷. Главным локомотивом развития стал Китай, средние годовые темпы роста которого в 2000—2010 гг. составляли 10,5%. В ближайшие два года темпы роста в АТР будут падать, но все равно останутся выше среднемировых. По прогнозам МВФ, рост в Азии составит 5,6% по итогам этого года и замедлится до 5,5% в 2016 г., в странах с формирующимся рынком этого региона тенденции те же — 6,6% и 6,4% соответственно. При этом в двух крупнейших развивающихся экономиках АТР темпы роста будут выше средних по региону: в Китае они составят 6,8% и 6,3% (официальный прогноз Госсовета КНР на 2015 г. — «около 7%»), в Индии — 7,5% на оба года.

Бурный рост Азии в 2010—2013 гг. стал одним из важных факторов ралли на сырьевых рынках. Главным драйвером был спрос на многие виды сырья со стороны Китая. Модель роста, в которой высокие темпы поддерживались за счет масштабных инфраструктурных инвестиций и вложений в промышленность, гарантировала растущие объемы потребления металлов и углеводородов. Так, по расчетам австралийского инвестбанка

⁴⁶ В данном докладе мы будем относить к АТР следующие страны: Австралия, Новая Зеландия, Япония, Республика Корея, Китай (включая автономные районы Гонконг и Макао, а также Тайвань), Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, а также десять стран-членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины). В целом эта группа укладывается в то, что МВФ называет в своих публикациях «Азией» (за исключением островных государств Тихого океана). См. International Monetary Fund. Regional Economic Outlook: Asia and Pacific. Stabilizing and Outperforming Other Regions. April 2015. <http://www.imf.org/external/pubs/ft/reo/2015/apd/eng/areo0415.htm>

⁴⁷ Там же. С. 1.

Macquarie⁴⁸, в 2014 г. Китай потреблял больше половины мирового производства железной руды, алюминия и никеля, свыше 40% меди и цинка, 30% сои и 23% энергоресурсов⁴⁹. Согласно расчетам McKinsey, рост мирового среднего класса к 2030 г. (особенно в АТР) обеспечит еще больший спрос на углеводороды, продовольствие и воду⁵⁰.

Исходя из этого, еще в начале 2000-х гг. для России, учитывая ее место в мировом разделении труда, было логично развивать связи со странами АТР и активно выходить на местные рынки. Однако этого не произошло.

Азиатские страны долгое время не представляли большого интереса как для большинства крупных субъектов внешнеэкономической деятельности, так и для политической элиты России. Так, по итогам 2014 г. доля АТР в объеме российской внешней торговли не превышала 25%, а руководство страны ставило задачу довести долю торговли с Азией до 40%, не называя, правда, конкретные сроки. До 2011 г. ни на одной из региональных бирж не торговались бумаги российских эмитентов. Также до 2011 г. отсутствовали какие-либо трубопроводы, связывавшие российские недра с азиатскими потребителями. Все подписывавшиеся с азиатскими потребителями договоренности, вроде меморандумов «Газпрома» и китайской CNPC от 2006 г. о строительстве двух газопроводов суммарной мощностью 68 млрд кубометров в год (проекты «Алтай» и «Сила Сибири»), имели демонстративный характер и скорее адресовались западным потребителям российского сырья.

«Поворот» России на Восток начался лишь в середине 2000-х. Причем датировки могут быть различны, поскольку курс на ускоренное развитие отношений с Восточной Азией никогда не объявлялся формально (в отличие от, например, США, где «поворот к Азии» был закреплен в ноябре 2011 г. в статье госсекретаря Х. Клинтон в журнале «Foreign Policy»). Позиции

⁴⁸ Henry Sanderson. Commodities explained: China's new normal. — Financial Times, February 23, 2015. <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/a76d3010-b69a-11e4-95dc-00144feab7de.html>

⁴⁹ BP Statistical Review of World Energy 2015. <http://www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/country-and-regional-insights/country-insights-china.html>

⁵⁰ McKinsey&Co. Resource revolution: meeting the world's energy, materials, food and water needs. November 2011.

официальных лиц и независимых экспертов различаются. Первые подчеркивают, что развитие отношений с Восточной Азией — не новая политика, а планомерная реализация давно существующей у Москвы стратегии, поэтому говорить о каком-то особенном «повороте на Восток» не имеет смысла. Экспертное же сообщество, особенно зарубежное, считает началом «поворота» весну 2014 г., а первопричиной — конфликт с США и ЕС вокруг Украины.

Истина находится примерно посередине. Условно началом «поворота» можно считать 2009 г., когда совпали, по крайней мере, два фактора. Первый и главный — мировой финансовый кризис 2008—2009 гг., когда страны Восточной Азии и особенно КНР остались локомотивом мирового роста — в то время, как ВВП России снизился на 8,9%, ВВП Китая вырос на 9,4%. Оказавшись в ситуации, когда цены на сырье упали, привычные источники фондирования на Западе временно иссякли, а ресурсы российского правительства оказались ограничены, многие компании были вынуждены обратиться к поиску новых источников капитала в Азии. Результатов удалось добиться лишь частично. Наиболее значимыми достижениями стали подписание контракта между «Роснефтью», «Транснефтью» и CNPC о строительстве отвода Сковородино—Мохэ от магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), по условиям которого в обмен на кредит в 25 млрд долл. от Банка развития Китая российские компании обязались поставлять в Китай 15 млн тонн нефти ежегодно в течение 20 лет. Другим знаковым событием стало IPO компании «Русал» на Гонконгской фондовой бирже (Hong Kong Stock Exchange, HKEx) в январе 2010 г. В любом случае, кризис впервые на время заставил российское правительство и субъектов внешнеэкономической деятельности серьезно посмотреть на возможности Восточной Азии для развития бизнеса.

Второй важный фактор — подготовка к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке, заявку на проведение которого Россия подала в 2007 г. В ходе подготовки правительство было вынуждено «погрузиться» в тенденции развития АТР, готовя официальную повестку саммита, а бизнес активнее изучал возможности региона. Также в период президентских полномочий Д. Медведева было сделано несколько декларативных шагов для развития

отношений с Азией: подготовка «хабаровских инициатив» 2011 г. по развитию отношений с АТР; саммит Россия-АСЕАН; попытки выстроить «модернизационные альянсы» с Южной Кореей, Сингапуром и Китаем. Все эти действия не были системной стратегией, а потому движение по реализации заявленных намерений сошло на нет уже весной 2012 г.

Вновь азиатское направление российской внешнеэкономической деятельности было актуализировано после создания в 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока. Была подготовлена стратегия развития региона, где основной упор сделан на стимулирование производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, ориентированной на рынки АТР. В этих же целях принят закон «О территориях опережающего развития», суть которого в создании особых зон с условиями регулирования по всем областям, конкурентных по отношению к лучшим практикам в АТР. Впрочем, за два года работы министерства были лишь отобраны первые девять площадок для создания ТОР, а о привлечении сколь-либо масштабных инвестиций речь пока не идет.

Наконец, весной 2014 г. «поворот» получил продолжение под влиянием событий на Украине. Первоначально, после введения персональных санкций ЕС и США в ответ на присоединение Крыма против ряда чиновников и бизнесменов, Россия провела символическую демонстрацию «поворота» в ходе майского визита В. Путина в Шанхай. Тогда были подписаны 42 соглашения, главным из которых стал газовый контракт между «Газпромом» и CNPC по строительству «Силы Сибири», оцененный тогда в 400 млрд долл. Весной, летом и осенью 2014 г. руководители финансово-экономического блока правительства совершали ознакомительные поездки в регион, а после введения Западом секторальных санкций российские чиновники и крупный бизнес начали более заметную активность на азиатском направлении. Были созданы различные официальные форматы для взаимодействия с крупнейшими азиатскими партнерами (Межправительственная комиссия по приоритетным инвестиционным проектам с КНР под председательством И. Шувалова и первого вице-премьера Госсовета Чжан Гаоли, Комиссия при первом вице-премьере

правительства России по взаимодействию с АТР, Национальный координационный центр по АТР при Российском союзе промышленников и предпринимателей и др.).

Видение российской элитой «азиатского курса» не было сформулировано, но общие ожидания базировались на ряде посылок:

- Азиатский капитал ищет новые точки приложения, а потому российские активы и участие в проектах на территории России интересны инвесторам из АТР априори;
- Главными партнерами в Азии должны стать те страны, которые формально не признают западных санкций и не являются союзниками США;
- Китайский рынок потребления сырья будет расти, а потому Пекин заинтересован в стратегических отношениях с поставщиками углеводородов и металлов;
- Страны Юго-Восточной Азии являются технологически отсталыми, а потому Россия может выступать в качестве источника высокотехнологичной продукции;
- Россия способна эффективно использовать создаваемые Китаем многосторонние финансовые институты, прежде всего Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонд Шелкового пути (ФШП) и Новый банк развития БРИКС.

Возникшее на основе этих посылок понимание заключалось в том, что в течение 10—15 лет Россия сможет сбалансировать доли торговли с ЕС и АТР в товарообороте настолько, что дальнейший разрыв торговых отношений с Европой (или даже временное прекращение закупок Западом нефти и газа в России, что маловероятно) не нанесет экономике неприемлемого ущерба. Поток азиатских инвестиций будет замещен поток западных, пусть и в меньшем объеме. Главным партнером России в Азии станет Китай, отношения с которым будут укладываться в ту же формулу, что и отношения с Европой ранее: российское сырье в обмен на кредиты, технологии и инвестиции. Неуклонный рост спроса на энергоресурсы,

металлы и удобрения в Китае создаст мощный стимул для роста российской экономики. В отдельных отраслях Россия сможет наладить с Китаем технологическое сотрудничество и совместно выходить на рынки третьих стран. Основными внешними источниками капитала для российских компаний станут биржи Шанхая и Гонконга, отчасти — Сингапура. Много денег придет в российскую экономику из Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шелкового пути (ФШП). Юго-Восточная Азия превратится в рынок для продукции отечественного машиностроения и инфраструктурных решений.

Как показали прошедшие полтора года, подобное видение изначально не было реалистичным, а потому России нужно переосмысление «азиатского вектора» своей внешнеэкономической стратегии. Главные проблемные моменты, которые предстоит учесть в ходе обретения изначально завышенными ожиданиями большей реалистичности: отношение к западным санкциям со стороны азиатских финансовых институтов и рынков капитала; темпы роста экономики КНР и китайских потребностей в сырье, а также связанное с этим разделение труда в АТР; принципы работы создаваемых Китаем институтов развития; будущая конфигурация режимов свободной торговли в АТР.

Российский оптимизм в отношении Азии базировался на том, что значительная часть стран региона, за исключением Австралии и Японии, формально не признает введенные США и ЕС санкции. В своих выступлениях лидеры КНР неоднократно подчеркивали, что не считают санкции легитимными. Соответственно, российские компании надеялись, что невозможность занять средства на западных рынках долгового капитала для попавших под санкции компаний (а заодно для многих других российских эмитентов, на которых западные инвесторы и регуляторы автоматически распространяют представление о возросших рисках) будет компенсирована, прежде всего, китайскими банками. «Большая четверка» китайских государственных банков входит в «топ-50» глобальных компаний в списке Fortune Global 500 с суммарными активами свыше 11 трлн долл.: ICBC (№18, активы составляют свыше 3,32 трлн долл.), China Construction Bank (№29,

активы составляют почти 2,7 трлн долл.), Agricultural Bank of China (№36, 2,57 трлн долл.), Bank of China (№45, 2,45 трлн долл.).

Однако, несмотря на формальное неучастие КНР в режиме санкций, «большая четверка» фактически вынуждена их соблюдать. Российские госбанкиры начали официально говорить об этом с лета 2015 г.⁵¹, отмечая, что «большинство китайских банков не проводят межбанковские операции с участием российских контрагентов, при этом значительно сократив участие во внешнеторговых сделках». Кроме того, как отметил на Восточном экономическом форуме во Владивостоке 5 сентября 2015 г. первый зампред ВТБ В. Титов, «платежи, которые обычно проходили за три дня, теперь проходят за две недели», партнеры перешли на «ручной комплаенс».

Подобное «странное» поведение китайских госбанков объясняется тем, что они являются частью мировой финансовой системы и работают с долларами через банки-корреспонденты в США, а также имеют отделения и розничный бизнес в Северной Америке и Евросоюзе. Это характерно для всех без исключения банков «большой четверки»: ICBC⁵², China Construction Bank⁵³, Agricultural Bank of China⁵⁴ и Bank of China⁵⁵. К тому же в условиях, когда КНР готовит инфраструктуру для интернационализации юаня, Пекин не собирается резко портить отношения с регуляторами крупнейших финансовых центров, будь то Нью-Йорк, Лондон или Франкфурт.

Позиции юаня в мировой экономике

Фондовый кризис в Китае и девальвация национальной валюты стали основанием для МВФ отложить вопрос о включении ренминби в «корзину» специальных прав заимствований (СДР) до конца сентября 2016 г. Тем не менее, как подчеркивают в самом Фонде, это лишь вопрос времени, необходимого в том числе для стабилизации финансового рынка Поднебесной и новых шагов в укреплении рыночных факторов курсообразования юаня, уже занявшего серьезные позиции в различных сегментах международного экономического оборота.

⁵¹ См. Yuri Soloviev. Unlocking the Potential of Russia. — Asia Cooperation, Finance — Asia, 16 June 2015.

⁵² <http://www.icbc-ltd.com/ICBCLtd/About%20Us/Global%20Websites/default.htm#northamerican>

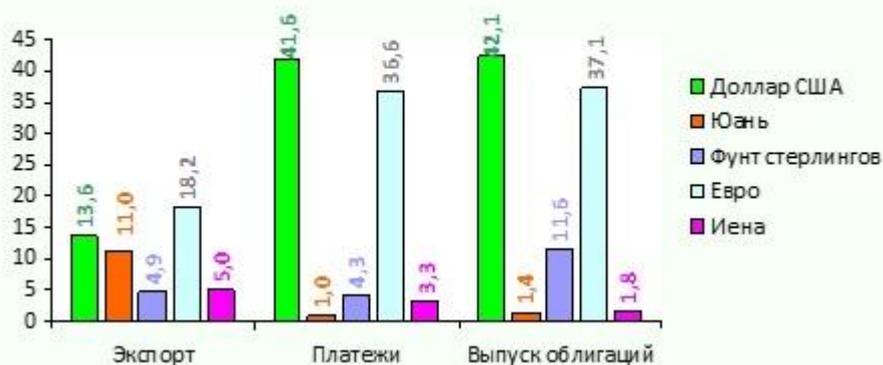
⁵³ <http://www.ccb.com/en/newccbtoday/obandro.html>

⁵⁴ <http://www.abchina.com/en/about-us/about-abc/network/overseas-branches/>

⁵⁵ http://www.boc.cn/en/aboutboc/ab6/200812/t20081216_494259.html

Доля валют по виду операций, %

Доля валют по виду операций, %

Источник: МВФ, БМР, SWIFT

В настоящее время с юанем работают более 10 тыс. финансовых институтов по всему миру (в 2011 г. их было около 900). Народным банком Китая заключено более 20 соглашений о валютных свопах, их общий объем насчитывает около 4 трлн юаней (в том числе с Банком России на 150 млрд юаней сроком на три года). Есть результаты и в продвижении юаня на рынки капитала: с января по август 2015 г. европейские банки выпустили облигаций, номинированных в китайской валюте, на 2,7 млрд долл. (впятеро больше, чем в 2014 г.), в ренминби размещено несколько выпусков суверенных бондов Великобритании и Монголии (о намерениях сделать то же в 2016 г. заявил и российский Минфин).

Растет объем торгов в паре «юань — рубль» на Московской бирже (с 2014 г. в 8 раз до 395 млрд рублей). Пик в 195 млрд рублей (в годовом выражении) пришелся на август 2015 г. (для сравнения: показатели по парам с долларом и евро — 27 трлн рублей и 3,7 трлн рублей соответственно).

Вместе с тем, в торговле России с Китаем с использованием национальных валют есть «подводные камни». Соглашение о валютном свопе наталкивается на несогласованность целого ряда «технических вопросов». Российские компании идут на расчеты в юанях в основном из соображений политкорректности или в рамках долгосрочных контрактов. Экономических преимуществ практически нет. Транзакции, как правило, несколько дороже, чем при использовании традиционных резервных валют. Китай настаивает на расчетах в юанях (к 2020 г. в Поднебесной половину внешнеторговых сделок намерены проводить в нацвалюте). Для расчета в рублях нужен прецедент — в рамках крупного контракта. Но такого опыта пока нет (хотя сам принцип заложен в порядок оплаты поставок газа в рамках «Силы Сибири»).

Последовательная интернационализация юаня с прицелом на превращение его за 8—10 лет в одну из ведущих мировых резервных валют — это

стратегический курс Китая. Поэтому следует ожидать, что он будет избегать конфликтов с финансовыми властями Запада, усиливая при этом продвижение юаня в расчетах не только с Россией, но и на всем евразийском экономическом пространстве. Важно также учитывать то, что волатильность его будет усиливаться по мере приближения к режиму «свободного плавания». Одно из уже различимых оснований — значительный объем внешнего долга китайских нефинансовых корпораций — более 14,5 трлн долл. с тенденцией роста к 2020 г. до 20 трлн долл.

Ограничения на работу с российскими контрагентами выражаются не только в задержках проводок, о чем говорил В. Титов, но и в нежелании банков кредитовать какие-либо проекты в России из-за возможных санкций⁵⁶. Последняя сделка с участием банка «большой четверки» с Россией была подписана в мае 2014-го во время визита В. Путина. С тех пор единственными участниками сделок с российскими контрагентами являются институты развития, аналогичные «Внешэкономбанку»: Государственный банк развития Китая и Экспортно-импортный банк КНР⁵⁷.

Завышенными оказались и ожидания, связанные с азиатскими биржами, в особенности — с биржами КНР. В середине июня 2015 г. суммарная капитализация бирж Шанхая, Шэньчжэня и Гонконга превысила 15,2 трлн долл., причем почти две трети приходились на «пузыри» материковых площадок. Однако спустя год после введения секторальных санкций ни в Гонконге, ни в материковой КНР потенциальные российские эмитенты так и не нашли замены Лондону или Нью-Йорку. Причины на двух площадках разные. В Шанхае и Шэньчжэне главным барьером являются законодательные ограничения, которые до сих пор запрещают листинг иностранных эмитентов. Финансовые власти КНР впервые обещали либерализовать эти правила в 2007 г., а в 2011 г. о планах размещения в Шанхае говорили топ-менеджеры нескольких крупных глобальных корпораций, включая Coca-Cola и Unilever, однако с тех пор процесс

⁵⁶ Какого-то особого тяготения к такого рода займам нет у российского бизнеса. Показательна позиция главы «Лукойла» В. Аликперова: «К сожалению, у нас ни разу не было удачи в переговорах с китайскими банками. Они готовы финансировать либо под покупку нефти, либо под поставку оборудования. Это самые дорогие кредиты в мире. Мы такими кредитами не пользуемся». (См. «Ведомости», 7 сентября 2015.)

⁵⁷ Это очевидно из анализа списка соглашений, подписанных в 2014 г. во время визита премьера КНР Ли Кэцяна в Москву и президента В. Путина в Пекин, а также в 2015 г. во время визитов двух лидеров для участия в парадах Победы 9 мая и 3 сентября.

практически не продвинулся (доля иностранных инвесторов на внутреннем финансовом рынке не превышает 2—3%). Начавшееся же в июне 2015 г. падение фондовых бирж материкового Китая, вызванное надуванием спекулятивного пузыря при попустительстве регуляторов, еще больше остудило интерес российских эмитентов.

Рынок акционерного капитала в Гонконге также оказался не слишком востребованным у российских инвесторов. Помимо более тесных связей Гонконга как финансового центра с мировыми рынками капитала (а значит — с финансовыми властями США и ЕС), в «особом административном районе» у российских эмитентов сложилась крайне негативная репутация из-за опыта IPO «Русала».

Справочно. Изначально многие члены листингового комитета биржи и местный биржевой регулятор, Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (SFC), выступали против размещения, указывая на большой объем долга компании. Лишь после того, как ВЭБ и «Сбербанк» публично заявили о готовности реструктурировать долг «Русала», а ВЭБ выступил одним из якорных инвесторов сделки, SFC дала разрешение на листинг, при этом установив большой минимальный лот для торгов, отрезав розничных инвесторов, и обязав компанию указать высокую рискованность в проспекте эмиссии. Вскоре после IPO акции упали в цене (в первые дни — на 15%) вслед за глобальными ценами на алюминий и не восстанавливались до ноября 2010 г., а затем после короткого периода в начале 2011 г., когда цена акций превысила цену IPO, бумаги «Русала» торговались существенно ниже цены размещения. И хотя динамика вполне отражала конъюнктуру мирового алюминиевого рынка, с учетом не самых впечатляющих результатов вложений, а также заметного участия российского государства в IPO⁵⁸ у гонконгских инвесторов сложилось представление о такого рода бумагах как об активах с повышенным риском.

Негативные результаты попыток найти альтернативу западным рынкам капитала в Гонконге и на площадках материковой КНР, не говоря уже о рынках Сингапура, Токио и Сеула, свидетельствуют о том, что без смягчения санкционного режима заметно увеличить узнаваемость и присутствие

⁵⁸ Помимо участия банков в подписке на акции и реструктуризации долгов, тогдашний глава Гонконга Д. Цанг признавался в интервью «Коммерсанту», что «по-дружески тормошил биржу» по просьбе Д. Медведева: <http://www.kommersant.ru/doc/1495882>

российских бумаг в Азии будет затруднительно. Помочь могли бы взаимные инициативы регуляторов обеих стран. У профучастников есть предложения разработать единый реестр фондового рынка для России и Китая и единых требований к проспектам эмиссий ценных бумаг и рисков по ним; создать двустороннюю систему обмена информации, аналогичную SWIFT, что позволит решить проблему доверия (сейчас банки КНР, как правило, не подтверждают аккредитивы российских без подключения третьей стороны — банков США или Европы — и не открывают юаневые счета российским банкам, которые не входят в «топ-5» по активам). Кроме того, китайским партнерам для работы на фондовом рынке России необходимы системы доступа к биржевой инфраструктуре, аналогичные Clearstream и Euroclear. Значимая проблема — дефицит информации о возможностях российского финансового рынка, способного в принципе выполнять функции международного клирингового хаба для оффшорного юаня. Дальше заявлений о намерениях движения на всех этих направлениях, однако, не наблюдается.

Важной частью российского внешнеэкономического позиционирования в Азии являются ожидания относительно роста спроса на сырье. Основание для этого есть — на азиатские страны приходится треть мирового потребления.

Напомним, что в 2014 г. Россия поставила в АТР 14 млрд кубометров газа из экспортированных 183,3 млрд кубометров и 51 млн тонн нефти из общего объема экспорта в 213,7 млн тонн. К 2035 г., по оценке Минэнерго России, поставки в АТР могут достичь 130 млрд кубометров газа и 110 млн тонн нефти. Планируемые объемы, тем не менее, оказываются ниже спроса на европейских рынках. Основные же риски связаны с переходом экономик азиатских *emerging markets* к новым моделям развития.

Главной «сырьевой» надеждой остается Китай. По данным прогноза ВР по развитию глобальных энергетических рынков до 2035 г., зависимость КНР от импорта нефти и газа будет непрерывно нарастать — до 75% и 40% соответственно при значительном росте объема потребления. Эти прогнозы строятся на допущении о том, что Китаю удастся успешно провести заявленные экономические реформы. Вместо опоры на инвестиции в инфраструктуру через госкомпании и местные правительства основным драйвером роста должно стать внутреннее потребление. Добиться этого

будет непросто. Для того, чтобы снизить норму сбережений и увеличить потребление, властям КНР придется создать систему стимулов, включая всеобщее пенсионное обеспечение. Одновременно властям придется решать проблему внутренних долгов (около 280% ВВП), накопленных местными властями и госкомпаниями в период инфраструктурного бума 1990-х и 2000-х гг.

В октябре 2013 г. на третьем пленуме ЦК Компартии Китая была принята амбициозная программа экономических реформ, подразумевающая повышение роли рынка и конкуренции в организации экономической жизни, а также трансформации государства из собственника в регулятора. По общим оценкам экспертов, реформы идут с заметным отставанием от графика. Задержки связаны со снижающейся эффективностью бюрократии из-за антикоррупционной кампании 2013—2015 гг., чрезмерной централизацией властных полномочий, а также с необходимостью жертвовать долгосрочными приоритетами ради поддержания социальной стабильности в краткосрочном горизонте.

При отсутствии значительного прогресса в сфере реформ Пекин сохраняет возможность поддерживать рост экономики привычными способами — с помощью инфраструктурного строительства и стимулирования экспорта. Многие существующие объекты инфраструктуры не окупают сделанных вложений, но власти КНР могут оказаться вынуждены сохранять такую модель для поддержания занятости. Вполне достижимый в этом случае краткосрочный эффект, однако в долгосрочной перспективе может вести к накоплению системных противоречий. Весьма вероятно, что процесс перенастройки экономики приведет к падению темпа роста доходов, а вслед за ним — и потребления китайского среднего класса. Об этом, например, говорит наблюдаемое падение автопродаж в Китае.

Результаты реализации обоих вариантов развития китайской экономики («рост в результате успешных структурных реформ» и «рост за счет госинвестиций при накоплении противоречий») несут потенциальные риски для России. Прежде всего, при падении темпов роста потребности в сырье могут оказаться меньше прогнозируемых — а вместе с ними и цены, которые падают на новостях из КНР уже сейчас. Во-вторых, при разных вариантах развития возникают потребности в разных видах сырья — если спрос на углеводороды способен расти и при модели, ориентированной на

инфраструктурные инвестиции, и при росте за счет потребления, то спрос на металлы без продолжения инфраструктурного бума может заметно снизиться. По оценкам М. Петиса из Фонда Карнеги за международный мир, главными проигравшими от «экономической перестройки» в Китае и перехода страны к «новой норме» станут как раз экспортеры сырья, а также компании, ориентирующиеся на развитие инфраструктуры.

Наконец, циклы реализации многих проектов на территории России с их привязкой к китайскому рынку могут не совпасть с циклами китайского спроса, предсказуемость которых заметно упала из-за усилившейся волатильности цен. В этих условиях инвесторы будут менее склонны инвестировать в затратные ресурсные проекты на территории России, предполагающие строительство дорогостоящей инфраструктуры, учитывая большое количество уже введенных в строй объектов в Австралии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке. Как было отмечено, в перспективе потребности Китая в том же российском газе снижаются, а значит — сокращается и вероятность вложений в трубопроводные проекты.

В противовес инфраструктурной привязке исключительно к Китаю Россия могла бы сделать ставку на строительство инфраструктурных мощностей, которые бы связали ее сырье с Азиатско-Тихоокеанским рынком. Это дало бы доступ к потребителям не только Китая, но и других развитых и развивающихся рынков стран АТР. Помимо развитых рынков Японии и Южной Кореи, где будет расти спрос на газ как более экологически чистое топливо в свете неясных перспектив развития атомной энергетики в сейсмоопасных зонах, речь идет о странах АСЕАН. Нынешнее восприятие этих стран в России строится на том, что наиболее крупные из десятки государств являются развивающимися странами со сравнительно бедным населением (прежде всего, Индонезия, Малайзия, Вьетнам). Они являются производителями энергоресурсов, а также импортерами технологических решений. Исходя из нынешней ситуации, основа российского подхода — попытки превратить АСЕАН в рынок для продукции российского машиностроения. Кроме того, на АСЕАН редко смотрят как на потенциальный рынок потребления энергоресурсов в условиях, когда многие страны являются экспортерами (максимум, что делают российские компании, это приобретение долей в добывающих активах — вроде приобретения

«Газпромом» блоков на шельфе Вьетнама или работы СП между «Зарубежнефтью» и Petrovietnam).

Между тем, страны Юго-Восточной Азии проходят классическую траекторию развивающихся экономик с большим населением, которую 20—30 лет назад проторили КНР и Индия. До 1994 г. Китай также был экспортером энергоресурсов, а в 1980-е экспорт нефти давал до 20% доходов бюджета. Однако развитие производства и транспорта сделало собственную добычу недостаточной, и сейчас КНР импортирует больше углеводородов, чем добывает. Этот путь уже прошла Индонезия, которая стала нетто-импортером в 2012 г., а к 2030 г. может удовлетворять до 75% потребностей в углеводородах за счет закупок за рубежом. С учетом переноса в ЮВА производств, в которых критически важную роль играет дешевая рабочая сила, а также роста среднего класса и его потребления, нет оснований предполагать, что ситуация будет развиваться как-то иначе. То же самое справедливо в отношении Индии, куда уже начался перенос ряда производственных мощностей из других стран — например, решение о создании производственной площадки в стране приняла тайваньская Foxconn, сборщик продукции Apple⁵⁹.

Поэтому для России все настоятельнее становится целесообразность строительства инфраструктуры для экспорта сырья, связывающей сибирские недра не только с Китаем, но со всем АТР. При желании Китай сможет покупать нефть, газ, металлы и другое сырье на открытом рынке, но при этом не будет в положении монопольного импортера ресурсов на другом конце трубы, вольного диктовать условия. В том, что Китай может вести себя подобным образом, российские компании уже убедились в 2011 г. во время ценового спора «Роснефти» и «Транснефти» с CNPC относительно ставки тарифа ВСТО для трубопровода Сковородино-Мохэ. Из-за скидки, на которую пришлось согласиться, госкомпании потеряли 3,5 млрд долл. на всем сроке действия контракта.

⁵⁹ <http://www.forbes.com/sites/saritharai/2015/08/10/foxconn-could-make-india-its-next-manufacturing-base-after-china-investments-suggest/>

Большого реализма требуют ожидания притока инвестиционных ресурсов из Китая⁶⁰. За прошедший год российское правительство предприняло значительные усилия для того, чтобы подключиться к трем выдвинутым КНР инициативам по созданию институтов и проектов развития. Первый из них — недавно созданный Новый банк развития БРИКС. Второй — АБИИ, учредительные документы которого были подписаны в мае 2015 г. Наконец, третий, самый масштабный проект — инициатива «Один пояс — Один путь», состоящая из наземного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века».

Между тем правила инвестирования средств в рамках Нового банка развития БРИКС и АБИИ пока не определены: их еще только предстоит выработать, причем важную роль будет играть топ-менеджмент. В разрабатываемых уставных документах АБИИ указывается, что банк намерен использовать лучшие практики существующих институтов развития — Всемирного банка, Азиатского банка развития или Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Таким образом, к требованиям к качеству проектов придется «подтягивать» многие из российских предложений. Очевидная выгода для России — это отсутствие «политического контроля» со стороны Запада, когда деятельность институтов развития может быть «приостановлена», как это произошло с программами ЕБРР в России. В любом случае становление Нового банка развития и АБИИ потребует времени, объемы первоначально инвестируемых средств вряд ли будут большими, так что позитивный эффект для России может быть получен лишь в среднесрочной перспективе⁶¹.

Проект ЭПШП выглядит более привлекательным. Его идеология была сформулирована в сентябре 2013 г. в выступлении Си Цзиньпина в

⁶⁰ Объем накопленных прямых инвестиций Китая в российскую экономику составляет в настоящее время около 5 млрд долл. (с учетом вложений, проведенных через компании третьих стран, по оценкам китайских экспертов, — 30 млрд долл.). Российские инвестиции в КНР насчитывают немногим более 800 млн долл.

⁶¹ Вместе с тем, следует иметь в виду, что в Азии разворачивается инфраструктурная гонка. В мае 2015 г. японский премьер Синдзо Абэ заявил: Япония намерена составить конкуренцию Китаю с его инфраструктурными инициативами и вложить в соответствующие проекты в странах региона 110 млрд долл. (в том числе не менее половины через Азиатский банк развития). У российских компаний, готовых к участию в такого рода проектах, появляется еще одно «окно возможностей».

Назарабев-Университете. Председатель КНР выразил стремление и готовность к укреплению долгосрочных логистических, инвестиционных, торговых и культурных связей между Китаем и всеми странами, которые захотят участвовать в ЭПШП. Проект уже подкреплен финансированием — создан ФШП с капиталом в 40 млрд долл., китайские госбанки заявляют о намерении выделять кредитные линии до 1 трлн долл. на горизонте до 2020 г. 8 мая 2015 г. президент России и председатель КНР подписали совместное заявление о сопряжении ЭПШП с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)⁶². Несмотря на декларативный характер документа, ожидания российской стороны довольно велики, о чем говорит, например, доклад международного клуба «Валдай». Москва рассчитывает на то, что китайская сторона будет инвестировать в развитие транспортной инфраструктуры, связывающей Восточную Азию с ЕС (одно из заявленных направлений ЭПШП), а также в развитие производств на территории России.

Впрочем, рамочное заявление еще предстоит наполнить конкретными проектами, причем подход китайской стороны заключается в том, чтобы устанавливать условия для каждого проекта отдельно — как на нормальных коммерческих переговорах. Первые совместные шаги мало проясняют, насколько такие проекты будут иметь льготные для России условия. 3 сентября в ходе визита В. Путина в Пекин были подписаны первые меморандумы о сотрудничестве в рамках сопряжения ЭПШП с ЕАЭС. Однако рамочное соглашение между ОАО РЖД и Китайскими железными дорогами пока не имеет конкретики, соглашение между En+ и Huawei о строительстве дата-центров в Иркутской области существовало до заявления 8 мая и было привязано к нему символически, а меморандуму между «Росавтодором» и Банком развития Китая по строительству автодороги из Западного Казахстана в Европу через Россию еще предстоит «обрасти» согласованием технических деталей и экономических условий. Готовым выглядит лишь соглашение о покупке ФШП 9,9% доли в «Ямал СПГ», хотя и тут цена станет известна окончательно лишь после закрытия сделки. Во всех случаях ФШП действует пока как еще одна управляющая компания, готовая скупать представляющие интерес (в том числе проблемные) активы, не

⁶² <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

рискуя столкнуться с санкциями. По сути это «клон» Банка развития Китая и Экспортно-импортного банка КНР.

Нероссийский опыт использования китайских средств в рамках проекта ЭПШП пока сложно назвать очень убедительным. Первым вложением ФШП стал кредит на строительство гидроэлектростанции в пакистанском Кароте, где ФШП будет соинвестировать вместе с двумя «политическими» банками КНР. Условия до конца не раскрываются, но известно, что станция будет 30 лет управляться представителями китайской компании «Три ущелья»⁶³.

Не отказываясь от сотрудничества с китайскими институтами развития, стоит учесть, что они созданы прежде всего для решения проблем самого Китая, поэтому получение выгодных условий финансирования и определение устраивающих Россию правил игры потребует тщательной подготовки проектов.

Выработка экономической стратегии России в АТР происходит практически без учета переговоров о создании многосторонних режимов свободной торговли — Транстихоокеанского партнерства (ТТП), продвигаемого США, и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), за которым стоит Китай. (См. подробнее Главу 2)

Формально Россия не выражала желания присоединиться ни к одному из переговорных процессов. В переговоры по ТТП ее не звали, а для участия в переговорах по ВРЭП необходимо иметь зону свободной торговли с АСЕАН, которой у России пока нет⁶⁴. К тому же все шаги в этом направлении должны быть поддержаны коллективной позицией партнеров по ЕАЭС, поскольку присоединение Российской Федерации к любым торговым объединениям будет влиять и на их рынки.

Вырванный из общего контекста поиска Россией новых места и роли в глобальной экономике, азиатский вектор внешнеэкономической стратегии в

⁶³ http://news.xinhuanet.com/english/2015-04/21/c_134167533.htm

⁶⁴ О потенциале стран АСЕАН напоминают их доли в глобальном ВВП (5,9% по ППС в 2014 г.) и в мировом объеме инвестиций (6,5%). В 2005—2015 гг. торговый оборот стран-членов АСЕАН с Россией вырос в 5 раз до 21,4 млрд долл. Россия предложила партнерам 57 инвестиционных проектов. В 2012 г. принята Дорожная карта торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России и АСЕАН, однако работа в ее рамках сводится в основном к информационным мероприятиям (по поводу тарифного и нетарифного регулирования, инвестиционных возможностей сторон, а также обмена опытом лучших деловых практик в различных сферах).

нынешних условиях не будет отличаться большой эффективностью. Поворачиваясь к Азии, Россия вынуждена обустриваться во все том же целостном экономическом мире. Тем не менее, на собственно восточном треке остаются незадействованными немалые резервы.

* * *

В условиях падения российской экономики, вызванного возникшим в 2013—2014 гг. сочетанием негативных факторов (отсутствие структурных реформ, снижение цен на сырье, санкции), руководство России пытается укреплять связи с азиатскими государствами. «Поворот к Азии» должен не только помочь развитию российского Дальнего Востока, но и компенсировать потери от сворачивания сотрудничества с ЕС, США и их союзниками.

В целом появление осмысленной внешнеэкономической стратегии в Восточной Азии будет для России движением в верном направлении — рост этого региона способен быть драйвером для российской экономики в целом. Азиатские возможности России не исчерпываются доступом к новым рынкам для экспорта сырья — страны АТР могут также стать источником капитала и технологий.

Между тем в нынешних условиях достраивание «азиатского вектора» российской внешнеэкономической стратегии сопряжено со значительными трудностями и не заменит в среднесрочной перспективе связи с Западом. Развитие связей с государствами Азии и работа с региональными инвесторами происходит с запозданием и в крайне неблагоприятных внешних условиях. Специфические проблемы, над преодолением которых предстоит задуматься для успешной интеграции в АТР, заключаются в четырех вызовах: уход от ориентации исключительно на Китай, снижение негативного влияния санкций, наращивание знаний о России среди азиатских инвесторов, а также экспертизы в России по АТР (включая государство, бизнес и гражданское общество). Разумеется, необходимым условием успеха будет проведение структурных реформ и радикальное улучшение инвестиционного климата.

III.3 Перспективы евразийского интеграционного проекта

Россия как крупная мировая держава с богатым историческим и политическим прошлым и настоящим не расположена к тому, чтобы примкнуть к Западу или Востоку на положении младшего партнера. В то же время, чтобы претендовать на равноправие в глобальной системе, России недостаточно пытаться встроиться в нее в одиночку. Экономические и политические стимулы интеграции на постсоветском пространстве очевидны и хорошо описаны. В этом смысле в евразийском интеграционном проекте нет ничего искусственного. Он крайне важен как для обеспечения национальной безопасности, так и для расширения рынков сбыта, рабочей силы и инвестиций.

Опыт постсоветской истории показывает, что самостоятельного «эндогенного» подъема в глобальной политике и экономике на базе традиционной ойкумены, доставшейся нам от Российской империи и СССР, не предвидится. Тем не менее Евразийский экономический союз (ЕАЭС), состоящий на данный момент из России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии, представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью и учреждена соответствующим договором. Россия здесь — безусловный лидер. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проведение скоординированной политики в отраслях экономики. Трудностей в реализации немало, но другой платформы с делегированием ряда суверенных полномочий у Москвы нет.

Создание Евразийского экономического союза стало, безусловно, наиболее серьезным событием в истории совместных действий государств «постсоветского пространства» в экономической области. Возникла действующая модель совместного развития пяти государств, в которой каждое из них решает как общие, так и специфические для себя задачи.

Россия долго искала (СНГ, ранние версии таможенного союза ЕврАзЭС) жизнеспособный вариант экономической реинтеграции на пространстве бывшего

СССР, который был бы интересен для партнеров и обеспечивал долгосрочную стабильность взаимодействия с ними. Эта задача имела для страны первостепенное, стратегическое значение с точки зрения создания надежного пояса «соседства» не только в дополнение к военно-политическому партнерству в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), но и с учетом фактора экономической экспансии Китая в Евразии (недавно закреплённой в концепции «Экономического пояса Шелкового пути»), важности бесперебойного западного транзита через Белоруссию и закрепления всего комплекса интересов России на Черном море (военно-морская база в Севастополе, коммерческие порты, транзит).

Решать эту задачу пришлось в крайне неблагоприятных условиях, поскольку страна, недостаточно преуспев в создании современной экономики, привлекательной для партнеров и способной генерировать экономический рост вне зависимости от конъюнктуры сырьевых рынков, не могла позволить себе в одиночку субсидировать интеграционный процесс по схеме «ведущий — ведомые». Действовать пришлось по принципиально иной схеме, фиксируя максимально прозрачные взаимные обязательства по ограниченному кругу вопросов, не выходя при этом за пределы чисто экономической тематики.

Привлекательность такой конструкции для остальных участников объединения состояла прежде всего в обеспечении максимально упрощенного доступа на российский рынок, емкость которого возрастала. Смежной задачей стала защита общего рынка и стимулирование экспорта торгово-политическими средствами⁶⁵. Именно поэтому наибольшая часть «жестких», прямого действия обязательств в рамках ЕАЭС находится в области торговли товарами и обслуживающих эту торговлю регулятивных норм, таких как инструменты торговой политики, таможенное, техническое, ветеринарное и фитосанитарное, антимонопольное регулирование.

Вместе с тем, страны-участницы оказались не готовы в той же мере интегрировать свои системы регулирования финансового рынка, транспортной и электроэнергетической инфраструктуры, промышленную и аграрную политику, торговлю услугами, где обязательства носят более мягкий и отложенный характер.

⁶⁵ Следует отметить, что в процессе создания ЕАЭС Россия понесла одну потерю, масштаб и негативные последствия которой до конца трудно оценить. Речь идет о том, что участником пояса «соседства» не стала Украина, и о том, в какой форме это произошло. Последствия данной потери являются главной угрозой не только успешной работе, но и самому существованию ЕАЭС. В настоящее время они проявляются прежде всего через негативные для российской экономики эффекты санкций, через введение Россией (без участия других членов ЕАЭС) ответных торговых санкций в отношении этих стран, а также отмену Россией (также в одностороннем порядке и под воздействием ситуации вокруг Украины) бесполошлинного режима ввоза товаров из Грузии и Молдавии в качестве защитной меры после создания этими странами, имеющими с Россией соглашения о свободной торговле, также и зоны свободной торговли с Евросоюзом.

При принятии этих и других решений Россия не имела никаких правовых преимуществ, на которые могла бы претендовать исходя из очевидных различий в «весовых категориях». Каждое из государств-членов союза обладает правом вето на принятие любого решения, а процедура выхода из него не носит обременительный характер. В этом ограниченном наборе компетенций союза и равных правах участников также состояла привлекательность ЕАЭС для партнеров России. Со своей стороны, Россия смогла избежать принятия обязательств по двум наиболее чувствительным для себя вопросам: доступ к природному газу, нефти и нефтепродуктам по «внутренним ценам» и к их передаче по российским транспортным системам (отложено до 2024—2025 гг.), а также доступ к российским финансовым ресурсам через создание финансовых институтов союза. Оба этих вопроса, как и прежде, решаются Россией и ее партнерами в двустороннем порядке.

Казахстан поддержал проект создания максимально дистанцированного от политики союза не только из расчета на емкий российский рынок и рост транзита с Китаем, но и из мировоззренческих соображений. Не будет преувеличением сказать, что без твердой политической поддержки этого проекта президентом Казахстана Н. Назарбаевым настоящее и будущее ЕАЭС было бы туманно.

В системе взглядов казахстанского лидера его страна должна стать главной региональной державой Центральной Азии, однако не за счет реализации самостоятельного пути развития (как Узбекистан в глазах его руководства), а осуществляя роль «системного интегратора» на разных азимутах, но с сохранением сильного суверенитета. Поэтому Казахстан — основной сторонник снятия всех торговых барьеров внутри союза и крайне болезненно воспринимает затруднения в этой части, он же — главный блюститель «непревышения полномочий» органами союза в рамках их компетенции, нерасширения ее без крайней необходимости.

По этой же причине Казахстан — наименее предсказуемый участник интеграционного процесса. Он предпринял все усилия для получения членства в ВТО, добившись для себя от России согласия на более либеральные обязательства по ставкам импортных пошлин, которые потребуют многочисленных (порядка 3500) изъятий для Казахстана из Единого таможенного тарифа ЕАЭС. Следующий шаг Казахстана — заключение нового базового соглашения с ЕС, которое подготовит почву для перехода, при появлении такой возможности, к режиму свободной торговли с Евросоюзом. Готовность Казахстана к реализации альтернативных сценариев интеграционного развития подкрепляется его

финансовой независимостью, основанной на достаточно развитом сырьевом секторе и открытости для западных инвестиций⁶⁶.

Киргизия, небольшая центральноазиатская страна, ВВП которой сравним по объему с доходами от перевода средств трудовыми мигрантами, имеет, с поправкой на масштаб, те же интересы в евразийской интеграции, что и Казахстан (рынок для товаров и транзит с Китаем — в основном из Китая в Казахстан). Кроме того, Киргизия рассматривает членство в ЕАЭС как важную гарантию сохранения максимально благоприятного режима для занятости своего населения в России. Ясно, что в двустороннем плане лояльность Киргизии в отношении России поддерживается финансовыми инструментами и обязательствами Москвы в рамках военного союзничества.

При этом Киргизия остается в сфере особого внимания США (несмотря на завершение в 2014 г. работы центра транзитных перевозок ВВС США в аэропорту Манас и недавнюю денонсацию Киргизией двустороннего соглашения о сотрудничестве по упрощению оказания содействия 1993 г.). Учитывая плюрализм политической жизни Киргизии, «фактор США», даже если он прямо не используется киргизскими властями в диалоге с Россией, продолжает оставаться стимулом для предоставления Киргизии особых преференций⁶⁷.

Все же суммарный эффект от участия Киргизии в ЕАЭС с точки зрения выравнивания условий для хозяйственной деятельности в регионе Центральной Азии позитивен. Экономика страны получает явные стимулы к развитию, а укрепление при участии других стран-членов союза регулирующих институтов постепенно позволит обратить соседство страны с могущественным Китаем из фактора риска в фактор стабильности и содействия экономическому росту. В случае успешной интеграции Киргизии в ЕАЭС значительно возрастут побудительные мотивы следовать тем же курсом для соседнего **Таджикистана**.

Мотивы **Армении** в ее евразийском выборе имеют как черты сходства с киргизскими, так и свои особенности. Несомненно, очень важную роль в выборе Еревана сыграла уязвимость Армении перед лицом Азербайджана и поддерживающей его Турции в конфликте вокруг Нагорного Карабаха. Однако в

⁶⁶ Характерно, что, выступая в Женеве 27 июля 2015 г. в момент подписания документов о присоединении Казахстана к ВТО, Н. Назарбаев сосредоточился на новых возможностях для западных инвестиций и ни разу не упомянул евразийский интеграционный проект.

⁶⁷ Присоединение Киргизии к ЕАЭС будет сопровождаться отменой таможенного, ветеринарного и фитосанитарного контроля на киргизско-казахстанской границе, несмотря на большие риски проникновения на таможенную территорию союза «серого импорта» из Китая, а также небезопасной продукции животноводства из самой Киргизии. При этом более чем по 160 товарным позициям (в основном медицинского назначения, по сельхозтехнике, легковым и грузовым автомобилям) вплоть до 2020 г. для Киргизии сохраняются изъятия из ЕТТ (в виде главным образом нулевых и в некоторых случаях 10-процентных ставок ввозных пошлин).

отличие от Киргизии, отказ которой от интеграции в ЕАЭС принес бы стране больше проблем, чем преимуществ, Армения имеет подготовленный плацдарм для альтернативной интеграции — в структуру соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Вряд ли возможно полностью исключить, что страна может этим при определенных обстоятельствах воспользоваться. Как и Киргизия, Армения получает существенные финансовые преференции от России в двустороннем порядке, а ее участие в таможенном союзе сопровождается рядом изъятий из Единого таможенного тарифа (по ставке, как правило, 10%, реже 0%), которые имеют значительно более широкий охват, чем киргизские. Достаточно сказать, что по числу товарных позиций их 800 — примерно в пять раз больше. Вместе с тем, переток товаров, подпадающих под изъятия, в другие страны ЕАЭС, в большей степени контролируем, поскольку перемещаемые из Армении на остальную таможенную территорию союза грузы всегда подпадают под таможенный контроль из-за отсутствия общей границы.

Другой европейский участник евразийского интеграционного проекта — **Белоруссия** — имеет особые отношения с Россией, как формальные, в рамках Союзного государства двух стран, так и неформальные, через устоявшиеся преференциальные инструменты: беспошлинные поставки нефти, поставки газа по внутрироссийским ценам, кредитование белорусской экономики на благоприятных условиях, беспрепятственный доступ белорусских товаров и услуг на российский рынок. Белоруссия, пожалуй, больше других заинтересована в максимальной интеграции с Россией, поскольку при существующей модели экономики, основанной на директивном управлении крупными государственными концернами, не в состоянии генерировать модернизацию и достаточный рост с опорой на собственные силы.

Смена экономического курса и переориентация на Евросоюз для Белоруссии, участника «Восточного партнерства, возможна», однако крайне рискованна. Белорусские власти понимают и всю степень заинтересованности России в сохранении статус-кво. Для России, особенно после украинских событий, Белоруссия остается единственным союзником на западном направлении, обеспечивающим как военно-стратегическое партнерство, так и бесперебойный транзит с Центральной и Западной Европой.

Основное содержание интеграционного процесса в Евразии пока находится в области торговли товарами (внутренней и внешней) с проведением подготовительных мероприятий в других сферах интеграции в течение переходного периода от 5 до 10 лет. Вместе с тем, значимых результатов Евразийский экономический союз должен достичь как раз в

ближайшие три—пять лет, поскольку очевидно, что именно в течение этого периода времени в основном сформируется новый экономический порядок в Европе и в мире. Отсюда простой вывод — рассчитывать на весомые итоги работы Евразийского экономического союза на среднесрочном горизонте можно только в сфере торговли, от этого зависит его будущее.

На сегодняшний день картина взаимной зависимости в торговле имеет неоднозначный характер⁶⁸. На внутрисоюзную торговлю из общего объема экспорта приходится в России 7,4%, в Белоруссии 38%, в Казахстане 9,5%, в Армении 38%, в Киргизии 22%.

Таким образом, ни для одной из стран союза зависимость в целом от экспорта в другие страны-члены ЕАЭС не носит критического характера. Однако для трех стран она велика и ее замещение было бы достаточно болезненным. Это Белоруссия (от России), Армения (от России и Белоруссии) и Киргизия (от Казахстана и через последующие перетоки от России). Особая ситуация у Казахстана. С одной стороны, в ЕАЭС (в Россию) идет лишь десятая часть казахстанских товаров. С другой — экспорт в третьи страны испытывает большие трудности. Девальвация тенге дала лишь временную передышку.

В целом никакой существенной переориентации товаров стран-членов ЕАЭС на внутренний рынок союза, за исключением первых двух лет существования таможенного союза (2010—2011 гг.), не произошло. Сейчас, когда экстенсивный интеграционный эффект исчерпан, кризисные явления значительно снижают покупательную способность импортеров, а значимых изменений в структурах экономик стран-членов не происходит, оснований для роста взаимной торговли стран-членов ЕАЭС не видно. Таким образом, ключевое позитивное ожидание от создания ЕАЭС пока не оправдывается, и это явный риск для евразийского проекта.

Изменить положение дел может в этих условиях вложение государственных или привлеченных средств (например, государственных или частных средств третьих стран — партнеров по торгово-экономическим

⁶⁸ Здесь и далее статистика по Российской Федерации, Республике Армения, Республике Беларусь и Республике Казахстан рассчитана по данным официального портала Евразийского экономического союза www.eurasiancommission.org.

соглашениям) в кооперационные проекты, представляющие интерес для двух или более стран-членов союза. Крайне необходимы и развязки в валютно-финансовой области, поскольку говорить о равных условиях конкуренции и поощрении торговли в национальных валютах⁶⁹ в условиях волатильности валютных курсов трудно. Однако в обоих случаях нужны смелые политические решения — о совместном финансировании, кредитной и страховой поддержке кооперационных проектов, о координации политики в области валютного курса. Эти решения не предусмотрены Договором о создании ЕАЭС, они должны стать предметом новых самостоятельных переговоров. Однако и в случае принятия на этом направлении безотлагательных совместных мер, очевидно, что рассчитывать на быстрый результат в плане роста взаимной торговли не придется — для этого потребуются годы.

Другой очевидный риск для ЕАЭС, вызывающий эрозию фундаментального принципа его существования — единства таможенной территории и общего внешнего тарифа — это изъятия из общих обязательств для отдельных стран-членов. Выше уже отмечалось, что они есть у Казахстана, Киргизии и Армении, отражая их специфические тарифные обязательства в ВТО⁷⁰. Они также есть у России в виде запрета на ввоз большинства товаров продовольственной группы из стран, применяющих антироссийские санкции, и применения ставок РНБ в отношении товаров происхождения из Грузии и Молдавии (другие страны-члены ЕАЭС применяют в отношении этих двух государств режим свободной торговли). Применение этих многочисленных изъятий слабо администрируется, нарушает условия конкуренции на единой таможенной территории и приводит к снижению взаимной торговли. При этом импортные товары получают дополнительные преимущества по сравнению с товарами соседних стран-членов ЕАЭС и вытесняют их с рынков, либо (в случае российских контрсанкций) вызывают стремление российских регуляторов пресекать неправомерный переток в Россию

⁶⁹ В настоящее время 50% платежного оборота между странами ЕАЭС приходится на доллар США и евро.

⁷⁰ Устранение тарифных изъятий Киргизии и Армении произойдет только в 2019—2022 гг. Казахстанские изъятия сохранятся еще на больший срок.

запрещенных товаров методами, затрудняющими перемещение аналогичных товаров в другие страны-члены ЕАЭС.

Еще один вопрос, который содержит как большие возможности для объединения потенциала стран-членов ЕАЭС, так и потенциал расшатывания инструментов союза — это заключение международных договоров с третьими странами. В условиях, когда нет оснований рассчитывать на значительный рост внутренней торговли, а достаточно либеральные условия импорта будут «выдавливаться» товары стран-членов с их общего рынка, это по существу единственный доступный союзу инструмент продвижения экспорта, который может реально содействовать экономическому росту и тем самым продемонстрировать успех евразийского проекта. Однако, как показал опыт переговоров с Вьетнамом, а также характер обсуждения в Евразийской экономической комиссии основных направлений международной деятельности союза, эта работа сталкивается с принципиальными сложностями.

Главное препятствие эффективному ведению переговоров и затем получению реальных преимуществ от достигнутых договоренностей состоит в пассивности самого бизнеса. Внешнеторговые проекты осуществляются от наработанных старых связей, как реакция на активность импортеров, но не как результат продуманных, подкрепленных профессиональными исследованиями рынков экспортных стратегий бизнеса. Ответ деловых кругов на запрос ЕЭК сформулировать свои потребности, дать своего рода директивы на переговоры носит, как правило, общий характер, не указывает на конкретные задачи, которые необходимо решить, и в итоге часто сводится к пожеланию получить приоритетный доступ к госзакупкам в стране партнера и не открывать собственный рынок. На таком уровне вовлеченности основных заинтересованных лиц вести современные торговые переговоры нельзя. Отсутствие на переговорах внятно выраженной наступательной повестки дня выхолащивает содержание соглашения, превращает его при всем искусстве переговорщиков из инструмента продвижения экспорта в средство защиты от импорта. Самоорганизация бизнес-сообщества, если оно хочет получить адресную поддержку своих торговых интересов, должна быть поставлена на принципиально другой уровень. Этому должны способствовать как государственные институты

стран-членов в области внешнеэкономических связей (министерства экономики, агентства страховой и кредитной поддержки экспорта), так и многочисленные общественные институты (торговые палаты, отраслевые ассоциации и союзы)⁷¹.

Другая проявившаяся особенность переговорного процесса состоит в нежелании стран-членов включать в соглашение положения по торговле услугами и инвестициям. В соглашении с Вьетнамом на это решилась пойти только Россия. В результате значительно страдает синергетический эффект соглашения, оно уже не может в той же степени содействовать формированию и функционированию трансграничных производственно-сбытовых цепей, в которых неразрывно переплетаются все виды экономической деятельности.

Наконец, еще одним обстоятельством, которое может потенциально подорвать единство торговой политики союза, является стремление сторон самостоятельно вести торговые переговоры с третьими странами. Здесь в первую очередь речь идет об отношениях стран-членов ЕАЭС со своим крупнейшим торговым партнером — Европейским союзом.

Государства-участники ЕАЭС договорились координировать между собой свои переговорные треки с ЕС. При этом имеют значение два фактора. Во-первых, подписанные в свое время государствами-участниками (Россия, Казахстан, Армения, Киргизия) соглашения с Евросоюзом о партнерстве и сотрудничестве устарели, поскольку их основная задача — определить торговый режим в условиях неучастия этих стран в ВТО, потеряла актуальность. Нужны новые базовые соглашения (НБС), которые путем регулятивного сотрудничества и формирования отраслевых диалогов подготовили бы почву для переговоров по полномасштабному современному преференциальному соглашению. Во-вторых, каждая из названных стран наряду с общими решает в отношениях с Евросоюзом свои специфические задачи, имея свою историю переговоров с ЕС (Армения, например, прошла

⁷¹ Проблема носит системный характер и становится все острее в контексте намерений о переговорах по созданию зон свободной торговли с ЕАЭС, заявленных более чем 40 странами и международными организациями.

весь путь по соглашению об ассоциации, Киргизия не начинала переговоров по НБС, соглашение о партнерстве Белоруссии и ЕС не вступило в силу).

Приостановка по политическим причинам переговоров между Москвой и Брюсселем создает принципиально новую ситуацию. Казахстан оказывается единственной страной, которая близка к заключению НБС. Учитывая, что регулятивные нормы проекта соглашения носят во многом рамочный характер, его практическое применение может и скорее всего будет создавать в двусторонних отношениях между Астаной и Брюсселем более благоприятные условия, чем те, которые существуют у ЕС с другими странами-членами ЕАЭС. Это по понятным причинам станет новым сильным фактором риска дезинтеграции союза.

Из сказанного понятно, насколько важно установление прямого канала взаимодействия между институтами Евразийского экономического союза и Европейского союза. Речь надо вести о переговорах по соглашению, причем не менее амбициозному чем с КНР. Это возможность поддержания стратегического равновесия не только для всей Евразии, но и для трансатлантических отношений. В реализации такой формулы, где политически некомфортный российский образ приобретает деполитизированный вид в конструкции Евразийского экономического союза, Брюссель заинтересован, как представляется, не меньше Москвы.

Здесь мы подходим к основному вопросу, от которого будет зависеть будущее интеграции. Помимо свободного перемещения товаров и услуг, ликвидации нетарифных барьеров, создания к 2022 г. финансового мегарегулятора, единого электроэнергетического и нефтегазового сектора, ЕАЭС поставил перед собой задачу реальной макроэкономической и валютно-финансовой координации. На практике это означает централизованное управление денежной и налоговой политикой и создание единого эмиссионного центра. В Договор ЕАЭС заложены три основных показателя, которые должны строго соблюдаться всеми пятью государствами-участниками: отношение госдолга к ВВП, уровень инфляции и дефицит бюджета. Наднациональный контроль за соблюдением этих показателей, будь он реализован на практике, означал бы десоверенизацию полномочий правительств и парламентов этих стран, сравнимую с той,

которая осуществлена в Европейском союзе. Исходя из того веса, который занимает в ЕАЭС Россия, по факту это означает делегирование данных полномочий Москве. Недаром в июне 2012 г. на заседании глав правительств «тройки» Д. Медведев обмолвился о введении в перспективе рубля как единой валюты интеграционного объединения.

Такого масштаба десоверенизация не устроит ни Н. Назарбаева, ни А. Лукашенко. Вспомним, что двадцатилетние споры о создании единого экономического центра в казалось бы едином государственном объединении Белоруссии и России закончились ничем. Тяжелый удар этой стороне интеграционного процесса нанес украинский кризис. Белоруссия и Казахстан не поддержали Россию, в лучшем случае вызвавшись быть «честными брокерами», но отнюдь не союзниками.

Если в случае европейской интеграции личными позициями лидеров можно пренебречь, так как работают институциональные и ценностные основания интеграции, то в условиях большинства постсоветских режимов любая смена лидеров или их позиций может привести к окончанию проекта. Но даже нынешние руководители интеграционного ядра, ситуативно заинтересованные быть вместе, демонстрируют совершенно разнонаправленную мотивацию и преследуют иногда противоположные цели.

Казахстан сделал ставку на всемерное развитие топливно-энергетического комплекса. Добиться этого можно только с массивным привлечением иностранного капитала и передовых технологий, доступных лишь на «Большом Западе» (включая Японию, Южную Корею, Сингапур, Австралию и т. д.). Компании этих стран обеспечивают 60,2% добычи нефти и 53,2% урана в Казахстане. Иностранные инвестиции в реальный сектор его экономики составляют 65% ВВП. Присоединение к антисанкционной политике России было бы для казахской экономики самоубийственным. В планах Казахстана, оформленных в «пяtilетке Назарбаева», привлечение не менее десятка крупных транснациональных корпораций для реиндустриализации страны. Страна добивается поголовного обучения школьников и студентов английскому языку, переходит на европейские образовательные и профессиональные стандарты. Для реформирования системы высшего образования наняты ведущие европейские и американские специалисты.

Создание в Астане международного финансового центра предусматривает независимую администрацию, судебные органы на принципах британского права с английским языком как рабочим. Это логично, так как 20% накопленных в Казахстане иностранных инвестиций приходится на США, 5% — на страны Евросоюза. Казахстан в одностороннем порядке открыл безвизовый въезд гражданам этих стран. Можно с уверенностью утверждать, что наш южный сосед сделал ставку на интеграцию в глобальную экономику, а не на самобытный евразийский путь. Это будет приходиться в неизбежное противоречие с нынешней российской линией. Будущее покажет, какая из тенденций окажется более прочной.

На фоне грандиозных сдвигов в глобальных интеграционных и торгово-экономических процессах развитие ЕАЭС представляется отстающим от них. Нельзя не согласиться с отечественными экспертами, констатирующими, что Евразийский экономический союз сегодня с его ВВП в 2,2 трлн долл., составляющим 3,2% от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок, и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения видится активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном. Является ли биполярная конструкция «Евросоюз — Китай» достаточно равновесной, чтобы сбалансировать интересы всех вовлеченных в нее игроков? Вряд ли, и не только потому, что на ЕСовском направлении прогресс затруднен в силу самого серьезного за постсоветский период кризиса в отношениях России и Запада. Для того, чтобы Европа, несмотря на этот кризис, начала движение в сторону Евразийского экономического союза, она должна получить недвусмысленные аргументы в пользу того, что ей это выгодно, а обратное движение не выгодно совсем.

Что может служить такими аргументами? Только одно. Успех евразийского проекта на неевропейском направлении, создающий новую реальность — Россия отвернулась, Россия уходит.

Пока поворот в Азию заметен больше на словах. Да, с КНР активно обсуждается участие ЕАЭС в строительстве «Экономического пояса Шелкового пути». Но про избыточный «китаецентризм» уже подробно говорилось в предыдущей главе. Отношения с КНР должны стать лишь

частью, пусть и важнейшей, значительно более разветвленной конструкции отношений ЕАЭС с Большой Азией. Опорная идея, которая позволила бы такой конструкции существовать, уже подарена китайскими партнерами — это стягивающие Евразию логистические маршруты. Которых сейчас нет, как нет и многообразной инфраструктуры поддержки (связь, энергетика, социальная сфера, промышленные кластеры вдоль трасс, упрощенные системы пересечения границ, таможенного оформления и обеспечения безопасности). По этой системе жизнеобеспечения должны пойти поставки расширяющейся гаммы продукции — от потребительских товаров и продовольствия для конечного потребителя до компонентов и готовых изделий, обслуживающих инвестиционный спрос.

Евразийский экономический союз уже приступил к созданию стратегии своих внешних связей, которая позволила бы определить последовательность действий. Выход на Юго-Восточную Азию планируется через зону свободной торговли с Вьетнамом, строительство логистики потребует участия Китая, Индии и Ирана, свободная торговля с Восточным Средиземноморьем будет обеспечена через параллельные ЗСТ с Египтом и Израилем. Необходимым звеном в этой конструкции является Турция, однако пока через двусторонний (с Россией) формат, в ожидании, когда будут прояснены на компромиссных условиях отношения Армении с этой страной. На эти же цели должны быть ориентированы все двусторонние связи стран-членов Евразийского экономического союза с государствами Большой Азии. На это же должна быть обращена их основная активность в ШОС и БРИКС. Критическим звеном успешности всего замысла будет способность нарастить вокруг новой транспортно-логистической «паутины» реальный сектор экономики. Именно концентрация инвестиционных проектов и резкое повышение торговых потоков через новые каналы может заставить колеблющихся западных партнеров воспринять Евразийский экономический союз.

Чтобы наполнить экономическим смыслом «азиатский поворот», требуется время, и немалое. Его надо использовать для институционализации наших отношений с ЕС. После длительного периода полного игнорирования ЕАЭС, затем отягощенного украинским конфликтом, в этом году появились

первые признаки признания этой реальности со стороны Евросоюза и его лидеров. Путь к выстраиванию новых отношений двух континентальных интеграций не закрыт. Такое будущее для ЕАЭС было бы наиболее рациональным.

* * *

Чтобы реализоваться как интеграционная структура мировой значимости, Евразийский экономический союз должен достичь значимых результатов в ближайшие пять лет, в период формирования обновленного экономического порядка на континенте и в мире. Основное содержание интеграционного процесса на постсоветском пространстве пока находится в области торговли товарами. Значит, рассчитывать на скорые и весомые результаты стоило бы именно в этой области. Но в последние 3—4 года существенной переориентации товаров стран-членов ЕАЭС на внутренний рынок Союза не происходит. Нужно иметь в виду также, что чем более разнятся условия, на которых участники ЕАЭС строят свои отношения с третьими сторонами внешнеэкономической деятельности, тем сильнее оказывается риск дезинтеграции Союза.

Евразийский экономический союз сегодня не представляет собой самодостаточный рынок. Однако его производственный и логистический потенциал в перспективе мог бы сделать ЕАЭС важнейшим связующим звеном экономических связей Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. Для того, чтобы осуществить эту идею на практике, необходима одновременная активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном.

Глава IV. Укрепление позиций России в мировой экономике — принципы долгосрочной стратегии

Перезагрузка рынка экономика все более явно обнаруживает «глобализацию структурных сдвигов», когда их оправданность доказывается приращением позиций на внешних рынках и в конечном счете увеличением вклада чистого экспорта в ВВП, а рыночные и государственные институты постоянно испытываются жесткими условиями международной конкуренции на состоятельность содействия достижению таких результатов.

Если кратко, конкурентоспособность российской экономики в ближайшие 15—20 лет — это готовность к гибким и относительно быстрым трансформациям и умение сводить потери к минимуму при стрессовых ухудшениях внешних условий. Текущий уровень ее соответствия этой задаче крайне низок.

Причин много, но одна из главных — отсутствие внятного плана институциональных структурных реформ, что запирает будущее развитие (даже при самом благоприятном стечении обстоятельств) в двухпроцентном «гетто» экономического роста при необходимости иметь минимум 3,5—4,0% в силу взятых на себя государством оборонных, социальных и других обязательств. К тому же, и эта «двойка» условна, так как вся совокупность санкций (вместе с ответными мерами⁷²) притормаживает потенциальный ВВП примерно на 1% в год.

Если предельно упростить напрашивающийся диагноз, то при продолжающейся структурно-политической анемии надежды на экономическую динамику могут быть связаны только с внешним спросом. Но прирастать он может лишь на новом предложении товаров и услуг из России, что опять-таки возвращает к исходной посылке о невозможности выжать такую дельту из наличествующей экономической структуры.

⁷² По оценке Еврокомиссии, за год контрсанкций страны ЕС не только не снизили продовольственный экспорт, но, напротив, увеличили его на 5% за счет освоения новых рынков.

К этому добавляется и ощущение рисков перемен с точки зрения ослабления или вовсе утраты управляемости в госрегулировании. Текущий китайский опыт — громкий сигнал об этом: попытка движения по пути заявленных еще в 2013 г. структурных реформ получила «сопровождение» в виде повторяющихся фондовых кризисов, непоследовательных действий финансовых регуляторов и общего замедления экономики. Курс к новой модели развития КНР приходится править «на ходу» (наглядный пример — реформирование китайских госкомпаний). Протяженность же дистанции, которую предстоит пройти, становится еще более неопределенной.

В итоге российские власти все заметнее тяготеют к некому «историческому компромиссу» между рисками, которыми не готовы управлять, и необходимостью действий, когда, как в «Алисе в стране чудес», чтобы оставаться на месте, надо бежать вдвое быстрее. Отсюда стремление плавно «облагораживать» российский госкапитализм и его «ручное управление» с помощью «генной инженерии» в виде «лучших деловых практик», разнообразных «технологических платформ» тиражирования опытов «Сколково» и т. п. В этом же ряду — замена топ-менеджеров в госкомпаниях, приостановление бюджетного правила и заявления о намерениях «по-жесткому» скорректировать бюджет на 2016 г., заморозить тарифы инфраструктурных монополий и даже повысить пенсионный возраст. Одновременно растет популярность заново редактируемых сценариев «мобилизационной модернизации» с уклоном в изоляционизм.

Вместе с тем, нельзя вовсе исключить некой правки институционально-регулятивной среды, новые элементы которой, впрочем, как уже не раз случалось, с высокой вероятностью могут оказаться в «полусонном» состоянии, либо вообще в специально выбранном для них «спящем режиме».

В этом контексте поворот на Восток — естественный ресурс такого рода «компромисса», причем используемый не только как новая «судьбоносная» идея, но и все-таки как побуждение к реальным действиям, которые (хотя медленно и трудно) подталкивают российский корабль госуправления к развороту в фарватер структурной повестки. Поскольку

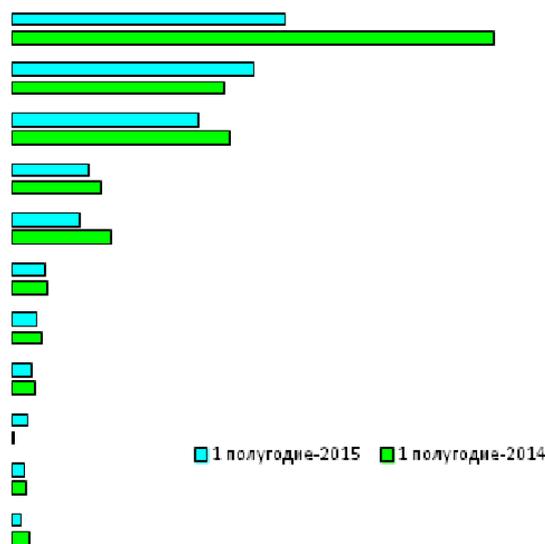
проблемы и ограничения, в которые упирается это маневрирование, носят всероссийский характер, то и эффективность решений чем дальше, тем больше становится зависимой от погружения в «общесистемные» проблем.

По мере реализации проекта (уже оснащенного федеральными законами) «Свободный порт Владивосток»⁷³ накопленный опыт, например, вполне может быть востребован (прежде всего, в плане повышения степеней свободы предпринимательства) применительно к Азово-Черноморскому побережью и другим территориям, имеющим непосредственный выход к морю. С другой стороны, наполнение тех же дальневосточных ТОРов реальным инвестиционным содержанием напрямую будет зависеть от результатов практики государственно-частного партнерства, складывающейся в других российских регионах.

На необходимость повышения внимания к «вопросам не частного характера» уже ясно указывают восточные углеводородные устремления госкомпаний, столкнувшихся с перспективой завершения геополитически ориентированных строек на грани рентабельности при затратах в триллионы рублей. Заметим, что нефтяная конъюнктура привела в 2015 г. к сокращению экспорта в целом из Дальневосточного федерального округа — «плацдарм» прорыва в АТР несколько сузился. И это еще один повод задуматься об оптимизации стратегии «восточного разворота».

⁷³ На территории, объединяющей 15 муниципалитетов от порта «Зарубино» на юге Приморского края до порта «Восточный», будут действовать режим свободной таможенной зоны, применяться налоговые и другие льготы, а также облегченный визовый режим. Ожидается, что «свободный» порт даст стимул созданию международных транспортных параметров из Северного Китая к российским терминалам на тихоокеанском побережье, ускорению координации Транссиба и увеличению грузопотока по Северному морскому пути. ВРП Приморья к 2025 г. должен вырасти в 2,2 раза (до 1,4 трлн рублей), к 2034 г. — в 3,4 раза (до 2,1 трлн рублей).

Динамика экспорта основных товаров из ДФО, млн долл.

Источник: ФТС, Центр международной торговли

Поправить положение одним только линейным наращиванием к концу десятилетия поставок за рубеж сырой нефти и природного газа не удастся. Нужен запуск общероссийского алгоритма реальной модернизации ТЭК, текущее состояние которого уже стало острой структурной проблемой (см. подробнее раздел 2.4). Главный смысл назревшего структурного маневра — наращивание добавленной стоимости на основе опережающего развития высоких переделов: от нефтегазопереработки (ее надо создавать заново) и нефтегазохимии (по сути требуется сформировать новую единую отрасль⁷⁴) к современному химкомплексу (его базовая продукция в настоящее время на поколение отстает от мировой планки, а доля России на мировом рынке колеблется в пределах 1—2%) и далее к специальной химии и фармацевтике. Между тем, соотношение добавленной стоимости у скважины и на седьмом переделе — 1:100.

⁷⁴ Из шести кластеров, заявленных в Плане развития газонефтехимии России на период до 2030 г., в настоящее время дееспособны только два — старый Поволжский и новый (создаваемый в основном усилиями «Сибура») Западносибирский. Работа по остальным — Северо-Западному, Дальневосточному, Восточно-Сибирскому и Каспийскому уже сильно отстает от запланированных графиков.

В последние годы дело несколько сдвинулось. Но в основном благодаря проектам «Сибура» («Тобольск-Полимер», продуктопровод с Ямала) и нефтехиму в Татарстане и Башкирии («Алабуга» и т. п.). Впереди у «Сибура» строительство «Запсибнефтехима» (объем инвестиций — 9,5 млрд долл.) и партнерство с «Газпромом» в запуске Амурского ГПЗ (проектная мощность — 49 млрд м³, инвестиции для ввода в эксплуатацию первой очереди — 790,6 млрд рублей) вместе с гелиевым заводом, а также сооружение Амурского газохимического комплекса (ввод в строй — 2022—2023 гг.)⁷⁵. Все это — формирование условий, необходимых для прорыва в АТР, но вовсе не достаточных. Стратегии создания производств более высоких переделов и/или встраивания их в ЦДС по большей части находятся на стадиях «нулевого цикла» и «закладки фундаментов».

Отдельные примеры по привлечению иностранных инвесторов (10% «Сибура» намерена купить китайская компания Sinopec), обмена активами («Роснефть» может продать контрольный пакет Восточной нефтехимической компании ChemChina, получив взамен 30% ее аналогичных активов) или выхода на индийский рынок (та же «Роснефть» подписала условия вхождения на 49% в уставной капитал одного из крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводов в г. Вадианар, принадлежащего Essar Oil) не меняют общей «застойной» картины. Господдержки (в том числе «точечными» политико-дипломатическими усилиями) хватает только на двух-трех «отраслевых чемпионов». Да и их обещания (например, семикратная макроэкономическая отдача от «восточных» проектов «Роснефти» ценой в 3 трлн рублей) нередко просто принимаются на веру — независимой экспертизе они, как правило, не доступны.

Помимо ТЭК важными направлениями российского ресурсно-структурного маневра остаются минеральные удобрения и (что имеет особое значение) редкоземельные металлы (Китай держит здесь более 90% мирового рынка). Без последних невозможен прорыв в «новых материалах», которые

⁷⁵ Многокомпонентный газ Якутского и Иркутского центров газодобычи будет поступать по газопроводу «Сила Сибири». В составе товарной продукции — метан, этан, пропан, бутан, пентан-гексановая фракция и гелий. Поэтапный ввод технологических линий должен быть синхронизирован с развитием добычных мощностей.

могут стать основой экспортных производств и продуктовых линеек, формирующих новые товарные рынки на Западе и Востоке.

Вывод очевиден: высокотехнологичная «надстройка» над российской ресурсной базой — это одно из главных слагаемых нового позиционирования России в глобальном хозяйстве.

Еще одно «окно возможностей» — выход России на позиции системообразующего экспортера продовольственной продукции (прежде всего, экологически чистого, так называемой «органики», цена на которую заметно выше — по пшенице, например, вдвое, — чем у традиционных видов сельхозсырья)⁷⁶. Повод начинать действовать — хотя бы растущее потребление Китая. Уже в настоящее время его доля от общемировых объемов составляет 30% по рису, 22% по кукурузе, 17% по пшенице. Третий импортер в мире (после ЕС и США) в скором времени может стать первым. По животноводческой продукции он вплотную приближается к этой позиции⁷⁷.

Уже в перспективе нескольких лет «китайский фактор» может начать стимулировать рост цен на мировых рынках. Соблазн не упустить шанс у российских аграриев, конечно, велик. Вместе с тем, опыт отношений с другими странами говорит о том, что Поднебесная не ограничивается ролью чистого импортера. Долю внутреннего рынка Пекин готов разменивать на доступ к сельхозугодиям и водным ресурсам. Результаты двусторонних пилотных проектов на сей счет для России, мягко говоря неоднозначны — экологический ущерб нередко превышает коммерческую выгоду. Но это

⁷⁶ По данным Research Institute of Organic Agriculture, в 2012 г. в мире в целом в органическом производстве было занято 0,87% всех сельхозугодий. В Европе — 2,3% (в том числе в Испании — 6,4%, Италии — 9,1%, Германии — 6,2%, Франции — 3,8%). В России — 0,1%. Число производителей в мире насчитывало 1,92 млн, в России — всего 60 (!) экономических субъектов. Недооценка этого направления, равно как и экспортоориентированного использования ресурсов дикой природы (с начала века их рынки по отдельным видам выросли от 2 до 11 раз и превысили 10 млрд долл.) приводит к дорогостоящим курьезам. Импорт плантационной клюквы в 2011—2013 гг. увеличился в 40 раз, на российском рынке замороженных грибов зарубежные поставки достигают 80%. При этом доля в мировом экспорте меда едва набирает 0,05—0,06% (данные ВНИКИ).

⁷⁷ Это учитывает и российский бизнес. Так, «Русагро» по программе проектного финансирования получит 12,65 млрд рублей на строительство свиноводческих комплексов на Дальнем Востоке. Помимо Китая экспорт планируется в Японию, Филиппины и Южную Корею.

опять-таки общероссийские вопросы стратегического характера — в каком направлении развивать экспортоориентированные агропроизводства и как коммерциализировать пользование водными ресурсами⁷⁸.

Развитие регионов, способных вписаться в экономическое пространство АТР, диктует необходимость «коммерциализации» статуса России как евразийского государства путем *расширения экспорта транспортно-логистических услуг*. В настоящее время существуют значимые возможности по увеличению транзитных перевозок:

- ✓ совокупность континентальных транспортных коридоров большой протяженности (реконструкция Транссиба и БАМа, высокоскоростное железнодорожное сообщение);
- ✓ сопряжение транспортно-логистических мощностей стран ЕАЭС с проектом «Экономический пояс Шелкового пути»;
- ✓ развитие Севморпути как альтернативы морским перевозкам между Европой и Азией через Суэцкий канал;
- ✓ развитие мультимодальных перевозок различными видами транспорта, объединенными в единую сеть;
- ✓ участие в формировании и совершенствовании европейских транспортных коридоров и интеграция в них российских транспортных узлов и систем;
- ✓ предоставление новых коридоров иностранным авиаперевозчикам через российское воздушное пространство.

Вместе с тем, налицо и вызовы, затрудняющие раскрытие транспортного потенциала России:

- ✓ жесткие бюджетные ограничения, которые в условиях низких цен на энергоресурсы и текущей геополитической напряженности сохраняют свое действие в течение неопределенно длительного времени;
- ✓ Транссиб и БАМ: необходимость инвестиций в дополнительную добычу полезных ископаемых для загрузки модернизированных

⁷⁸ В мировой практике используются такие формы, как торговля водоемкими товарами, бутилированной водой, реализация международных инфраструктурных проектов по транспортировке воды, продажа или сдача в аренду водоносных сельскохозяйственных земель.

мощностей, опять же упирающаяся в бюджетные ограничения и неразвитость практик ГЧП;

- ✓ Транссиб, БАМ, Севморпуть, сопряжение с «Экономическим поясом Шелкового пути»: в обозримой перспективе появятся конкурирующие транспортно-логистические маршруты (высокоскоростное автомобильное и железнодорожное сообщение между китайскими производственными провинциями и строящимися глубоководными портами в Мьянме в рамках проекта «Морской шелковый путь», высокоскоростное автомобильное сообщение по территории Казахстана по маршруту Достык — Актау с последующей погрузкой товаров на паромы и отправкой их через Баку и Тбилиси в Турцию, проект мостового автомобильного перехода через Каспийское море);
- ✓ высокоскоростное железнодорожное сообщение: по некоторым имеющимся экспертным оценкам, утвержденный проект ВСМ по маршруту Москва — Казань — Екатеринбург не характеризуется высокой экономической эффективностью (альтернативные предложения — строительство ВСМ в направлении казахской границы через Самару, Ульяновск, Оренбург или по южному вектору с выходом в Крым);
- ✓ европейские транспортные коридоры и авиационные коридоры через российское воздушное пространство: имеющийся потенциал подрывается последствиями геополитической напряженности;
- ✓ уровень развития сети автомобильных дорог, не соответствующий задачам увеличения транзита, медленный ввод в эксплуатацию новых магистралей, не сопоставимый со скоростью ввода в эксплуатацию альтернативных, конкурирующих маршрутов.

В целом уже очевидно, что *транспортная стратегия Российской Федерации рассогласована с задачей реинтеграции в глобальное хозяйство*. Отложен в долгий ящик проект ОАО РЖД «Восточный полигон», предполагающий «вертикальные» железнодорожные «подводки» к месторождениям Восточной Сибири (85% всех разведанных запасов) в дополнение к модернизации БАМа и Транссиба (объем частных инвестиций

оценивается в 2,3 трлн рублей за 8—10 лет). Последняя тоже идет со сбоями. Помимо бюджетных ограничений (две очереди проекта до 2020 г. требуют около 1 трлн рублей госсредств — независимая экспертиза на деле не проводилась), видна также сдержанность китайских партнеров (возможных инвесторов) — с «Экономическим поясом шелкового пути» проект совместим лишь частично⁷⁹.

Незаметна российская активность по включению национальных заявок в общемировой информационный банк проектов, создаваемый в рамках глобальной инфраструктурной инициативы «Группы двадцати», принятой в 2014 г. на саммите в Брисбене.

Напомним, что ее замысел — содействовать формированию нового «самостоятельного класса активов» (специализированных финансовых инструментов на основе секьюритизации длинных кредитов, проектных облигаций и их производных и т. п.), которые предлагались бы институциональным инвесторам по всему миру, включая суверенные фонды.

Этот ресурс мог бы помочь продвижению проекта Азиатского энергокольца, предполагающего объединение энергосистем Востока России, Китая, Японии и Южной Кореи. Совокупный эффект в этом случае может составить более 24 млрд долл. в год (за счет экономии инвестиций в установленные мощности и сокращения потребности в дополнительной генерации примерно на 67 ГВт).

Поворот на Восток вкупе с некоторым продвижением в решении транспортно-логистических проблем предельно актуализирует «классическую» российскую задачу — выход региональных бизнесов на внешние рынки. О необходимости встраиваться в ЦДС и мировых трендах в производстве и потреблении в предыдущих разделах доклада уже сказано. Повторим еще раз — «окна возможностей» для формирования экспортного профиля регионов России открываются лишь при комфортных температурах

⁷⁹ Между тем, потенциал и сотрудничества России и Китая в транспортно-логистической сфере начинает реализовываться на других направлениях (где проекты понятны инвесторам). В сентябре 2015 г. было подписано соглашение об участии в строительстве железнодорожной магистрали «Белкомур» (Белое море — Коми — Урал: 712 км новых путей, 449 км старых, требующих модернизации) китайского оборонного холдинга Poly Technologies.

инвестиционного климата и вызывающей доверие бизнес-среды. Пока же их резко-континентальные черты меняются явно не в сторону потепления. Если судить по такому критерию, как привлечение прямых иностранных инвестиций в новые проекты, то в первой половине 2015 г. Россия оказалась по темпам роста на 31-м месте из 154 развивающихся стран, потеряв в годовом выражении 46,12% объема.

Прямые иностранные инвестиции в новые контракты в развивающихся странах, млн долл.

Место	Страна	1-е полугодие 2014	1-е полугодие 2015	Изменение, %
1	Казахстан	699,3	2509,35	258,84
2	Словакия	524,46	1739,28	231,63
3	Босния и Герцеговина	862,6	2834,47	228,80
4	Индия	12286,00	30593,29	149,01
5	Таиланд	1734,42	4078,89	135,17
...30	Кения	1484,09	829,56	-44,10
31	Россия	5208,62	2806,23	-46,12
32	Филиппины	5353,21	2788,08	-47,92
...57	Конго	1659,3	5,8	-99,65
58	Чад	628,66	0	-100,00
59	Мавритания	1151,7	0	-100,00
60	Черногория	1096,5	0	-100,00
61	Йемен	509,9	0	-100,00

Источник: *FDI Markets*⁸⁰

Видимо, не случится при текущей инерции госуправления на федеральном и региональном уровнях еще недавно ожидавшийся (после заседания Госсовета на эту тему) прорыв в развитии малого и среднего бизнеса — удвоение к 2030 г. его доли в ВВП с 21% до 40%⁸¹. В последней редакции проекта соответствующей стратегии (по состоянию на начало сентября 2015 г.) эта цель заметно подрастеряла амбиции — до 26,6%.

⁸⁰ Служба Financial Times по анализу прямых инвестиций.

⁸¹ По данным ОЭСР, вклад малого и среднего бизнеса в ВВП Японии в 2014 г. составлял 63% (с долей занятых 77%), США — 62% (24%), ЮАР — 60% (60%), Венгрии — 50% (48%), Великобритании — 50% (35%), Малайзии — 47% (56%), Австралии — 35% (69%), Чехии — 35% (51%). В России вклад МСБ в ВВП составил 21% — уровень почти сравнимый с канадским (27%). Но при этом доля занятых в этой сфере в Канаде — 47%, тогда как в России — только 25%.

Новому позиционированию в глобальном хозяйстве и превращению российских регионов в его субъекты такая умеренность точно не поможет — в те же ЦДС встраиваться просто будет некому.

* * *

Как видим, поворот к АТР в своих обнаруживающихся ограничениях собственно на дальневосточном треке все более упирается в необходимость проведения структурных реформ на общероссийском экономическом пространстве в целом. В этом же и точка отсчета долгосрочной стратегии нового позиционирования России в глобальном хозяйстве, способной принести реальные результаты.

В качестве основных принципов алгоритма ее выработки следовало бы исходить из:

- *цели превращения российского хозяйства в развитую экономику (по международно признанным критериям соответствия членству в ОЭСР);*
- *активного участия в создании глобальных стандартов деловых практик (по сути, правил международной конкуренции, единых и для Запада, и для Востока) и их имплементации в юрисдикцию и экономику России;*
- *использования потенциала ВТО и определения позиций как в отношении реформирования ее переговорного процесса, так и перспектив взаимодействия с возникающими макрорегиональными форматами торгово-инвестиционного сотрудничества (ТТП, ТТИП, РВЭП);*
- *проведения экспортоориентированной структурной политики (в секторальных и региональных измерениях) с ясным определением приоритетных направлений, использования для этого потенциала импортозамещения и локализации выпуска в России продукции известных международных брендов;*

- *ставки не столько на прорыв в уже сложившиеся в мире экспортные потоки, но прежде всего на развитие отечественных бизнесов, способных создавать «продуктовые линейки» для новых, в том числе «сетевых» рынков, где основная добавленная стоимость создается инжинирингом, программным обеспечением и сетевым взаимодействием (включая инфраструктуру интернета) — например, в дигитализации транспорта, промышленности, медицины и образования;*
- *интенсивного встраивания в глобальные цепи добавленной стоимости и сопровождающие их инвестиционные потоки и технологический трансфер, что, в свою очередь, потребует тесной международной координации установлений в сфере госрегулирования экономики (от налоговых режимов до технических стандартов, экологических нормативов и т. п.);*
- *максимального расширения числа стран-партнеров по торговому и инвестиционному сотрудничеству в АТР;*
- *углубления интеграционных процессов в ЕАЭС, заключения «союзных» соглашений о зонах свободной торговли с «третьими» странами при уверенности в их взаимовыгодности;*
- *необходимости выведения российских экспортеров на финансовые рынки главных стран-партнеров в торговле и инвестициях;*
- *поощрения трудовой миграции из России в страны АТР (за опытом, деловыми связями и т. п.) со стимулированием последующего участия в деятельности российских компаний на этом рынке, включая разработку специальных программ, выстроенных в форматах государственно-частного партнерства;*
- *гибкой господдержки (ее современные институты в России делают только первые шаги) субъектов ВЭД, ориентированной прежде всего на содействие стратегическому бизнес-планированию, созданию новых конкурентоспособных продуктов, тщательное изучение целевых зарубежных рынков и адаптивную*

подготовку необходимой инфраструктуры (транспортно-логистическая составляющая и др.);

- *необходимости перехода к среднесрочному таргетированию счета текущих операций ⁸² для оптимизации управления внешними рисками через изменение параметров денежно-кредитной, валютной и бюджетной политики и проведение структурных реформ (повышение комфортности инвестиционного климата, непосредственно влияющего на интенсивность притока/оттока капитала).*

Потребуются, естественно, и внешнеполитические инициативы, направленные не только на ослабление текущей напряженности в отношениях с Западом и отмену санкционных режимов, но и на создание и укрепление международных гарантий бесконфликтной трансформации глобального хозяйства.

Сценарии реализации «стратегии реинтеграции» по сути те же, что у замысла необходимых структурных реформ, поскольку именно они являются основой «образа желаемого будущего» с точки зрения позиций России в глобальном хозяйстве. Некоторые целевые ориентиры для «подтягивания» качества институтов в принципе понятны: бездефицитный бюджет; четырехпроцентная инфляция; объем долгосрочной ликвидности, генерируемый финансовыми рынками, не менее 6—8 трлн рублей к 2020 г.; удвоение к этому сроку совокупного кредитного портфеля банковского сектора; доля госсектора в ВВП менее 40%; а малых и средних предприятий, напротив, более 40% (в настоящее время 21%); величина нормы накопления — около 30% ВВП.

Другие еще предстоит определить. В первую очередь, это реалистичные параметры структуры экспорта, степени встроенности в ЦДС, размерности расходов на программы ориентации регионов на внешние рынки, а также объективные критерии зрелости евразийского

⁸² Идея выдвинута Экономической экспертной группой. См. подробнее: Е. Гурвич, И. Прилепский. Как обеспечить внешнюю устойчивость российской экономики. — «Вопросы экономики», 2013, №9.

интеграционного проекта, его устойчивости и совместимости со стратегическими инициативами Китая в рамках «Экономического пояса шелкового пути» и т. п.⁸³

Чем дальше российская власть будет эксплуатировать «восточно-разворотный» ресурс приспособления к экономической реальности, делая при этом хотя бы небольшие, но реальные шаги к новой модели развития, тем быстрее она втянется в логику действий, уводящих от поддержания госуправленческого статус-кво. При этом важно не потерять ориентиры. Императивы реинтеграции в глобальное хозяйство (без искусственного разделения на Восток и Запад) и принципы ее долгосрочной стратегии способны стать постоянным напоминанием об этом.

Принципиальным условием успеха была и остается активная позиция российского гражданского общества.

⁸³ При этом крайне важен взвешенный взгляд на происходящие процессы, исключающий неоправданные надежды. В экспортной стратегии-2030, например, несырьевой экспорт трактуется настолько широко, что в него попадают металлы, продукты базовой химии, зерно, рыба, пиломатериалы, нефтепродукты и электроэнергия. При этом подходе уже в 2014 г. доля такого экспорта в общем объеме достигла 43%. Если же оперировать агрегатом «продукция высокой степени переработки», то сеть, собственно промышленным выпуском конечных изделий и комплектующих, то их доля в экспорте — 7% (около 4 млрд долл.). Упование на военно-техническое сотрудничество (ВТС) тоже избыточно. Годовой объем этого рынка в последние несколько лет стабилизировался на уровне 50—60 млрд долл. Потенциал России — примерно четверть объема. Для сравнения: объем глобального рынка программного обеспечения — около 1 трлн долл. (доля России в нем — 0,5%).

Вместо заключения

Вывод из всех разделов доклада, написанного экономистами разных взглядов и специальностей, очевиден. Единственным рациональным решением дилеммы «Восток или Запад» для российского будущего является отрицание «или» и утверждение «и».

Но политики, в первую очередь провластные, с обеих сторон уравнения придерживаются противоположной точки зрения. Перед нашими глазами начинает разворачиваться хантингтоновская драма столкновения цивилизаций. Острая фаза ближневосточного кризиса переросла в войну с «исламским государством». Конфликт России с Западом после украинской революции угрожает континентальным разломом. Российско-китайское стратегическое партнерство и пока не подтвержденная, но вполне реалистичная гипотеза двойного сдерживания этих государств со стороны США усиливают напряжение. Всё это не может не вносить коррективы в рациональный анализ экономических интеграционных процессов как на глобальной сцене, так и на Евразийском континенте.

С середины 1990-х Россия и европейские государства последовательно продвигались по пути строительства Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. От «дорожных карт» по созданию четырех общих пространств внешней и внутренней безопасности, экономики и гуманитарной сферы мы перешли к «Партнерству для модернизации» и другим масштабным интеграционным проектам.

К осени 2015 г. на самом высоком политическом и экспертном уровне речь зашла о конце Большой Европы. В конфронтационной логике, Россия перестает быть восточным флангом несостоявшейся Большой Европы и превращается в западный фланг формирующейся Большой Евразии.

В представленном докладе мы не ставили перед собой задачу анализировать политическую составляющую современной сложной международной обстановки. Однако мы честно и, как нам кажется,

основываясь на объективных экономических данных, выявляли реальные условия и возможные последствия российского разворота на Восток. Мы не считаем, что «дверь на Запад» окончательно захлопнута.

В своих предыдущих работах Комитет гражданских инициатив сформулировал идею о совместной программе Евразийского экономического союза и Европейского союза по стабилизации и восстановлению украинской экономики. Ее реализация дала бы нам шанс перейти от конфронтации к сотрудничеству.

Идея была подхвачена как на Востоке, так и на Западе. Ряд видных западных ученых и политиков (в их числе — Г. Киссинджер) определили ее как «план Маршалла-2». Наши представители вошли в рабочую группу т. н. «Европейского сообщества лидеров», которая предлагает приступить к конкретной проработке этого проекта. Соответствующие консультации между рабочими органами ЕАЭС и ЕС могут состояться. Мы твердо надеемся, что минский процесс, несмотря на все известные трудности, жив и может получить дальнейший импульс в ходе саммита «нормандской четверки». Мы призываем власти США и КНР отнестись к этому процессу в высшей степени ответственно, потому что именно в таком отношении проявляется роль ведущих и великих держав, у каждой из которых есть обязательства и интересы в отношении России и Европы.

Мы внимательно наблюдаем за усилиями, которые прикладывают дипломаты разных стран с тем, чтобы хрупкое перемирие, в основном соблюдаемое в Донбассе, не сорвалось и позволило реализовать дальнейшие шаги по мирному урегулированию. Мы с интересом и поддержкой следим за продвижением изложенных идей в увязке с саммитом-2016 Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, единственного универсального коллективного органа в регионе (где председательство в будущем году перейдет к Германии). Этот саммит способен был бы перечеркнуть предсказания пессимистов о конце Большой Европы. Иначе масштабный континентальный разрыв будет иметь тяжелые, непредсказуемые последствия — в первую очередь, для нашей страны.

С тем, чтобы поддержать сторонников конструктивного решения реально существующих острых проблем мы и подготовили этот доклад. Мы представляем его к рассмотрению на Комитете гражданских инициатив, а затем на Общегражданском форуме. Мы предлагаем обратиться с основными выводами и рекомендациями доклада к нашим коллегам в постсоветских государствах, в Европе, США и КНР.